

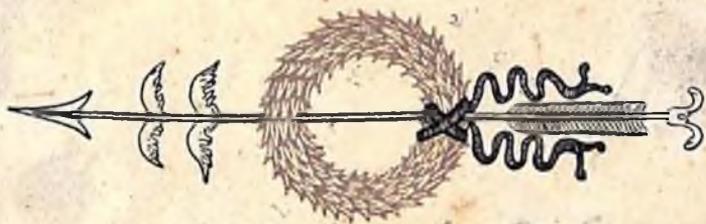
8.1
С-14

БОРИСЪ САДОВСКОЙ

ЛЕДОХОДЪ

✓

**СТАТЬИ
И
ЗАМѢТКИ**

ИЗДАНИЕ АВТОРА

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637
TEL: 773-936-3000
WWW.CHICAGO.EDU

БОРИСЪ САДОВСКОЙ

ДЕДОХОДЪ

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

*Теорія, мой другъ, съра вездѣ,
А древо жизни ярко зеленѣеть.*

Изъ „Фауста“.

4

Пр. фр. г. 27/8 1916 г.

Р С Х М С С С Р

Заводской комитет

завода № 27/8

1916 г.

№ 27/8
98644/3

✓

✓

✓

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Плг. Рынчова, 10.

МУК ЦСМБ
БИБЛИОТЕКА
им. г. Василева
Гуртьева, 33

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ пѣсни слова не выкинешь.
Пословица.

Ледяные затворы, стерегущіе нашу рыбью жизнь, трескаются и сплываютъ, а близкій ледоходъ готовится умчать въ жизненное море послѣдніе осколки рыбьей литературы.

Надо ли говорить, до чего всѣ мы, писатели и читатели, страдаемъ и задыхаемся подъ сводами литературнаго льда? Намъ не даютъ дышать свободно свои же братья-писатели, насъ давятъ всяческія цензуры. Ахъ, цензура либеральная горше цензуры военной!

Самозванцы, люди съ улицы, глашатаи толпы, непомнящіе родства, хватаютъ писателя за горло и приказываютъ молчать. Журнальные столбцы превратились давно въ грязные участки, откуда несутся властные оклики: не пущать! Со всѣхъ литературныхъ заставъ торчатъ угрожающія рогатки, и горе неосторожному, кто осмѣлится поднять голосъ въ этомъ кромѣшномъ царствѣ.

Русскій писатель не смѣетъ быть самимъ собой, ежели не хочетъ быть оплеваннымъ и забытымъ. Въ лучшемъ случаѣ изъ него выходитъ самодовольный червонецъ, смѣсь золота и установленной лигатуры съ пробою и клеймомъ. Не червонецъ, такъ мѣдный грошъ, а то и желтая новенькая рублевка.

Мы не знаемъ и не знали никогда нашихъ великихъ писателей въ ихъ подлинномъ видѣ. Ихъ намъ искусно поддѣлываютъ, какъ фальшивыя деньги. Замалчиваютъ одно, подчеркиваютъ другое. И мы не смѣемъ отбросить ложный стыдъ и прямо смотрѣть въ глаза исторіи.

Конецъ литературщины не за горами. Явное обмелѣчаніе толстыхъ журналовъ, никѣмъ не читаемыхъ и давно никому не нужныхъ, по-

казываетъ, что добровольная цензура писателю и читателю одинаково ненавистна. Все чаще раздаются отдѣльные свободные голоса, падающіе живыми сѣменами въ родную почву.

Всего ужаснѣй, конечно, наша роковая оторванность отъ жизни. Мы жизни не вѣримъ и прячемся отъ нея старательно въ бумажную крѣпость. Не вѣримъ мы и въ самихъ себя. Кажется, Бѣлинскій, умирая, просилъ, чтобы въ гробъ ему положили подъ голову послѣднюю книжку „Современника“. Вдумаемся пристальнѣй въ эту литературную легенду: какое духовное убожество въ ней сказалось! Несчастный: неужели не зналъ онъ, какія священникъ вложить ему въ мертвую руку несравнимыя по силѣ и красотѣ слова, какія надъ тѣломъ его прозвучать вдохновенныя молитвы?

Такъ и литература русская, подобно Бѣлинскому, духовному своему отцу, донинѣ съ презрѣніемъ отвращается отъ многообразія жизни, отъ вѣчнаго искусства, отъ религіи, отъ здраваго смысла. Не явно ли, что для людей, отходящихъ отъ огненныхъ глаголовъ Дамаскина къ мертвечинѣ литературной, невыносимо всякое проявленіе свободнаго духа?

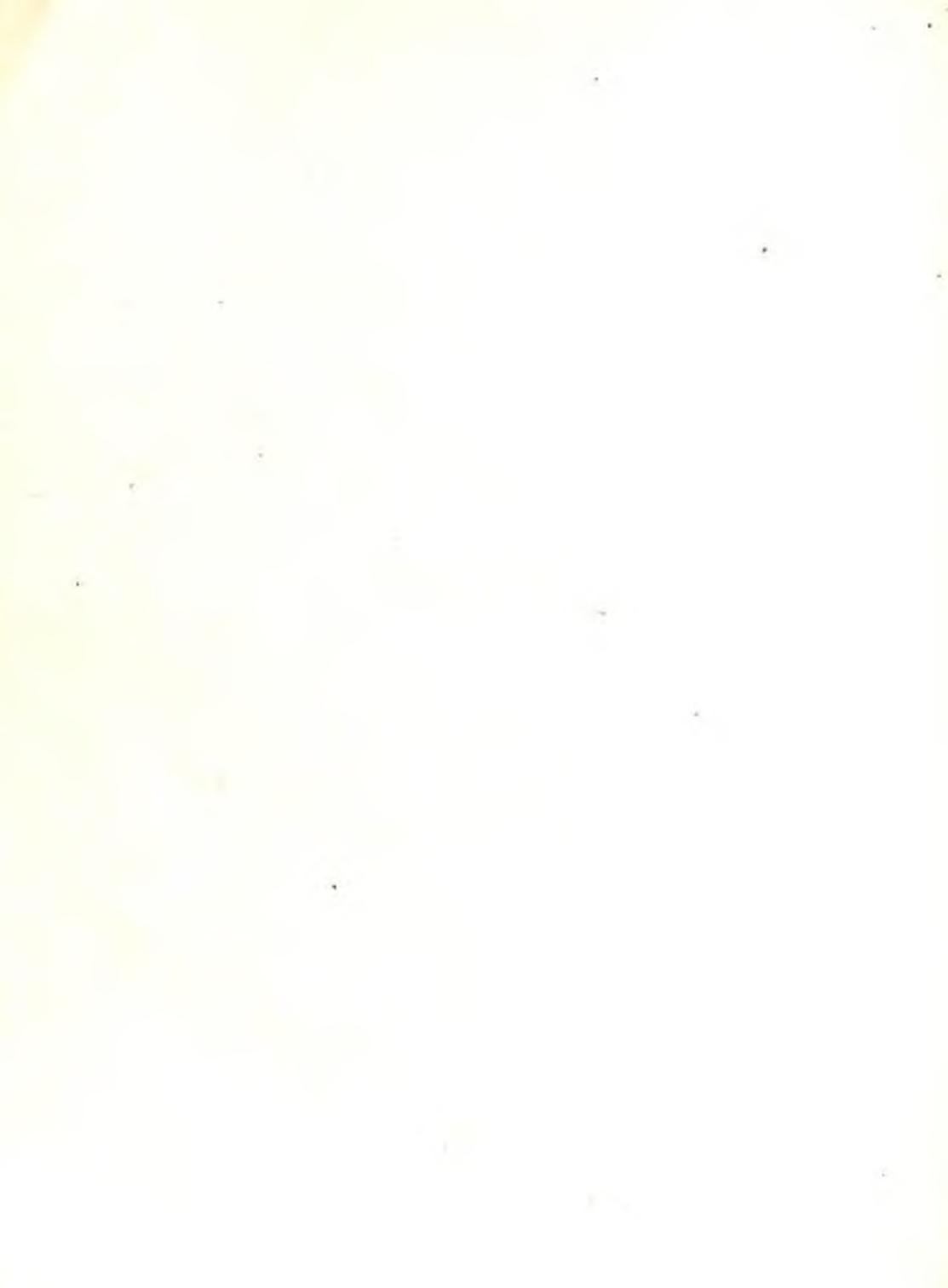
Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ кончины Бѣлинскаго, одному извѣстному журналисту простодушный читатель изъ крестьянъ прислалъ трогательное приглашеніе на свадьбу дочери, приложивъ на дорогу деньги. Газетчикъ снисходительно посмѣялся и, возвративъ мужику прѣздныя, остался въ своей редакціи. Онъ поступилъ умно. Несомнѣнно, въ деревнѣ ждали отъ него напутствія молодымъ, мудраго совѣта, можетъ быть, поученій. А чему способенъ научить ближняго русскій литераторъ и что можетъ сказать онъ народу на свадебномъ торжествѣ?

Да, ледоходъ близокъ, и никакими рогатками его не сдержать. Не смѣю думать, чтобы моя скромная книга — осколокъ того же льда — могла содѣйствовать скорѣйшему наступленію весенней поры. Въ ней не дается методовъ къ рѣшенію волнующихъ насъ вопросовъ; здѣсь даны лишь намеки на эти методы. Но ежели бы читательскія волны вынесли книгу мою въ открытое море жизни, я пошелъ бы себя счастливымъ.

Январь 1916.

Нижній-Новгородъ.

СТАТЬИ.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

Этому надо вѣритъ. Нѣтъ поэта субъективнѣ Лермонтова. Онъ искрененъ поневолѣ, ибо умѣетъ писать только для себя и о себѣ. Его до обожанія любятъ родственныя ему натуры; ими онъ повелѣваетъ и очаровываетъ ихъ, какъ прекрасный Демонъ. Мрачная узость эгонстическаго вдохновенія соединяется въ немъ съ бездонной глубиной чувства. Поэзія его въ своемъ плѣнительномъ образіи похожа на глухой и темный колодезь; вѣетъ оттуда сыростью и могильнымъ холодомъ, а тамъ, въ стальной чернотѣ глубокаго дна, сіяя голубыми бликами, ходятъ неясные просвѣты. Ими проскользнувъ „безъ руля и безъ вѣтриль“, выплываешь вдругъ въ заколдованное царство. Блаженствуютъ, качаясь, царственные цвѣты, пальмы, чинары; райскія птицы поютъ и слышится голосъ рыбки:

Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ и покой.
Усни! Постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

Спасти отъ демона-Лермонтова можетъ только серафимъ-Пушкинъ, изъ подземнаго міра уносящійся „въ сосѣдство Бога“.

Поразительна лермонтовская цѣльность, гармоничность его природы, самобытность колоссальнаго таланта. Душою онъ въ глав-

номъ своемъ одинъ и тотъ же, семнадцатилѣтній и на двадцать седьмомъ году, наканунѣ смерти. Можно, пожалуй, сравнить его съ косноязычнымъ Демосѣеномъ: упорствомъ и силой воли достигъ онъ демонской власти надъ словомъ; глаголь его, точно, жжетъ сердца. Трудъ удивительный и неимовѣрный положилъ Лермонтовъ, чтобы въ твореніяхъ своихъ запечатлѣть то единственное, чему онъ всю жизнь вѣрилъ и ради чего страдалъ. Узкій въ своихъ темахъ, онъ углубилъ ихъ безчисленными набросками, ворохомъ черновыхъ пробъ и плохихъ стиховъ, все для того, чтобы создать нѣсколько превосходныхъ произведеній.

Есть у семнадцатилѣтняго Лермонтова одно удивительное стихотвореніе "подъ ничего не выражающимъ заглавіемъ: „1831 года, Юня 11 дня“. Это огромная пѣса въ 256 стиховъ. Въ ней всѣ обычные достоинства и недостатки юношескаго творчества Лермонтова: мало поэзіи и упругой красоты, много металлической силы и неуклюжей страстности; искренностью она поражаетъ необыкновенной. Въ сухости изложенія таится какая-то, почти математическая, строгость мысли. Не надо забывать, что Лермонтовъ въ то время писалъ исключительно для себя; онъ лишь случайно сдѣлался присяжнымъ писателемъ и къ литературной славѣ всегда былъ глубоко равнодушенъ; оттого его юношескіе стихи пріобрѣтаютъ особую цѣломудренную прелесть. Въ стихотвореніи „11 Юня“ передъ нами весь Лермонтовъ; здѣсь данъ абрисъ будущей грандіозной картины, какъ бы начерченный углемъ,—краски наложило на нее слѣдующее десятилѣтіе короткой жизни; въ немъ пулѣ Мартынова суждено было стать послѣднимъ, завершающимъ взмахомъ кисти. „11 Юня“ начинается задумевнымъ признаніемъ:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ.
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

„Таинственные сны“... Лермонтовъ — прирожденный сновидецъ и мечтатель. Всю жизнь онъ провелъ въ призрачномъ мірѣ сновъ. Это его стихія; въ ней онъ царить, какъ демонъ (*δαίμων*), какъ божество. Въ „свѣтѣ“, въ „мірѣ“ онъ живетъ лишь проблесками, минутами сознанія, и минуты эти не омрачаютъ его таинственнаго сна. „Страстей и мукъ умчался прежній сонъ“, „Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я“, „Года уходятъ будто сны“, „Сонъ земныхъ

страстей“, „Промчался легкой страсти сонъ“ — это только наудачу взятые стихи съ нѣсколькихъ страницъ 1830 года,—но и дальше всюду у него сны — „сны мучители“, и вся его поэзія — вѣщій сонъ, а характернѣйшее для него стихотвореніе — „Въ полдневный жаръ въ долину Дагестана“, гдѣ тяготѣющій надъ влюбленными сонъ одушевляетъ ихъ нездѣшней силой.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнию иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О, нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

Вызванные къ жизни, образы эти, воплотясь въ стихахъ Лермонтова, точно, мало походятъ на „существъ земныхъ“. Развѣ люди — всѣ эти стихійные Арсеніи, Измаилы, Мцыри? развѣ не родные братья они чарующему Демону, покрывшему лермонтовскій міръ своими черными угловатыми крылами, пожалуй, въ павлиньихъ краскахъ, какъ на картинахъ Врубеля?

Мечтательность раздвоила существованіе Лермонтова. Жизнь ему не въ жизнь. Онъ живетъ снами и во снѣ, какъ гоголевскій художникъ въ „Невскомъ проспектѣ“, вѣрище — какъ собственный герой его, тоже художникъ, Лугинъ, играющій каждую ночь со старикомъ-фантомомъ въ штосъ. Проснувшись на минуту Маешкой, кутилой и львомъ-бреттеромъ, онъ снова предается упонительной сонной мечтѣ, стремясь выиграть „чудное, божественное видѣніе“. „Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но зато каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ“. Вся жизнь Лермонтова — игра съ призракомъ; рѣшающей ставкой былъ поединокъ 15 Іюля 1841 года, когда послѣдняя карта была убита.

Во снѣ созерцаетъ Лермонтовъ рай, котораго, онъ знаетъ, наяву ему никогда не видѣть. Святымъ сномъ остается для него воспоминаніе дѣтства, породившее въ душѣ поэта пламенную и страстную любовь къ Кавказу. За что онъ любилъ Кавказъ? только за одинъ мимолетный призракъ счастья: глядя на горы, переживалъ онъ ласку покойной матери.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ;
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,—
Люблю я Кавказъ.

И первая чистая любовь его связана съ Кавказомъ, съ вѣчною панорамою южныхъ горъ. Шестнадцатилѣтній отрокъ воспоминаеть:

Я счастливъ былъ съ вами, ушелія горы;
Пять лѣтъ пронеслось: все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ,—
И сердце лепечеть, воспоминя тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

Пять лѣтъ! Да развѣ не сонъ эта „пара божественныхъ глазъ“, когда-то на мигъ мелькнувшихъ десятилѣтнему Мишелю? Разумѣется, все это происходило во снѣ, на зарѣ жизни, когда еще зелеными глазами смотреть ребенокъ на чудесный миръ, не успѣвъ очнуться отъ грезъ предыдущей ночи. Въ дальнѣйшихъ строфахъ „11 Юня“ немало есть дѣтскаго, почти смѣшнаго: мечты о кленетѣ, объ изгнаніи, о кровавой могилѣ, — но для семнадцатилѣтняго поэта все это въ порядкѣ вещей. Мечты эти только подтверждаютъ его искренность.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей;
Съ такой душой ты Богъ или злодѣй!..

Тутъ вся мстительная, клянущая и бунтующая стихія Лермонтова, со всѣми ея муками: тутъ и борьба съ судьбой, и „склонность къ разрушенію“, и гордый отказъ отъ райскаго блаженства для земной тоски.

Всегда кинить и зрѣть что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанья и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что-жъ? Миѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то! Жажда бытія
Во миѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.

Это тотъ же парусъ одинокій, который счастья не ищетъ и просить бури.

Есть время, — леденѣть быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена;

Жизнь ненавистна, но и смерть страшна...
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его бѣ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ,
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученія происходятъ оттого.

Въ смѣшеніи священнаго съ порочнымъ опять во весь ростъ
является намъ Лермонтовъ, съ бурями адской страсти и безплодной
тоской по утраченному эдему. Пусть онъ вѣчно страдаетъ, томимъ
воспоминаньемъ объ ангельской чистотѣ своихъ первыхъ дней;
пусть рвется стать преступникомъ, демономъ: онъ остается и на-
всегда останется только ч е л о в ѣ к о м ѣ .

Всѣ его
Мученія происходятъ оттого.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ,—
Но равнодушный міръ не долженъ знать
И не забыть умру я.

Да, міру не нужны были его мученія; міръ ихъ и не узналъ,
но что мучился онъ безумно, въ томъ порукой намъ его жизнь
и смерть.

Но всего важнѣе въ этой юношеской исповѣди (а вѣдь юноше-
скія признанія всегда искреннѣй старческихъ несравненно) это слова
Лермонтова о любви.

О, когда бѣ я могъ
Забыть, что незабвенно... женскій взоръ!
Причину столькохъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
Другой владѣть ею съ давнихъ поръ,
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить—и небеса молю
О новыхъ мукахъ; но въ груди моей
Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.

Кто она? Это неважно и даже нелюбопытно для насъ; важно
то, что и тутъ звучитъ намъ все тотъ же вѣчный лейтъ-мотивъ
лермонтовской поэзіи:

Не вѣрять въ міръ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она—
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣніе сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая! Любить—
Необходимость мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

И отучить не могъ меня обманъ:
Пустое сердце ныло безъ страстей,
И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней.
Такъ, въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза вырастаетъ — молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ.

Трогательное простодушіе! Любить ему необходимость. „Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь десяти лѣтъ отъ роду? Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ“ (Запись 8 Іюля 1830 г.) Конечно, это кажется, только кажется. Первая любовь: для нея женщина никогда не цѣль, а только средство: образъ женщины избираетъ она, какъ предлогъ для своего существованія. Лопухина ли, Сушкова ли, та или иная дама: все равно. „Люблю мечты моей созданье“. Но „обманъ“ (въ смыслѣ разочарованія) не могъ отучить его отъ увлеченія женщиной. Въ послѣднемъ предсмертномъ стихотвореніи онъ говоритъ:

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье,—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занять разговоромъ,—
Но не съ тобой я сердцемъ говорю.

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ — уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ — огонь угаснувшихъ очей.

А въ сущности никого не люблю, кромѣ „мечты“, кромѣ „сна“, кромѣ того, что „кажется“.

Трагедія Лермонтова не въ самой любви, а въ отношеніи его къ ней. Разочарованіе его неподдѣльно; нѣтъ, ужъ какой тутъ байронизмъ! Слѣпой подражатель Байрону не вырвалъ бы никогда изъ груди своей такихъ леденящихъ сердце стонъ. Душа Лермонтова, дѣйствительно, увяла: она дышитъ сыростью могильныхъ цвѣтовъ. Мысль о любви всегда сочетается у него съ мечтами о смерти, о вѣчности, и сладостно-жутко читать эти полудѣтскіе стихи:

Вчера до самой ночи просидѣлъ
Я на кладбищѣ. Все смотрѣлъ, смотрѣлъ
Вокругъ себя, полстертыя слова
Я разбиралъ. Невольно голова
Наполнилась мечтами вновь; очей
Я не былъ въ силахъ оторвать съ каиней...
Одинъ ушелъ ужъ въ землю, и на немъ
Все стерлося; тамъ крестъ къ кресту челомъ
Нагнулся, будто любить; будто сонъ
Земныхъ страстей узналъ въ семъ мѣстѣ онъ.
Вкругъ тихо, сладко все, какъ мысль о ней.

Мысль о ней — гдѣ же? на кладбищѣ. Это не сентиментальная въздыханія Жуковского о близости небеснаго свиданія, это зловѣщее предчувствіе разлуки вѣчной. Любовь Лермонтова тысячами нитей сплетена со смертью, съ гробомъ, съ мертвецами и со всѣмъ ихъ кладбищенскимъ обиходомъ. И опять это не романтический, мишурный антуражъ: Лермонтовъ искренно любить страшныя тайны могилъ, чувствуетъ подлинную поэзію склепа, какъ чувствовалъ се Эдгаръ По. Ярko и мучительно переживаетъ этотъ Пензенскій барченокъ, начитавшійся Байрона, муки любви, ощущая въ то же время адское наслажденіе при мысли о смерти. Эти двѣ могущественнѣйшія стихіи, любовь и смерть, озарены у него въ соединеніи своемъ невыносимымъ свѣтомъ. Мрачно, сладострастнымъ шопотомъ повѣствуетъ онъ въ своемъ „Вадимѣ“: „Однажды мать сосватала невѣсту для сына, давню убитого на войнѣ; долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ, вышла замужъ за другого; на первую ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель. Она моя — говорилъ онъ — и слова его были вѣтеръ, гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа съ крестомъ и святой водою, и выгнали опоздавнаго гостя, и, выходя, онъ заплакалъ, но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его“.

Какому романтику въ то время могла придти въ голову жуткая гробовая иронія „Конца“?

Конецъ! Какъ звучно это слово.
Какъ много-мало мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ — и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ. А потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ
И черви вашъ скелетъ обгложутъ...
Когда-жъ чиновный человекъ
Захочетъ мѣста на кладбищѣ,
То ваше узкое жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ,
И можетъ быть изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмейстеръ изготавитъ супъ...
А тамъ голодный апнетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ... 1)

А изумительная „Любовь мертвеца“, одно изъ лучшихъ произведений Лермонтова?

Что мнѣ сянѣе Божьей власти
И рай святой?
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ въ старину.

Апофеоза любви, пережившей смерть! Воистину, любовь сильнѣе смерти, именно сильнѣе. Все обаяніе поэзіи Лермонтова въ его силѣ. Онъ силачъ, сказочный богатырь. Не даромъ современникъ его, художникъ П. А. Федотовъ, называлъ его стихи „пѣснями богатыря въ минуты скорби неслыханной“.

1) Конецъ этого стихотворенія имѣетъ еще варианты:

Когда-жъ стѣснится ужъ кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроютъ смѣлою рукой
И гробъ поставятъ къ вамъ другой.
И молча ляжетъ съ вами рядомъ
Дѣвица нѣжная, одна,
Мила, покорна, хоть блѣдна...
Но ни дыханіемъ, ни взглядомъ
Не возмутится вашъ покой...
Что за блаженство, Боже мой!

Здѣсь Лермонтовъ опередилъ „Бобокъ“ Достоевскаго на цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ.

Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая.

Горе тому, у кого любовь на всю жизнь остается сильнѣйшей страстью. Она неизбежно приведетъ его къ крушенію. Для Лермонтова главный ужасъ заключался въ раздвоенности его любви, въ той пропасти, что зияетъ вѣчно между женщиною и идеаломъ. Онъ, какъ Дантъ, созданъ былъ для любви истинной, для любви безсмертной, но въ этой жизни не пришлось ему встрѣтить свою Беатриче. Судьба при рожденіи одарила его нездѣшнымъ чувствомъ любви, какъ бы забывъ, что ему предназначено жить на землѣ. Онъ искалъ, тоскуя, неземную мечту, а кругомъ были Лопухины, Сушковы, Смирновы, Щербатовы. Что же оставалось поэту, какъ не любить „мечты своей созданье“? Но и существовать одною мечтою онъ не могъ: онъ былъ человѣкомъ, сыномъ праха и жителемъ земли. Въ груди его вулканомъ вскипала страсть; онъ не въ силахъ былъ оставаться равнодушнымъ передъ чарами прекрасныхъ женщинъ. И, презирая ихъ безмѣрно, шелъ къ нимъ со святыней въ глубинѣ души, зная, что ничего не найдеть въ отвѣтъ.

Есть рай небесный! звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ и въ немъ-то ядъ.
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

Подлинная любовь Лермонтова, конечно, не земная. Иначе онъ врядъ ли бы невредимо пронесъ ее сквозь жизненные дебри. Та грязь, что его окружала съ дѣтства, давно захлестнула бы бѣлый мраморъ земного идола, но голубую воздушность женственного видѣнія она отгѣняла еще чище. Сны, къ счастью для людей, неподвластны житейскимъ ужасамъ.

Въ ребячествѣ моемъ тоску любви знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна не разъ во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампы образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ — онъ хладенъ былъ, какъ ледъ —
И очн... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній.
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану, можетъ

завода №

Женскій взоръ святого призрака сопровождаетъ поэта во всю жизнь, какъ „слѣдъ единственный младенческихъ видѣній“. Могъ ли онъ, влюбленный въ мечту, любившій „чудную дѣву“ такъ, какъ „любить въ другой разъ онъ не можетъ и не станетъ“, могъ ли онъ любить дѣвъ земныхъ?

До сихъ поръ никто еще, кажется, не обращалъ серьезнаго вниманія на огромное автобіографическое значеніе лермонтовскаго „Сашки“. Поэму эту считаютъ нескромнымъ подражаніемъ Полежаеву, легкою шалостью молодого пера, а между тѣмъ это полная содержанія и серьезная значеніемъ пѣса. Изъ нея цѣликомъ вышла „Сказка для дѣтей“; послѣднюю сближаетъ съ „Сашкой“ не только общій тонъ разсказа, но и буквальное совпаденіе нѣкоторыхъ стиховъ. Въ „Сашкѣ“ встрѣчаются мѣста удивительной выдержанности и силы, и можно бы пожалѣть, что Лермонтовъ бросилъ поэму неоконченной, ежели бы изъ ея хаоса не возникла черезъ нѣсколько лѣтъ стройная колоннада „Сказки“. Историко-біографическая правдивость „Сашки“ безспорна. Висковатовы и Введенскіе въ своемъ педантическомъ глубокомысліи пренебрежительно обошли поэму, хотя, конечно, героя ея нельзя считать безусловнымъ двойникомъ Лермонтова. Но всетаки „Сашка“ — цѣннѣйшій документъ для характеристики Лермонтова-ребенка и Лермонтова-юноши въ первые семнадцать лѣтъ его жизни, до самаго поступленія въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Читая „Сашку“, начинаешь яснѣе понимать трагическую сторону въ жизни Лермонтова: нѣжная, какъ крылья мотылька, чистая, какъ вершины Кавказскихъ горъ, душа геніальнаго ребенка уже въ раннемъ дѣтствѣ заляпана была комками житейской грязи.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
Онъ привыкалъ (скажу вамъ подъ секретомъ,
Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ)
Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ,
Когда луна бросала томный свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
Въ аллеѣ кралась, — легкою стопой
Онъ догонялъ ихъ, и, шутя, порой
Его невинность (вы поймете сами)
Онъ дразнили дерзкими перстами.

Раннее прикосновеніе порока, „смутивъ ребенка сонъ покойный“ дыханіемъ набѣгающей бури палетѣло на зеркальную гладь души и

заставило навсегда задрожать ее сладострастной зыбью. На людей, подобныхъ Лермонтову, первое познаніе добра и зла кладеть неу-
молимый отпечатокъ, своего рода каторжное клеймо, доводящее
иныхъ до самоубійства.

По тѣмъ временамъ (сто лѣтъ назадъ) сближеніе подрастающаго
барченка съ міромъ дѣвичьей было явленіемъ неизбѣжнымъ и при-
томъ обычнымъ. Конечно, сама строгая бабушка Арсеньева нисколько
не огорчилась бы, узнавъ о связи Мишеля съ дворовой дѣвушкой.
Дѣвичья въ помѣщичьей усадьбѣ была особымъ міромъ; сюда от-
бирались красивѣйшія и умнѣйшія дѣвушки, часто незаконныя до-
чери господъ; здѣсь зарождались крѣпостныя актрисы и танцов-
щицы, но подъ старость изъ дѣвичьей же выходили Арины Родіо-
новны и Натальи Савишны. Изъ какого-то ложнаго стыда (передъ
чѣмъ?) мы все еще затѣняемъ положительныя стороны старой по-
мѣщичьей жизни, не изслѣдованныя донинѣ. Дѣвичья играла боль-
шую роль въ юности нашихъ предковъ. Изъ записокъ гр. Л. Тол-
стого мы знаемъ, что отца его въ шестнадцать лѣтъ родители сое-
динили „для здоровья“ съ одной изъ дворовыхъ дѣвушекъ ¹⁾). Самъ
Толстой въ „Отрочествѣ“ рассказываетъ о любви къ горничной
Машѣ. Въ дѣвичьей возникало первое очарованіе женской любви,
вспыхивали первые порывы сладострастія, но далеко не для всѣхъ
вліяніе это оказывалось вреднымъ и роковымъ. Въ воспоминаніяхъ
Фета мы находимъ идиллическое описаніе прекрасной горничной
Аннушки, пробудившей первую возвышенную страсть въ груди бу-
дущаго пѣвца „Соловья и Розы“ ²⁾). У Лермонтова описаніе ноч-
ныхъ свиданій съ Марѳушей сдѣлано, несомнѣнно, съ натуры.

Во тѣмъ ночной,
На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
Въ чепцѣ, платокъ накинувъ шерстяной,
Являлась къ Сашѣ дѣва молодая.
Задувъ лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жаркихъ тамъ объятій.

¹⁾ Левъ Николаевичъ Толстой Біографія. Составилъ П. Бирюковъ по
неизданнымъ матеріаламъ. Т. I, 1906, стр. 50.

²⁾ Подобно всему дому я испытывалъ невольное влеченіе къ горничной
или, какъ тогда говорили, фрейлинѣ мама Аннушкѣ. Это была прелестная
стройная блондинка съ свѣтло-сѣрыми глазами, и хотя и она прошла черезъ
затрапезное платье, но мать наша всегда находила возможность подарить
ей свое ситцевое или холстинковое и какую-нибудь ленту на поясъ. Изъ этого
Аннушка при своемъ мастерствѣ и врожденной граціи умѣла въ праздникъ
быть изящно нарядной (А. Фетъ. „Ранніе годы моей жизни“. 1893, стр. 18).

Потомъ, на мягкій пухъ привлечена,
Подъ одѣяло пряталась она;
Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался
И въ жаркихъ поцѣлуяхъ онъ сливался.

Правда и то, что, какъ признается поэтъ,

Я пробѣждалъ пороковъ длинный рядъ
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ.

Старческий опытъ, проклятый опытъ Адама, рано воцарился въ опустошенной душѣ полуробенка.

А главное Сашка „имѣлъ большую склонность къ разрушенію“. Прототипъ его, Александръ Арбенингъ, въ неоконченномъ прозаическомъ отрывкѣ характеризуется тѣми же самыми чертами.

„Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую... Сашкѣ было съ ними очень весело. Онъ его ласкали и цѣловали наперерывъ, рассказывали ему сказки про Волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картиннами мрачными, и понятіями противоположенными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать... Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія... Сашка былъ пренебрегаемый, пресвоевольный ребенокъ... Между тѣмъ, природная всеѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу“.

Это одинъ и тотъ же образъ. Сашка, Александръ Арбенингъ, Печоринъ, все они перегорѣли на медленномъ огнѣ, превратившемъ ихъ души въ холодный пепелъ ¹⁾).

1) Некрасовъ, принадлежавшій къ поколѣнію, нѣсколькими годами младшему, въ своей „Прекрасной партіи“, отнесся къ Печорину уже съ ironіей, изобразивъ типъ его въ слѣдующихъ чертахъ:

То былъ гвардейскій офицеръ,
Вонтель черноокій;
Блисталъ онъ свѣтскостью манеръ
И лобъ имѣлъ высокій.

Былъ очень тонкаго ума,
Воспитанъ превосходно,
Читалъ Фудраса и Дюма,
И мыслилъ благородно.

Являлъ онъ Байрона черты
Въ характерѣ усталомъ:
Не вѣрилъ въ книги и мечты,
Не увлекался баломъ.

Впечатлѣнія отроческихъ лѣтъ даютъ направленіе цѣлой жизни. Черты, роднящія любимыхъ лермонтовскихъ героевъ въ ихъ главномъ, позволяютъ съ увѣренностью утверждать ихъ непосредственную близость къ самому поэту. Все это одинъ герой, имя которому Михаилъ Лермонтовъ. Отсюда понятно это небывалое у другихъ поэтовъ обиліе однихъ и тѣхъ же описаній, вводимыхъ въ разные произведенія, упорныя повторенія стиховъ, одинаковыя имена героевъ. Все это обнаруживаетъ глубокую одноцентричность вѣчно сверлящей души, которой одна неотступная мысль владѣетъ: выразить самое себя. Душѣ этой пришлось пройти сквозь строй, вынести ужасную пытку земной любви. Лермонтовъ барахтается въ жизни, какъ лебедь въ грязной лужѣ. Начиная съ бабушкиныхъ горничныхъ, прѣсенскихъ Тирзъ и Парашъ и кончая юнкерскими Уланшами, Лариссами и танцовками все соединилось, чтобы осквернить любящую и жнужную душу, чтобы, омрачивъ, высосать и опустошить ее.

Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока,
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

Какъ тутъ не вспомнить Достоевскаго? „Дьяволъ съ Богомъ борются, а поле битвы — сердца людей. (Въ Лермонтовѣ есть черты Димитрія). Широко челоуѣкъ, слишкомъ широко я бы съузиль“. Воочию передъ нами эта чудесная широкость, совмѣщеніе идеала содомскаго съ идеаломъ Мадонны.

Онъ зналъ: фортуны колесо
Плѣняетъ только младость.
Онъ въ рестораціи Дюссо
Давно утратилъ радость.

Онъ буйно молодость убилъ,
Взявъ образецъ въ Ловласъ,
И рано сердце остудилъ
У Кессенихъ въ танцклассѣ.

(Кессенихъ содержала въ сороковыхъ годахъ веселый домъ на одной изъ Петербургскихъ заставъ). Самый образъ Печорина оказался подл силу одному Лермонтову и умеръ съ нимъ. Попытки нашихъ беллетристовъ пятидесятихъ годовъ оживить Печорина, придать ему жизненное правдоподобіе и трагичность, не привели ни къ чему. Лермонтовская трагедія подл перомъ ихъ становилась мелодрамой. М. В. Авдѣевъ въ повѣсти своей „Тамаринъ“ при самыхъ серьезныхъ намѣреніяхъ сдѣлалъ изъ героя лишь смѣшную карикатуру на Печорина. Это отмѣчено еще Аполлономъ Григорьевымъ въ одной изъ его статей.

Однажды, послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари.
Клянуся, молвилъ князь удалый,
Что нашу польку въ эту ночь...

И вдругъ тутъ же, почти тотчасъ:

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою...

Отчаянный юнкеръ въ сѣрой шинели, едва проспавшійся послѣ угарной ночи, съ душой, мутной отъ пьянаго похмѣлья, вотъ стоитъ онъ плечомъ къ плечу съ нѣжно-воздушной барышней гдѣ-нибудь на Зимней Канавкѣ, прислушивается къ вечернимъ выстрѣламъ и уже по искаженной душѣ его, какъ по небу полуночи, пролетаетъ бѣлокрылый ангель:

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались поздною порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ вникнули...
Тогда лучи ужъ догорали,
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Но, потерявъ навѣкъ серафическую непорочность чувствъ, Лермонтовъ не хочетъ покориться Року.

Въ противность своему Демону, онъ знаетъ, что никакая Тамара не возвратитъ ему рая. Дьявольская ироническая гримаса навсегда омрачила угрюмое лицо. На всѣхъ портретахъ Лермонтова застыло выраженіе тоскливо-мрачной ироніи. Любовь, со всею ея необъятною нѣжностью и красотой, со страданьемъ и счастьемъ влюбленныхъ, для корнета Лермонтова вырождается въ лѣнивую интригу. Самодовольно-скучающій свѣтскій левъ, онъ относится къ женщинамъ со снисходительнымъ пренебреженіемъ. Уже шестнадцати лѣтъ, оторвавшись на мигъ отъ созерцанія неземной красоты, воздушнаго видѣнья, онъ холодно замѣчаетъ:

Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью, случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставить въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ.

Теперь на землѣ остается у него одно сладострастіе, любовь же умерла навсегда, какъ только онъ понялъ, что женщина и мечта о ней не одно и то же.

Ежели вѣра въ любовь погибла, что же тогда остается въ жизни?
И что такое самая жизнь?

Что жизнь? — Давно извѣстная шарала
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое — рожденье, гдѣ второе —
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть — послѣднее, а цѣлое — обманъ!

Обманъ. Въ этомъ сплошномъ обманѣ стоитъ ли играть смѣшную роль?

Любить? Но кого же? На время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить — невозможно.

Разъ уже начались разсужденія о томъ, стоитъ ли труда полюбить хотя на время, то ясно, что душѣ такого человѣка недоступна уже и просто ненужна сама любовь.

А тутъ еще одиночество, этотъ неизбежный удѣлъ гордыхъ и несчастныхъ душъ, призракъ котораго не покидалъ Лермонтова съ юныхъ лѣтъ:

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиноствѣ влачить;
Дѣлать веселье всѣ готовы, —
Никто не хочетъ грусть дѣлать.

Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ, судьбѣ послушны,
Года уходятъ, будто сны.

И вновь приходятъ — съ позлащенной
Но той же, старою мечтой;
И вижу гробъ уединенный, —
Онъ манитъ и сулитъ покой.

Никто о томъ не покрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ.

И всюду гробъ, смерть, уничтоженіе, исполинскою тѣнью грозящее впереди, и неизбежное предчувствіе все тревожащій сжимаетъ сердце:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ
И смерти ранняя на мнѣ печать.

.....

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?
Но кто меня любилъ, тотъ голосъ мой
Услышать и узнать... И съ тоской
Я вижу, что любить, какъ я, — порокъ,
И вижу... и слабѣй любить не могъ.

Всѣхъ героевъ своихъ Лермонтовъ щедро надѣлилъ своими же собственными страстями. Любопытно прослѣдить, какъ, начавъ съ безобразнаго урода Вадима, онъ кончаетъ прекраснымъ Демономъ. Представленіе его о героѣ пережило нѣсколько постепенныхъ стадій, но всегда онъ въ лицѣ ихъ прикрашиваетъ или безобразитъ самого себя. Кажется, будто онъ разсматриваетъ себя въ нѣсколько зеркалъ, примѣривая различныя позы и платья. Всѣ герои его непремѣнно любовники, почти всегда несчастные или не хотящіе быть счастливыми; у всѣхъ борьба съ женщиной на первомъ планѣ — поединки въ любви или въ кокетствѣ; всѣ заняты только своими переживаніями, своей любовью. Немногого не хватаетъ имъ, чтобы стать смѣшными, но вѣдь и самъ Лермонтовъ... почти смѣшонъ.

Вѣра въ „Героѣ нашего времени“ говоритъ Печорину: „Никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ“.

Лермонтова до конца не удовлетворили его герои; самымъ неудачнымъ изъ нихъ былъ Арбенинъ изъ „Маскарада“, эта ходячая месья, благородный шулеръ съ самолюбіемъ. Когда-то увлекался Лермонтовъ роковой фигурой Наполеона, можетъ быть, потому, что находилъ въ немъ сходство съ собою; тѣни его вложилъ онъ въ уста фразу: „Я выше и похвалъ, и славы, и людей“. Попытка Лермонтова создать единственнаго героя олицетворилась всего удачнѣй въ „Демонѣ“, который въ сущности опять все тотъ же, отвлеченно взятый, Лермонтовъ. Демонъ мучилъ Лермонтова нѣсколько лѣтъ, пока онъ отъ него не „отдѣлался стихами“. Но развѣ это не тотъ же, прежній и постоянный его герой, „духъ изгнанья“, „отверженный“, кто „похожъ на вечеръясный: ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ“, „царь познанья и свободы“, „врагъ небесъ, зло природы“, тотъ, „кого никто не любить и все живущее клянеть“?

Наканунѣ смерти Лермонтовъ могъ видѣть, какъ вычерченные имъ полубезсознательно десять лѣтъ назадъ контуры жизни расцвѣтились яркими красками. Но — увы — картина эта была совѣмъ не та, какою воображалъ ее поэтъ!

Еще въ ребячествѣ созналъ Лермонтовъ горькую истину, что „ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ“. За свою короткую жизнь сроднился онъ съ мыслью о ничтожествѣ, небытіи (néant), загодя какъ бы привыкнулъ къ смерти. Тогда же сказалъ онъ:

Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ се мрачить,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

Чашу эту приходилось ему испивать до дна во цвѣтѣ жизни, съ небольшимъ въ двадцать пять лѣтъ, когда могучій талантъ его, какъ Демонъ, раздѣлывалъ траурныя крылья, приготовляясь къ полету. А между тѣмъ самъ поэтъ чувствовалъ, что некуда и незачѣмъ ему летѣть. Все въ мірѣ стало для него мертво и пустынно, отравлено адской скукой. Быть можетъ, проживи Лермонтовъ еще шесть, десять лѣтъ, онъ переломилъ бы себя, какъ Левъ Толстой, съ юностью котораго его юность имѣетъ большое сходство. Въ признаніяхъ Печорина звучать толстовскія ноты; самая идея „исповѣди“ роднитъ Лермонтова съ Толстымъ. „Въ первой моей молодости, — говоритъ Печоринъ, — съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться — науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ насъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди — невѣжды, а слава — удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно“... Скука — вотъ Демонъ, терзавшій Лермонтова. Отъ этого чудовища нельзя было отдѣлаться стихами.

Въ себя ли заглянешь, — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда;
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти? — вѣдь рано или поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, —
Такая пустая и глупая шутка...

Прекратить эту шутку могла одна смерть.

Нѣмецкій писатель Фридрихъ Боденштедтъ, поклонникъ и переводчикъ Лермонтова, встрѣтилъ впервые нашего поэта незадолго до его смерти въ одномъ изъ Петербургскихъ ресторановъ, въ обществѣ

двух молодых людей. Онъ оставилъ любопытное описание внѣшности, пріемовъ и разговоровъ Лермонтова. Какъ ни старается Боденштедтъ смягчить рѣзкость впечатлѣній, въ разсказѣ его обрисовывается во весь ростъ пошловатый и заносчивый офицеръ, дерзкій и невоздержный на языкъ, употребляющій постоянно въ разговорѣ неприличные слова. Язвительныя шутки Лермонтова въ ухахъ сентиментальнаго и благовоспитаннаго нѣмца все время звучали такъ, какъ будто кто-нибудь „скребъ по стеклу“. Тутъ же, при Боденштедтѣ, Лермонтовъ едва не нарывается на ссору съ однимъ изъ пріятелей, перейдя должную границу въ островахъ. Злитъ людей, очевидно, сдѣлалось для него потребностью. Позже, въ Пятигорскѣ, онъ любилъ забавляться тѣмъ, что незамѣтно надламывалъ приготовленные въ гостиницѣ за общимъ столомъ тарелки. Слуги приходили въ отчаяніе, во время мытья посуды вынимая изъ воды груды черепковъ, а Лермонтовъ, насладившись ихъ недоумѣніемъ и испугомъ, тутъ же щедро расплачивался съ хозяиномъ. Что это, какъ не дошедшая до послѣдней степени скука? Приступы той же мертвящей скуки побуждали Лермонтова травить пріятелей; онъ придирается, злитъ, выводитъ изъ себя, прямо кусается, какъ бѣшеная собака. („Собака и собачья смерть“, сказалъ, узнавъ о кончинѣ Лермонтова, Императоръ Николай Павловичъ и, конечно, по-своему былъ правъ)¹⁾. Въ эти послѣдніе зрѣлые годы жизни дѣйствительность, манившая когда-то поэта грезами, показала ему свою изнанку, а горькій опытъ безжалостно разрушалъ возможность земнаго счастья.

Представимъ себѣ положеніе Лермонтова на Кавказскихъ водахъ въ роковое для него лѣто 1841 года. Не сознавать всего значенія своего таланта онъ въ то время уже не могъ, но этотъ же талантъ дѣлалъ въ обществѣ положеніе его ложнымъ, ибо въ глазахъ дамъ, да еще свѣтскихъ, да еще семьдесятъ лѣтъ назадъ, быть русскимъ писателемъ оказывалось совсѣмъ не *comme il faut*. „Въ то время мы всѣ писали такіе стихи“, замѣтилъ одинъ изъ современниковъ Лермонтова. Врядъ ли кому извѣстно, что Мартыновъ, убійца поэта, тоже писалъ стихи и даже недурные, то-есть посредственные, чего для

¹⁾ Во второй половинѣ Іюля 1841 года, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ Петергофѣ, Государь, по окончаніи литургіи, взойдя во внутренніе покои дворца кушать чай со свонми, сказалъ: — Получено извѣстіе, что Лермонтовъ убитъ на поединкѣ: собака и смерть собачья. Сидѣвшая за чаемъ Великая Княгиня Марія Павловна (Веймарская) вспыхнула и отнеслась къ словамъ Николая Павловича съ горькимъ укоромъ. Государь внялъ сестрѣ своей и, пошедши обратно въ комнату предъ церковью, гдѣ еще оставались бывшіе на литургіи, сказалъ: — Господа, получено извѣстіе, что тотъ, кто могъ замѣнить намъ Пушкина, убитъ. (Русскій Архивъ, 1911, т. III, стр. 160).

успѣха въ салонѣ болѣе чѣмъ достаточно. Вообще, Мартыновъ, какъ увидимъ ниже, въ обществѣ имѣлъ всѣ преимущества на своей сторонѣ и былъ опаснымъ соперникомъ поэту. Біографы Лермонтова, изъ сочувствія къ нему, изображаютъ Мартынова смѣшнымъ пошлякомъ: на дѣлѣ было далеко не такъ. Смѣшонъ Мартыновъ не былъ и со смѣшнымъ человѣкомъ у Лермонтова до дуэли не дошло бы. Но серьезно ухаживать за Пятигорскими барышнями Лермонтовъ въ то время уже не могъ: слишкомъ хорошо постигъ онъ „науку страсти нежной“, да и водяное общество ему, что называется, „поднадоѣло“. И вотъ ему приходится быть равнодушнымъ зрителемъ, какъ тутъ же, на глазахъ его, всѣ влюбляются, ухаживаютъ, пишутъ стихи, терзаются ревностью. Какъ не презирать этихъ слѣпыхъ людишекъ ему, познавшему до конца гнетущій ужасъ жизни, наперснику Демона, для кого вся жизнь была только „тетрадь съ давно извѣстными стихами“? По привычкѣ онъ всетаки слегка ухаживаетъ за младшей дочерью бригаднаго генерала, Н. П. Верзилиной. Надежда Петровна была самая обыкновенная барышня, провинціальная кокетка, окруженная обществомъ восинной молодежи, оживлявшей каждое лѣто Пятигорскій сезонъ, и, конечно, дуэль Лермонтова только сдѣлала ее болѣе „интересной“. Въ прошломъ у нея осталось пріятное воспоминаніе, что вотъ изъ-за нея убить на дуэли Лермонтовъ, тотъ самый... Впослѣдствіи она была примѣрной женою и матерью семейства. И казалось бы, не все ли равно Лермонтову, что красавецъ Мартыновъ нравится Надеждѣ Петровнѣ, что она оказываетъ ему предпочтеніе? Ложное самолюбіе свѣтскаго льва не позволяло ему оставаться равнодушнымъ. Ему не вспоминался собственный его давнишній мадригалъ „Глупой красавицѣ“, написанный лѣтъ десять тому назадъ:

Амуръ спросилъ меня однажды,
Хочу-ль испить его вина...
Я не имѣлъ въ то время жажды,
Но выпилъ кубокъ весь до дна.

Теперь желалъ бы я напрасно
Смочить горячія уста,
Затѣмъ, что чаша влаги страстной,
Какъ голова твоя, пуста.

Пуста и хорошенькая головка Надежды Петровны, и такъ мало значить она для Лермонтова, что онъ даже ничего не можетъ написать ей въ альбомъ, кромѣ какихъ-то безсвязно-забавныхъ пустяковъ.

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ?

И локонь небрежный
Подъ шейкою иъжной,
На поясъ ножъ...
C'est un vers qui cloche.

А ночью, тамъ, у себя, въ маленькомъ домикѣ подъ Машукомъ, пишетъ, быть можетъ, со слезами: „Выхожу одинъ я на дорогу“, и восклицаетъ, вспоминая пусто и безцѣльно проведенный день:

Нѣтъ, не съ тобой я сердцемъ говорю!

И такъ чудовищно это несоотвѣтствіе между жизнью и мечтой, что, выбросивъ жемчужные стихи, мятежная душа не утихаетъ и еще пуще хочется на другой день злить самодовольнаго Мартынова.

Мартыновъ ¹⁾ по рожденію и воспитанію принадлежалъ къ тому же обществу, что и Лермонтовъ, но значительно превосходилъ послѣдняго успѣхомъ служебной своей карьеры. Будучи годомъ моложе Лермонтова, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора, тогда какъ Лермонтовъ былъ только поручикъ. О храбрости Мартынова свидѣтельствовало боевое отличіе, сверхъ всего, онъ, какъ описываетъ его одинъ изъ современниковъ, „былъ очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, высокаго роста, блондинъ съ выгнутымъ немного носомъ. Онъ былъ всегда очень любезенъ, веселъ, порядочно пѣлъ романсы и все мечталъ о чинахъ, орденахъ и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина“ ²⁾. Въ дан-

¹⁾ Николай Соломоновичъ Мартыновъ родился въ Нижнемъ-Новгородѣ 9 октября 1815 г. Воспитывался въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ съ 17 октября 1832 года по 6 декабря 1835 г., когда выпущенъ былъ корнетомъ въ кавалергарды. Съ 1836 г. — поручикъ, 6 марта 1837 г. командированъ на Кавказъ, участвовалъ въ экспедиціи ген. Вельяминова противъ натухайцевъ и шапсуговъ, для заложенія укрѣпленій Ново-Троицкаго и Михайловскаго, и награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. 27 сентября 1839 г. зачисленъ по кавалеріи ротмистромъ, съ прикомандированіемъ къ Гребенскому казачьему полку, а 23 февраля 1841 г. уволенъ въ отставку, по домашнимъ обстоятельствамъ, маіоромъ. Умеръ въ 1875 году. (Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1826 — 1908. СПб., т. IV, 1908, стр. 98 — 106).

²⁾ Воспоминанія Я. И. Костенецкаго (Русская Старина, 1875, IX, стр. 64) къ этому надо еще добавить, что Мартыновъ писалъ также и стихи, вродѣ слѣдующихъ:

Пѣснь чеченца.

За Аргуномъ рѣкой,
Надъ кремнистой скалой,
Какъ гнѣздо выдается ауль,
Онъ сто лѣтъ на горѣ
И въ столѣтней корѣ
Лѣсъ дремучій его обогнулъ...

няя для полного успѣха въ жизни! Гдѣ ужъ было соперничать съ такимъ блестящимъ представителемъ золотой середины большоголовому кривоногому Маешкѣ, съ его вѣчно ядовитыми остротами и пронзительнымъ неприятнымъ смѣхомъ? По выходѣ въ отставку, Мартыновъ — рассказываетъ тотъ же современникъ — изъ веселаго, свѣтскаго, изящнаго молодого человѣка сдѣлался какимъ-то дикаремъ: отросли огромныя бакенбарды; въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ книжаломъ, нахлобученной бѣлой папачой, вѣчно мрачный и молчаливый, онъ игралъ Печорина ¹⁾). Разумѣется, и это все шло къ нему. Какъ-будто самъ Печоринъ, въ лицѣ Мартынова, явился воочию на Кавказскія воды. И княжна Мери, существуя она въ дѣйствительности, конечно, отдала бы сердце Мартынову, а никакъ не своему поэту, не говоря уже о простушной дикаркѣ Бэлѣ. Можно вообразить, какъ раздражало Лермонтова печоринство Мартынова! Его герой воплотился наяву своими худшими сторонами. Мартынову пребываніе Лермонтова на водахъ было неприятно по многимъ причинамъ. Въ душѣ онъ сознавалъ свое ничтожество; его стихи и романы восхищать могли дѣвницъ, но врядъ ли онъ отваживался на нихъ въ присутствіи Лермонтова, видѣвшаго его насквозь; на убійственныя остроты послѣдняго онъ не находилъ отвѣтовъ. Но какъ всякій „порядочный молодой человѣкъ“, Мартыновъ больше всего на свѣтѣ боялся „влетѣть въ исторію“, а потому спускалъ многое несносному Маешкѣ ²⁾). Одного не могъ вынести Мартыновъ: шутокъ Лермонтова „при дамахъ“, очень ужъ страдало отъ нихъ пѣтушье самолюбіе неотразимаго кавалера. Онъ даже унижался до

.....
И желаній тоска
Грудь вздымаетъ слегка,
Будто волны несутъ лебедей;
И на свѣжихъ устахъ,
Какъ роса на цвѣтахъ,
Сладострастія влага у ней, и т. д.

(А. Н. Нарцовъ. „Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ“. Тамбовъ, 1904). Вѣроятно, многимъ стихи эти казались ничѣмъ не хуже лермонтовскихъ.

¹⁾ Ibid. Р. С. 1875, т. IX, стр. 64.

²⁾ Какъ поэтъ, Лермонтовъ возвышался до геніальности, но какъ человѣкъ, онъ былъ мелочень и несносенъ. Эти недостатки и признакъ безразсуднаго упорства въ нихъ были причиною смерти геніальнаго поэта отъ выстрѣла, сдѣланнаго рукою человѣка добраго, сердечнаго, котораго Лермонтовъ довелъ своими насмѣшками и даже клеветами почти до сумашествія. Мартыновъ, котораго я хорошо зналъ, до конца своей жизни мучился и страдалъ оттого, что былъ виновникомъ смерти Лермонтова. (И. А. Арсеньевъ. Историческій Вѣстникъ 1887, т. II, стр. 354).

просьбы: перестать острить, но, разумѣется, только усиливаль тѣмъ ядовитыя нападки. И вотъ, можетъ быть, въ тотъ самый моментъ, когда Мартыновъ рѣшительнымъ печоринскимъ приѣмомъ покорялъ нѣжное сердце Наденьки Верзилиной, по комнатѣ громко прозвучало ненавистное: *montagnard au grand poignard*. Чаша терпѣнія переполнилась и насмѣшникъ заплатился жизнью ¹⁾).

Вся поэзія Лермонтова одинъ демоническій аккордъ. Нечеловѣческое что-то слышится въ немъ; стихи его, а въ особенности проза, дышать тою же силой, что заключалась въ чертахъ портрета, поразившаго Лугина. „Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линий; математически малое отступленіе — и прежде выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то неизъяснимое, возможное только генію или случаю“. У Лермонтова слогъ зловѣщій. Стихи его падаютъ на читателя, какъ желтые осенніе листья ²⁾. Главное значеніе его поэзіи въ лирикѣ и „Героѣ нашего времени“; Кавказскія декоративныя его поэмы, за исключеніемъ „Демона“, скучны и ходульны. Полное собраніе его сочиненій являетъ собой огромную груду смѣявшихся безпрестанно черновиковъ; перебѣлить ихъ окончательно не дала смерть.

1911

1) Къ причинамъ, способствовавшимъ роковой дуэли, прибавляютъ исторію съ дневникомъ сестры Мартынова. Имѣются вѣскія данныя предполагать, что Лермонтовъ потихоньку прочелъ, а потомъ уничтожилъ этотъ дневникъ, посланный съ нимъ на Кавказъ для передачи Мартынову. Въ „Книжницѣ Лиговской“ прототипъ Лермонтова, Печоринъ, посылаетъ анонимное письмо Негуровой alias Сушковой. Тотъ, кто способенъ былъ отправить анонимное письмо одной дѣвушкѣ, могъ распечатать дневникъ другой.

2) Любопытно сопоставить начало третьей строфы „11 Іюня“ съ однимъ изъ раннихъ стихотвореній Фета „Напрасно“.

Л е р м о н т о в ъ. Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пыль страстей
Возвышенныхъ я чувствую, но словъ
Не нахожу.

Ф е т ъ.

Не нами
Безсилъ извѣдано словъ къ выраженію желаній,
Безмолвныя муки сказались людямъ вѣками;
Но очередь наша, и кончится рядъ испытаній
Не нами.

Здѣсь кстати отмѣтимъ, что интересъ и любовь къ Лермонтову не оставляли Фета во всю жизнь. Въ своихъ разсказахъ („Кактусъ“ и др.) онъ часто цитируетъ лермонтовскіе стихи; то же самое находимъ въ его „Воспоминаніяхъ“. Года за два до смерти (въ Декабрѣ 1890 г.) онъ интересовался точнымъ текстомъ „Демона“.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Опытъ историко-психологическаго изслѣдованія.

Вступленіе.

Нужно ли для уясненія сущности художественнаго творчества изучать личности самихъ художниковъ? Нерѣдко приходится слышать, что художникъ — одно, а человѣкъ — другое, что факты личной жизни художника не должны имѣть никакого отношенія къ темамъ его творчества. На дѣлѣ это, разумѣется, не такъ. Характеръ художника и условія его частной жизни стоятъ наравнѣ съ его произведеніями: какъ тѣ, такъ и другія суть плоды однихъ и тѣхъ же жизненныхъ впечатлѣній. Можно быть художникомъ не только въ области искусства, но и въ жизни; можно красиво и талантливо творить свою жизнь и создать изъ нея гениальную поэму; бывасть и наоборотъ: можно всю жизнь сочинять мастерскіе стихи, поражающіе изысканностью и разнообразіемъ формъ, въ формахъ же жизни остаться навсегда блѣднымъ и несамостоятельнымъ компиляторомъ, рабомъ-подражателемъ чужихъ переживаній.

Личности нашихъ лучшихъ художниковъ до сихъ поръ рисуются намъ сѣро и туманно. Что собственно знаемъ мы о нихъ, кромѣ безсодержательныхъ и подчасъ лживыхъ анекдотовъ? Предстали ли предъ нами въ должномъ объемѣ фигуры Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тютчева, Фета, Достоевскаго, Толстого? На эти вопросы приходится дать отрицательный отвѣтъ.

Въ настоящемъ трудѣ о Тургеневѣ нами примѣненъ историко-психологическій методъ изслѣдованія. Сущность его заключается въ опредѣленіи личности художника путемъ всесторонняго изученія историческихъ и біографическихъ о немъ данныхъ. Только тщательный психологическій анализъ, группирующий характеристичѣшіе

факты частной жизни писателя, позволяют намѣтить основныя черты его творческой природы. Помимо того, каждый крупный писатель, являясь достояніемъ исторіи, въ глазахъ потомковъ имѣетъ интересъ не только литературный, но психологическій и историко-бытовой. Не только особенности его творчества, но и каждая мелочь его жизни достойны внимательнаго изученія. Такъ табакерка XVIII вѣка или старинная вышивка Петровскихъ временъ могутъ иногда дать зоркому изслѣдователю больше, чѣмъ цѣлые томы историческихъ изысканій. Уясненіе подлинной личности писателя даетъ возможность опредѣлить его истинное мѣсто на исторической сценѣ. Нельзя не замѣтить, что личности, сами по себѣ незначительныя, какой бы ни пользовались они въ свое время литературной славой, въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи быстро застываютъ, теряютъ свои очертанія и незамѣтно сливаются со хаосомъ времени. Въ то же время личности сильныя, оригинальныя вѣчно живутъ въ памяти потомковъ, словно изваяныя изъ мрамора. Въ иныхъ случаяхъ обаяніе личности переживаетъ значеніе трудовъ, и о художникѣ помнятъ и говорятъ, хотя сочиненій его почти уже не читаютъ. Тургеневъ представляетъ собою явленіе обратное: романы его читаютъ, но о немъ не говорятъ.

Тургеневъ не имѣлъ собственной ярко выраженной личности и не умѣлъ быть творцомъ своей жизни. Его челнокъ вѣчно носился по морю житейскому безъ руля и парусовъ. Отсюда понятно быстрое забвеніе его имени и охлажденіе къ нему, какъ скоро въ обществѣ исчезъ временный интересъ къ описаннымъ имъ переходящимъ явленіямъ русской жизни. И въ творествѣ, и въ жизни Тургенева нѣтъ буквально ни одной точки, передъ которою можно было бы остановиться и, залюбовавшись, отмѣтить навсегда. Ничего рѣзкаго, сильнаго въ немъ нѣтъ. Къ нему болѣе чѣмъ къ кому нибудь слѣдуетъ примѣнить слова, сказанныя ангелу Лаодикійской церкви: онъ ни холоденъ, ни горячъ, а только теплъ.

Способность хорошо писать была развита у Тургенева въ высокой степени. Недостатокъ искренняго глубокаго чувства у него замѣнялъ обширный умъ, соединенный съ необыкновеннымъ пониманіемъ чувства мѣры. Сочиненія его это труды прилежнаго и кропотливаго гравѣра, выполненные съ замѣчательнымъ тщаніемъ и мастерствомъ. Но собственная личность художника мало чѣмъ отразилась въ этихъ тонкихъ издѣліяхъ. У Толстого, напримѣръ, мы на каждой страницѣ видимъ прежде всего художника, который показываетъ намъ свои картины; у Тургенева передъ нами одни картины, а художника не видно. Слишкомъ усердно „сочинялъ“ Тургеневъ, черезчуръ много въ немъ было литературной разсудочности, мѣшавшей ему отдаться вполнѣ стихійному чувству.

Намъ хотѣлось бы представить Тургенева именно такимъ, какимъ онъ былъ въ своей повседневнои жизни, освободить его дѣйствительную личность отъ тѣхъ красивыхъ и неподвижныхъ позъ, въ которыхъ онъ рисовался передъ русской публикой и которыя остаются за нимъ до сихъ поръ. Только воспроизведеніемъ подлинной личности, во всѣхъ ея мелочахъ, во всѣхъ изгибахъ, повторяемъ, можно постичь истинную сущность художественныхъ созданій, извлечь изъ нихъ и выкристаллизовать вѣчные, неразложимые элементы творческаго духа. Писатель есть прежде всего человѣкъ, а не пишущая машина. „Человѣкъ онъ былъ“, говоритъ Гамлетъ объ отцѣ, и этимъ показываетъ, что покойный Король для него не отецъ только, не безразличное существо, давшее ему жизнь, а человѣкъ, личность... Въ высшей степени характерно, что о Тургеневѣ, какъ о человѣкѣ, написано очень мало, что всѣ воспоминанія о немъ за двадцать пять лѣтъ рисуютъ его все въ однихъ и тѣхъ же сѣрыхъ краскахъ.

Большое значеніе для характеристики Тургенева, какъ человѣка, имѣютъ „Мои Воспоминанія“ А. А. Фета. Книга эта, помимо рѣдкой и своеобразной простоты изложенія, отличается совершеннымъ отсутствіемъ партійной нетерпимости. Какъ и слѣдовало ожидать, непосредственность фетовскаго міросозерцанія вызвала въ свое время много упрековъ со стороны представителей тогдашней журналистики. Послѣднихъ въ особенности оскорбило безпристрастное изображеніе Фетомъ Тургенева. Здѣсь были впервые вскрыты важныя подробности изъ жизни Тургенева, до тѣхъ поръ сопровождавшіяся лишь восторженно-благоговѣйнымъ шопотомъ (напр., отношенія къ нему со стороны семейства Віардо, отличавшіяся въ послѣдніе годы полнымъ равнодушіемъ, доходившимъ до пренебреженія). Отношеніе къ Тургеневу самого Фета критика нашла неискреннимъ и умышленно-недружелюбнымъ. Между тѣмъ, правдивость фетовскихъ воспоминаній неоспоримо подтверждаютъ почти одновременно появившіяся „Воспоминанія“ А. Я. Головачевой - Папаевой. Въ нихъ, несмотря на обычные недостатки „дамскаго“ изложенія, для характеристики Тургенева имѣется также немаловажный матеріалъ, во многомъ подтверждающій слова Фета, который, какъ извѣстно, хорошо понималъ и зналъ Тургенева.

Впослѣдствіи нѣкто г. Гутьяръ, авторъ вышедшей недавно книги о Тургеневѣ¹⁾, писалъ: „Нескоро найдется въ обширной (?) литературѣ мемуаровъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ болѣе раздражительное, недоброжелательное отношеніе къ Тургеневу, чѣмъ то, какое пред-

¹⁾ Н. Гутьяръ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ, 1907, стр. 400.

ставляютъ въ себѣ (sic!) „Воспоминанія Фета“. Г. Гутьяръ пытается подтвердить свое мнѣніе неудачными передержками изъ „Воспоминаній“. Между тѣмъ, вотъ какими словами охолодилъ Фетъ племянника своего, В. Н. Семеновича, упомянувшаго однажды при дядѣ объ отрицательныхъ качествахъ Тургенева. „Тургеневъ умеръ, онъ ванъ родственникъ, которымъ должны гордиться не только вы, но и вся Россія; судить его частную жизнь — не намъ съ вами. Когда мы сойдемъ въ могилу, дай Богъ, чтобы мы унесли съ собой такое имя честнаго человѣка, какое унесъ Тургеневъ“¹⁾.

Особаго вниманія заслуживаетъ статья Я. П. Полонскаго „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ у себя“. Самъ Полонскій питалъ къ Тургеневу восторженное обожаніе, доходившее до фанатизма. Канонизируя Тургенева, онъ въ своей статьѣ совершенно оставляетъ критическій анализъ и является въ роли наивнаго лѣтописца. Тургеневъ, дѣйствительно, выступаетъ у него во весь ростъ.

Въ „Воспоминаніяхъ“ И. И. Панаева о Тургеневѣ упоминается очень глухо; затѣмъ идетъ очевидный пропускъ и рядъ точекъ, рѣзко обрывающій разговоръ. Д. В. Григоровичъ, Ф. М. Достоевскій, графъ А. К. Толстой, Альфонсъ Додэ, Е. Гаршинъ, Н. В. Бергъ, В. Н. Семеновичъ, Н. В. Успенскій и другіе — всѣ безъ исключенія отзываются о Тургеневѣ съ несомнѣннымъ, подчасъ даже какъ бы невольнымъ, недоброжелательствомъ.

Теперь попытаемся очертить физическій и нравственный обликъ Тургенева.

I.

Внѣшность Тургенева такая же мягкая, рыхлая и недоконченная, какъ его характеръ, Онъ огромнаго роста, крупнаго сложенія, но за этой геркулесовской наружностью таится странная разсыпчатость и вялость. „Онъ весь мягкій, такой же мягкій, какъ мои ногти“²⁾. Лицо широкое, толстое, обросшее короткой бѣлою бородой и преждевременно посѣдѣвшими волосами, съ одной непослушной прядью, спадающей при разговорѣ на лобъ. Изъ-подъ неправильно изломанныхъ, темноватыхъ бровей холодно-проницательно смотрятъ умные глаза, взглядъ которыхъ умѣетъ искусно казаться ласковымъ и добродушнымъ. „Черепъ покрытъ жирными тѣлесными слоями“³⁾, темя

¹⁾ В. Семеновичъ. По поводу статьи Н. Гутьяра. Вѣстникъ Европы. 1900, № 4, стр. 855.

²⁾ Гр. А. К. Толстой. Переписка. Вѣстникъ Европы. 1897. № 4. Письмо отъ 14 Окт. 1851.

³⁾ Ibid.

въ одномъ мѣстѣ необычайно мягко, и самому Тургеневу кажется, что мозгъ его прикрытъ здѣсь одной только кожей. При ходьбѣ онъ „виляетъ демократическими ляжками“¹⁾, сгибается. „Онъ не человѣкъ; у него недостаетъ спинного хребта“²⁾ и онъ мягко дѣлаетъ огромные шаги. Голосъ его тонкій, неприятно-пронзительный фальцетъ; онъ „пищитъ“, говоритъ иногда „кисленькимъ“, иногда „сладенькимъ“ или даже „визгливо-сладавымъ“ голоскомъ. Онъ чрезвычайно чистоплотенъ: ежедневно мѣняетъ фуфайку и два въ день бѣлье и тщательно вытирается губкой съ одеколономъ или туалетнымъ уксусомъ; причесывается подолгу: двѣсти и триста разъ проводитъ гребнемъ по головѣ. Со всѣмъ тѣмъ онъ чрезвычайно аккуратенъ: даже простую записку онъ садится писать не ранѣе, какъ прибравъ всѣ бумаги на письменномъ столѣ. Когда дѣтомъ 1881 г. въ Спасскомъ гостилъ со всей семьей Полонскій, то Тургеневъ, „точно нянька“, прибиралъ разбросанныя дѣтскія вещи и аккуратно развѣшивалъ на гвоздикахъ зонтики и шляпы. Но наряду съ этой мелочной аккуратностью и любовью къ внѣшнему порядку странно, какъ дѣтскій пискливый голосъ съ фигурой гиганта, сочеталась полная беспорядочность въ сферѣ личныхъ отношеній и поразительное легкомысліе въ устройствѣ хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлъ. Въ воспоминаніяхъ Фета и Головачевой-Панаевой неоднократно приводятся анекдоты, какъ Тургеневъ много разъ приглашалъ гостей къ обѣду, а самъ уходилъ; слуга его не топилъ комнату и воровалъ чай. Дядя его, Н. Н. Тургеневъ, управлявшій Спасскимъ, жаловался Фету на своего племянника.

Приведемъ нѣсколько строкъ изъ письма самого Тургенева къ Фету: „Трудно между нами представить что-нибудь болѣе неправдоподобно-безобразное, чѣмъ управление моими имѣніями. Это становится невозможнымъ, и я съ ранней весной отправляюсь въ Спасское, для того чтобы принять посильныя мѣры противъ околѣня голодной смертью“³⁾.

Въ довершеніе всего, старикъ-дядя былъ совершенно неожиданно смѣщенъ Тургеновымъ, который прислалъ въ Спасское новаго управляющаго. Племянникъ поступилъ съ дядей такъ, какъ не поступаютъ съ завѣдомыми мошенниками. По слухамъ, Н. Н. Тургеневъ пострадалъ изъ-за нежеланія угождать м-ше Віардо и прочимъ знакомымъ Тургенева.

О своемъ здоровьи Тургеневъ заботился болѣе всего на свѣтѣ. Почти во всѣхъ своихъ письмахъ онъ сообщаетъ друзьямъ о со-

1) Гр. Л. Н. Толстой. А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. I, стр. 107.

2) Гр. А. К. Толстой. Переписка. Ibid. Письмо 1855.

3) А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. II, стр. 98.

стоянии здоровья, о томъ, въ какомъ положеніи его подагра, каково было его пищевареніе и т. д. Особенно боялся онъ холеры. Въ 1881 г., рассказываетъ Полонскій въ Спасское пришло извѣстіе, что въ Брянскѣ холера — „и прощай веселость, остроты, смѣхъ и проч., и проч. Бѣдный, позеленѣлый пришелъ ко мнѣ Тургеневъ и говоритъ: „Ну, теперь я не живу, теперь я только двигающаяся несчастная машина“ ¹⁾. Онъ не спалъ всю ночь и ни о чемъ, кромѣ холеры, не думалъ. И Полонскій передаетъ подробный рассказъ о холерѣ. Тургеневъ былъ мнителенъ, какъ истерическая женщина.

Каковъ былъ характеръ Тургенева? На это можно отвѣчать, что характера въ смыслѣ силы воли у него не было совсѣмъ. Но прежде всего бросается въ глаза чрезвычайная неискренность Тургенева, неискренность, граничащая почти съ коварствомъ и притомъ несколько не оправдываемая слабостью и безволіемъ. Въ простѣйшей формѣ эта неискренность выражается въ склонности къ „импровизации“, какъ выражается Головачева-Панаева, или попросту ко лжи. Описывая извѣстную катастрофу, происшедшую съ пароходомъ, на которомъ онъ ѣхалъ изъ Штетина, Тургеневъ краснорѣчиво рассказываетъ, какъ онъ одинъ изъ всей публики не потерялъ присутствія духа, успокаивая плачущихъ женщинъ и дѣтей. Между тѣмъ, ранѣе сама Головачева-Панаева слышала рассказъ о томъ же отъ одного изъ своихъ знакомыхъ. Послѣдній описывалъ, какъ одинъ молоденькій пассажиръ былъ наказанъ капитаномъ горѣвшаго парохода „Николай I“ за то, что, желая первымъ спуститься въ шлюпку, толкалъ женщинъ и дѣтей, жаловался и тоненькимъ голоскомъ восклицалъ ежеминутно: „monrir si jeune!“ Увидавъ на музыкѣ въ Павловскѣ Тургенева, рассказчикъ немедленно призналъ въ немъ юношу съ парохода. Впослѣдствіи и самъ Тургеневъ наполовину сознался въ своей трусости и комически передавалъ пріятелямъ эпизодъ на пароходѣ, но уже въ совершенно иномъ освѣщеніи, причѣмъ приводилъ будто бы произнесенную имъ фразу: „Спасите меня, я единственный сынъ у матери!“ ²⁾. Головачева-Панаева передаетъ еще нѣсколько характерныхъ подробностей въ томъ же родѣ: выдумку Тургенева о спасеніи дамы, которую онъ будто бы вырвалъ почти изъ-подъ колесъ наѣхавшей коляски и т. п. Въ свѣт-

¹⁾ Я. П. Полонскій. И. С. Тургеневъ у себя. Нива 1884, № 5, стр. 116.

²⁾ Свидѣтелями были супруга Э. И. Тютчева и князь П. А. Вяземскій, добродушно вспоминавшій о гибели парохода въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

И оставалось мнѣ на выборъ произвольный
Быть гусемъ жаренымъ или рыбой малосольной.

скихъ салонахъ Тургеневъ увѣрялъ, что считаетъ позоромъ брать деньги за свои сочиненія, которыя онъ будто бы дарить редакторамъ ¹⁾. За эти выдумки Тургеневу жестоко доставалось отъ Бѣлинскаго.

И. И. Панаевъ рисуетъ Тургенева, какъ „мастерскаго рассказчика, увлекающагося иногда черезъ-чуръ своей прихотливой фантазїей“ ²⁾.

„Мнѣ часто приходилось слышать“, говоритъ Головачева-Панаева, „какъ многіе люди восхищались рѣдкой чертою въ характерѣ Тургенева, — искренностью. Онъ такъ былъ уменъ, что, когда хотѣлъ, то могъ очаровать всякаго“ ³⁾.

Въ жизни Тургеневъ былъ ловкимъ и находчивымъ актеромъ. Подъ личиною слабости и добродушія онъ искусно танлъ свою завистливую сущность. О завистливости Тургенева въ одинъ голосъ упоминаютъ всѣ знавшіе его. Выслушаемъ сперва рассказъ Альфонса Додэ, человѣка, несомнѣнно знавшаго Тургенева лучше, чѣмъ многіе изъ его русскихъ собратьевъ.

„Мои́мъ первымъ разочарованіемъ былъ Тургеневъ (кстати его не любилъ Толстой). Тургеневъ носилъ на рукахъ моихъ дѣтей; я къ нему былъ привязанъ какъ къ родному. Сколько хорошихъ часовъ мы провели вмѣстѣ съ нимъ въ моей семьѣ, въ этой самой комнатѣ! Помните, мамаша, у насъ отъ Тургенева не было тайны. Я скучалъ, если долго его не видѣлъ, а онъ вдругъ за глаза распространялъ про меня клевету. Я глазамъ и ушамъ своимъ не повѣрилъ въ первый разъ. О, какой ударъ пришлось мнѣ пережить тогда!.. И за что? Лучшие относятся къ нему я не могъ... Можно предположить только одно: Тургеневъ постоянно передавалъ мнѣ приглашенія отъ г-жи Віардо приходятъ къ ней обѣдать; но г-жа Віардо, приглашая меня, ни разу не упомянула имя мой жены, а я семьянинъ, мужъ и отецъ прежде всего... Положимъ, г-жа Віардо принадлежитъ къ тому типу женщинъ, которыя предпочитаютъ мужское общество дамскому; но это все равно, она обязана соблюдать вѣжливость. Тургеневъ, очевидно, обидѣлся на меня и сыгралъ очень плачевную роль. Г-жа Віардо замужемъ; имѣлъ ли онъ оффиціальное право вступаться за нее? Допустимъ даже, что имѣлъ. Какое недостойное оружіе избралъ онъ для мести — клевету! Повторяю, что Тургеневъ имѣлъ дурной характеръ, былъ мелоченъ, капризенъ и на все смотрѣлъ подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія. Оттого онъ многого не понималъ... Онъ если смѣялся, то всегда зло... Мнѣ кажется, что его часто терзала зависть. При мнѣ, напримѣръ, ни о комъ изъ живыхъ русскихъ писателей, онъ не отзывался съ похвалою, по крайней мѣрѣ всегда находилъ что нибудь сказать по ихъ адресу неблагопріятное. И я думаю, что знаю при-

¹⁾ Сравнить письма Тургенева къ Краевскому въ одномъ изъ Отчетовъ Императорской Публичной Библіотеки.

²⁾ И. И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. Спб. 1876, стр. 331.

³⁾ А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія 1824 — 1870. Спб. 1890, стр. 222.

чину такого недоброжелательства. Что-то приковало Тургева къ Парижу; понемногу онъ началъ забывать Россію. Онъ чувствовалъ себя оторваннымъ отъ почвы. Даже при громадномъ талантѣ все вообразить, все создать нѣтъ возможности. Вотъ откуда вѣчное недовольство, вѣчная неудовлетворенность вашего Тургенева. Онъ былъ завистливъ...¹⁾

Надо сознаться, что характеристика, данная Тургеневу Додэ очень мѣтка и исчерпываетъ всѣ главныя стороны тургеневской натуры. Ниже будетъ указано подробно, какъ относился самъ Тургеневъ къ своимъ сверстникамъ и друзьямъ.

Тургеневъ былъ крайне безтактенъ и легкомысленъ. У насъ въ литературѣ и публикѣ утвердилось ни на чемъ не основанное мнѣніе о безукоризненной будто бы деликатности Тургенева. Это мнѣ теперь приходится опровергнуть. И Фетъ, и Головачева-Панаева приводятъ неоднократныя примѣры не деликатности и небрежности со стороны Тургенева. Не имѣя средствъ для того чтобы абонироваться на спектакли съ участіемъ Віардо, Тургеневъ часто безъ приглашенія являлся въ ложу Панаевой и, заслоня своей мощной спиной владѣльцевъ ложи, протаскивалъ спектакли до конца²⁾. На вечерѣ у племянницы Е. П. Ковалевскаго Тургеневъ сѣлъ къ ней спиной, весь вечеръ проговорилъ съ кѣмъ-то и, не сказавъ ни слова хозяйкѣ, уѣхалъ, а та послѣ проплакала всю ночь. „И это было бы еще не бѣда“³⁾, замѣчаетъ Фетъ, „если бы за этой слабостью и упрямствомъ въ сущности добраго человѣка не скрывалось самое дѣтское самолюбіе безпощаднаго эгоизма. Отсюда совершенно прозрачное козыряніе съ одной стороны и позорное искательство съ другой; отсюда небрежно невѣжливое обращеніе съ дамами, гдѣ это считалось возможнымъ, и неузнаваніе знакомыхъ на водахъ въ обществѣ высокопоставленныхъ дамъ“.

Когда Добролюбовъ написалъ статью о „Наканунѣ“, Тургеневъ потребовалъ вычеркнуть все начало. Некрасовъ не могъ уломать ни Тургенева, ни Добролюбова. Дѣло кончилось уходомъ Тургенева изъ „Современника“, послѣ чего оскорбленный романистъ отомстилъ Некрасову Панаеву, Добролюбову и другимъ сотрудникамъ, распустивъ на ихъ счетъ множество сплетенъ, а въ „Колоколѣ“ вскорѣ появилась его статья о Добролюбовѣ, исполненная самой злостной клеветы⁴⁾.

¹⁾ В. Грибовскій, Три парижскихъ знаменитости. Книжки Недѣли. Февраль 1896.

²⁾ Этотъ разсказъ относится къ половинѣ сороковыхъ годовъ. А. Я. Головачева-Панаева, Воспоминанія, стр. 118.

³⁾ А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. II, стр. 305.

⁴⁾ А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 316—326.

Некрасову Тургеневъ отплатилъ тою же монетою, обвинивъ его въ проигрышѣ принадлежавшихъ ему, Тургеневу, 18,000 франковъ; но Головачева-Панаева опровергаетъ это слѣдующимъ показаніемъ: въ 1857 г. Некрасовъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ былъ въ Лондонѣ, гдѣ будто бы были проиграны упомянутыя деньги, предназначавшіяся для передачи Герцену; во вторую же поѣздку за границу, въ 1863 г., Некрасовъ уже не былъ болѣе знакомъ съ Тургеневымъ ¹⁾.

Что разсказъ Головачевой-Панаевой не былъ голословенъ, подтверждаетъ покойный беллетристъ Н. В. Успенскій, бывший большимъ поклонникомъ Тургенева. Отъ передачи Головачевой-Панаевой описанныхъ фактовъ разсказъ Успенскаго разнится лишь незначительными подробностями ²⁾.

Мелкія шутки-выходки Тургенева и его остроты, помимо поражающей безтактности, носятъ на себѣ какой-то дѣланный, мальчишески-пустой характеръ. Онъ совершенно не различаетъ, когда можно и когда нельзя шутить, и ведетъ себя, какъ избалованный ребенокъ. Вотъ что разсказываетъ Фетъ.

„Помню забавную выходку Тургенева. Когда мы вечеромъ всходили съ нимъ по освѣщенной лѣстницѣ, я вдругъ почувствовалъ, что онъ провелъ у меня рукою вдоль колѣнки съ внутренней стороны ноги. Сдѣлалъ это онъ такъ неожиданно, что я невольно крикнулъ: „Что вы!“ Я думалъ, сказалъ Тургеневъ, что ваши рейтузы подбиты кожею. Пришлось увѣрять его, что у офицеровъ рейтузы съ кожею не бываетъ ³⁾“. Тургеневъ былъ у Фета шаферомъ въ 1857 г. Дѣло происходило за границей. Фетъ, за неимѣніемъ фрака, стоялъ подъ вѣнцомъ въ парадной уланской формѣ. Каждый можетъ представить себѣ ощущенія жениха и невесты въ торжественный мигъ бракосочетанія. Какъ же велъ себя Тургеневъ? „Никогда“, вспоминаетъ Фетъ, „не испытывалъ я подобнаго страха, какъ въ этотъ мигъ и съ озлобленіемъ смотрѣлъ на Тургенева, который неудержимо хохоталъ, надѣвая на меня вѣнецъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, такъ странно противорѣчившихъ военной формѣ“ ⁴⁾. Трудно, кажется, найти болѣе яркій примѣръ невоспитанности въ буквальномъ значеніи этого слова.

Однажды Тургеневъ спорилъ съ Фетомъ, что въ часахъ прыгающій маятникъ движимъ волоскомъ, который посредствомъ маятника двигаетъ часы. Фетъ возражалъ, что волосокъ выходитъ причиною самого себя. Потребовалось доказать обратное, заводя ключомъ

¹⁾ Ibid стр. 360

²⁾ Н. В. Успенскій. Изъ прошлаго. Москва. 1889, стр. 20—22.

³⁾ А. Фетъ. Мои воспомнанія, т. I, стр. 108.

⁴⁾ А. Фетъ. Ibid, Т. I, стр. 202.

часы, не двигавшіеся при раскачиваніи маятника. Отсюда Фетъ выводитъ заключеніе, что Тургеневъ былъ неспособенъ къ пониманію самыхъ простыхъ практическихъ вещей ¹⁾.

II.

Какъ относился Тургеневъ къ своимъ литературнымъ собратьямъ? Можно съ увѣренностью сказать, что каждый изъ нихъ испыталъ въ полной мѣрѣ его недоброжелательство. Точно какой-то злой духъ толкаетъ его подъ руку, когда онъ пишетъ о своихъ современникахъ-писателяхъ. Приведемъ для примѣра нѣкоторые его отзывы о Некрасовѣ. Вотъ что писалъ Тургеневъ Полонскому въ 1868 г.: „Штука, которую выкинулъ съ тобою Некрасовъ, нимало не удивила меня: я его слишкомъ хорошо знаю. У этого м... есть между прочимъ привычка — взваливать все неприятное на кого нибудь изъ сотрудниковъ... Великая д... этотъ господинъ!“ ²⁾. Въ слѣдующихъ письмахъ къ тому же лицу мы встрѣчаемся со слѣдующими отзывами о Некрасовѣ: „Только не валандайся ты съ этимъ архи—.... Некрасовымъ и, главное — не жди ты отъ него ничего... какъ отъ козла!“ ³⁾ „Что Некрасовъ хандрить — это, признаюсь, мнѣ все равно: старый с....., наклевавшійся коршунъ нахохлился; ну и чортъ съ нимъ“ ⁴⁾.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, отзывы о Некрасовѣ полны непечатныхъ выражений. Въ этихъ словахъ невольно чувствуется обиліе мстительной злобы, чего, напримѣръ, мы никогда не найдемъ въ пріятельскихъ письмахъ Пушкина. Но въ нужныхъ случаяхъ Тургеневъ нерѣдко проявлялъ довольно грубую лесть. Въ письмахъ къ Полонскому она выражается въ постоянномъ стремленіи умалить Фета и возвеличить самого Полонскаго. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ послѣднему (1868 г.) онъ пишетъ: „Фетъ очень умно поступить, если сдержитъ слово, данное тебѣ, и броситъ писать стихи: что за охота такъ плохо и дрябло повторять самого себя“. Въ слѣдующемъ письмѣ читаемъ: „Въ одномъ тебѣ въ наше время горитъ огонекъ священной поэзіи. Ни графа А. Толстого, ни Майкова я не считаю. Фетъ выдохся до послѣдней степени“ ⁵⁾. Салтыкову (Щедрину) Тургеневъ пишетъ изъ Лондона въ 1870 году: „Любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ (позвольте отложить въ сторону церемонное „мил-

¹⁾ Ibid. Т. I. стр. 267.

²⁾ Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, СПб. 1884, стр. 133.

³⁾ Ibid, стр. 238.

⁴⁾ Ibid, стр. 259.

⁵⁾ Ibid, стр. 131.

стивый государь“). Я на дняхъ получилъ вашу „Исторію одного города“, переданную вами Анненкову. Не говоря уже о прочихъ ея достоинствахъ, эта книга въ своемъ родѣ драгоцѣнный историческій матеріалъ, который ни однимъ нашимъ будущимъ лѣтописателемъ обойденнымъ быть не долженъ. Подъ своей рѣзко-сатирической, иногда фантастической формой, своимъ злобнымъ юморомъ напоминающей лучшія страницы Свифта, „Исторія одного города“ представляетъ самое правдивое воспроизведеніе одной изъ коренныхъ сторонъ русской фizioноміи. „Имѣющій уши, да слышитъ, имѣющій глаза, да видитъ“, сказалъ бы я вмѣстѣ съ законодателемъ Беневоленскимъ¹⁾. Но способность къ неумѣренной лестнѣ очень часто соединялась у Тургенева съ поразительнымъ двуличіемъ. Вскорѣ послѣ приведеннаго письма, онъ въ письмѣ къ Полонскому такъ отзывается о томъ же Салтыковѣ: „На что тебѣ дался Салтыковъ? Этому человѣку даже какъ-то неприлично не ругаться. Самый голосъ его на то природою устроенъ: ты только послушай“²⁾.

Въ особенности ярко это тургеневское двуличіе выступаетъ въ исторіи съ некрологомъ графа А. К. Толстого. Толстому Тургеневъ былъ обязанъ многимъ: графъ употребилъ все свое значительное вліяніе, чтобы спасти Тургенева отъ бѣды, постигнувшей послѣдняго въ 1852 году за статью о смерти Гоголя. Тотчасъ по смерти А. К. Толстого, Тургеневъ помѣстилъ въ „Вѣстникъ Европы“ некрологъ о немъ въ видѣ письма къ М. М. Стасюлевичу. Письмо это исполнено неумѣренной похвалой: Толстой возвеличивается и какъ писатель, и какъ человѣкъ. Мы не приводимъ здѣсь этого некролога за его общезвѣстностью; желающій можетъ найти его въ полномъ собраніи сочиненій Тургенева. Восторженность и преклоненіе — вотъ двѣ основныя черты этого тургеневского панегирика. И однако, одновременно съ появленіемъ некролога, Тургеневъ пишетъ Полонскому изъ Буживалы: „Толстого мнѣ очень жаль, славный былъ человѣкъ; но, какъ водится, какъ прежде были несправедливы къ нему, такъ теперь будутъ преувеличивать въ его пользу. Въ его „Драконѣ“ есть отличные стихи; но вообще — поэзія Толстого мнѣ довольно чужда, да и не мнѣ одному. Несмотря на это, я въ „Вѣстникъ Европы“ помѣщаю маленькую статью о немъ, довольно плохую“³⁾. Надо замѣтить, что въ некрологѣ стихъ „Дракона“ объявленъ достигающимъ „почти Дантовской образности и силы“.

1) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 184. Беневоленскій одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Исторіи одного города“.

2) Ibid, стр. 200.

3) Ibid, стр. 266.

Мѣсяца черезъ два послѣ письма къ Полонскому Тургеневъ пишетъ Салтыкову о той же „довольно плохой“ статьѣ и вынуждаетъ себя буквально оправдываться передъ Салтыковымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Что же касается до статьи объ А. Толстомъ, то вы и правы, и неправы. Разумѣется это панегирикъ въ смыслѣ старинной поговорки: *de mortuis nil nisi bene*; но есть и *circonstances atténuantes*. Во первыхъ, у меня попросили этой статейки, а отказаться я не могъ, потому что былъ лично обязанъ Толстому; во вторыхъ, я продолжаю думать, что Т. хотя второстепенный (пожалуй третьестепенный), но все таки поэтъ; въ третьихъ, онъ былъ человѣкъ, хотя не больно умный, но хорошій и добрый, и гуманный. Наконецъ надо и то замѣтить, что Стасюлевичъ выкинулъ нѣсколько фразъ, въ которыхъ заключались оговорки. Протестовать противъ этого не стоило. Хвалить такихъ людей, какъ Т. послѣ смерти позволительно, при жизни — дѣло другое. Тутъ есть отгѣнокъ, который вы почувствуете и не припишете какимъ либо постороннимъ соображеніямъ“¹⁾.

Все это такъ, но какъ же вѣрить писателю, въ частныхъ письмахъ опровергающему собственныя утвержденія, высказанныя вслухъ передъ всей Россіей?

Извѣстно также, что Тургеневъ въ письмахъ къ Фету необыкновенно высоко ставилъ талантъ его. Въ „Воспоминаніяхъ“ послѣдняго приводится много тургеневскихъ писемъ, горячо восхваляющихъ отдѣльныя мѣста изъ стихотвореній Фета. Извѣстна и фраза Тургенева, не разъ приводившаяся въ печати: „Что вы мнѣ пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его“. И однако въ „Воспоминаніяхъ“ Головачевой-Панаевой читаемъ:

„Тургеневъ находилъ, что Фетъ такъ же плодovitъ, какъ клоны и что, должно быть, по головѣ его проскакалъ цѣлый эскадронъ, отчего и происходитъ такая безмыслица въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ. Но Фетъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Тургеневъ приходитъ въ восторгъ отъ его стиховъ и съ гордостью рассказывалъ, какъ, послѣ чтенія, Тургеневъ обнималъ его и говорилъ, что это лучшее изъ написаннаго имъ. Очень хорошо помню, какъ Тургеневъ горячо доказывалъ Некрасову, что въ строфѣ одного стихотворенія „не знаю самъ, что буду пѣть, но только пѣсня зрѣеть“ Фетъ изблiчилъ свои телячьи мозги“²⁾.

Но когда Тургеневу не представлялось нужды въ самооправданіи, онъ забывалъ свою обычную осторожность. Такъ онъ дважды на разстояніи полуторыхъ лѣтъ превозноситъ въ письмахъ къ Фету его „Письма изъ деревни“. Нѣтъ сомнѣнія, что ежели бы Салтыковъ

¹⁾ Ibid, стр. 276.

²⁾ А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 220.

узналъ объ этихъ похвалахъ, онъ не принялъ бы отъ Тургенева никакихъ оправданій.

„Дайте намъ также продолженіе вашихъ милѣйшихъ деревенскихъ записокъ; въ нихъ правда, а намъ правда больше всего нужна — вездѣ и во всемъ“. „Я вообще часто думаю объ васъ, но въ послѣдніе два-три дня особенно часто, ибо читалъ, „Изъ деревни“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и ощущалъ при этомъ значительное удовольствіе. Правда, просто и умно рассказанная, имѣетъ особенную прелесть“¹⁾.

Объ этой „правдѣ“ Салтыковъ неизмѣнно отзывался въ своихъ статьяхъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой.

Не только въ воспоминаніяхъ Фета и Головачевой-Панасовой или въ письмахъ самого Тургенева, но даже въ самыхъ незначительныхъ, почти случайныхъ замѣткахъ о Тургеневѣ мы наталкиваемся на неоспоримыя свидѣтельства о его двуличіи и лукавствѣ. Возьмемъ хотя бы отрывокъ изъ статьи Е. Гаршина „Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ“. Гаршинъ приводитъ, повидимому, совершенно маловажный случай. Тургеневъ пишетъ письмо сосѣду, котораго собирается посѣтить. „Забавно было видѣть, какъ и здѣсь сказался всегдашній добродушный (?) юморъ И. С., когда онъ на нашихъ глазахъ писалъ этому сосѣду: „Многоуважаемый“, говорилъ и писалъ И. С., прибавляя: „нисколько не уважаю“; „съ особеннымъ удовольствіемъ“ — „никакого удовольствія не предвижу“ и т. д.“²⁾.

Конечно, до нѣкоторой степени все это можетъ быть забавно; но ежели предположить, что Тургеневъ съ такими же прибаутками, произносимыми если не вслухъ, то мысленно, писалъ и прочія свои письма, то трудно видѣть въ этомъ одну забаву. Тѣмъ болѣе невозможно принять на вѣру многочисленныя заявленія уваженія и пріязни, которыми наполнены письма Тургенева.

Приведемъ нѣсколько общихъ отзывовъ Тургенева о современныхъ ему дѣятеляхъ въ области литературы и искусства. Со значительною частію этихъ отзывовъ мы уже познакомили читателя, теперь покажемъ наиболѣе рѣзкія мѣста изъ собственныхъ писемъ Тургенева, напечатанныхъ, къ сожалѣнію, въ значительно сокращенномъ видѣ.

О „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Л. Толстого читаемъ:

„Романъ Толстого — вещь удивительная; но самое слабое въ немъ именно то, чему восторгается публика: историческая сторона и психологія. Исторія его — фокусъ, битые тонкими мелочами по глазамъ; психологія — капризно-однообразная возня въ однихъ и тѣхъ же ощущеніяхъ“³⁾.

1) А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. I, стр. 409, т. II, стр. 23.

2) Историческій Вѣстникъ. Ноябрь 1883. Стр. 378 — 399.

3) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. Стр. 135.

Объ „Аниѣ Карениной“:

„Анна Каренина“ миѣ не нравится, хотя находятся истинно-великолѣпныя страницы. Но все это кисло, пахнетъ Москвой, ладаномъ, старой дѣвой, славящиной, дворящиной и т. д.“¹⁾

О второй части трилогіи гр. А. Толстого:

„Гр. А. К. Толстой читаль миѣ нѣсколько отрывковъ „Федора Ивановича“, довольно замѣчательный психологическій этюдъ, но гдѣ же драма? И притомъ миѣ его стихи просто въ ротъ не лѣзутъ! На нихъ такъ и лежитъ печать реторики, даже не 30-хъ, а 20-хъ годовъ: безжизненно-величаво, правильно и невѣрно. Какой онъ поэтъ! Что онъ сдѣлалъ изъ бѣдной „Коринѣской невѣсты“ Гете!“²⁾

Въ особенности безпощаденъ Тургеневъ по отношенію къ Некрасову. О стихахъ его онъ говорить:

„Я къ нимъ чувствую нѣчто въ родѣ положительнаго отвращенія; ихъ „*argtère goit*“, не знаю, какъ сказать порусски, особенно противенъ: отъ нихъ отзывается тинной, какъ отъ леща или карпа“³⁾

О гончаровскомъ „Обрывѣ“ Тургеневъ пишетъ:

„Вторая часть „Обрыва“, конечно, лучше первой, но и тутъ длинноты нестерпимыя! Какъ только дѣло доходитъ до разговоровъ или разсужденій — такъ зѣвота и разбираетъ. Даже свою Вѣру Гончаровъ уже успѣлъ попортить: и она разсуждаетъ и переливаетъ изъ пустаго въ порожнее. Вотъ у кого тебѣ бы слѣдовало занять хоть частицу его самоувѣренности!“⁴⁾

Отзывъ о „Подросткѣ“ Достоевскаго:

„Получивъ послѣднюю книжку „Отечественныхъ Записокъ“, я заглянулъ было въ этотъ хаосъ. Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье, и психологическое ковыряніе!“⁵⁾

Н. Н. Страхову и И. С. Аксакову достается главнымъ образомъ за славянофильство. О первомъ читаемъ: „Что касается до Страхова, то онъ, конечно, хорошій и умный малый; но критическаго пониманія у него менѣе, чѣмъ у послѣдняго чухонскаго будочника: гдѣ только примѣшивается славянофильство — тамъ этого добра, критическаго пониманія, уже и не спрашивай!“⁶⁾ Объ И. С. Аксаковѣ: „прочелъ книгу Аксакова о Ѳ. И. Тютчевѣ; первая половина очень хороша и тонка; вторая, гдѣ пошла славянофильская политика, плоха и сбивчива. Да оно иначе и быть не могло“⁷⁾.

1) Ibid, стр. 259.

2) Ibid, стр. 137.

3) Ibid, 170.

4) Стр. 151.

5) Стр. 272.

6) Стр. 157.

7) Стр. 246.

О томъ, какъ относился Тургеневъ къ Л. Толстому находимъ въ „Воспоминаніяхъ“ Головачевой-Панаевой слѣдующее:

„Разъ какъ-то графъ Толстой разсказывалъ нѣкоторые интересные эпизоды, случившіеся съ нимъ на войнѣ. Когда онъ ушелъ, то Тургеневъ произнесъ: — Хоть въ щелокъ вари три дня русскаго офицера, а не вываришь изъ него юнкерскаго ухарства; какимъ лакомъ образованности ни отполируй такого субъекта, все таки въ немъ просвѣчиваетъ звѣрство“.

— „Знаешь ли, Тургеневъ, замѣтилъ ему Панаевъ, если бы я тебя не зналъ такъ хорошо, то, слушая всѣ твои нападки на Толстого, подумалъ бы, что ты завидуешь ему“¹⁾.

Это замѣчаніе Панаева невольно приходитъ въ голову всякому, даже поверхностно знакомящемуся съ личностью Тургенева. Въ какомъ же положеніи долженъ чувствовать себя изслѣдователь, всесторонне изучающій тургеневскія реликвіи? Намъ кажется, что онъ долженъ испытывать приблизительно то, о чемъ разсказываетъ Герценъ: „Странный человѣкъ этотъ Тургеневъ! Часто, глядя на него, мнѣ кажется, что я вхожу въ нежилую комнату: сырость на стѣнахъ, и проникаетъ эта сырость тебя насквозь, ни сѣсть, ни дотронуться ни до чего не хочется, хочется выйти поскорѣй на свѣтъ и тепло“²⁾.

Какъ же относились къ самому Тургеневу эти, столь унижаемые имъ, писатели? Въ началѣ знакомства они всѣ безъ исключенія отзывались о немъ съ восторгомъ, бывали очарованы имъ въ полномъ смыслѣ слова. Ф. М. Достоевскій, этотъ нервный, впечатлительный, рѣдко поддававшійся случайнымъ настроеніямъ человѣкъ, такъ писалъ о Тургеневѣ своему брату: „На дняхъ возвратился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты вѣрно слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ это тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но, братъ, что это за человѣкъ! Я тоже едва-ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ, я не знаю въ чемъ природа отказала ему. Наконецъ, характеръ неистоцимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ“³⁾. Такое впечатлѣніе умѣлъ произвести Тургеневъ на своего будущаго врага, впоследствии совершенно разгадавшаго его характеръ.

Фетъ пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: „Мы встрѣтились съ самой искренней взаимной симпатіей, которой со временемъ пришлось разростись въ задушевную пріязнь“⁴⁾.

1) А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 179—180.

2) В. П. Батуриискій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Спб. 1904.

3) Письмо отъ 11 ноября 1845 г.

4) Мои воспоминанія. Т. I, стр. 5.

„Привязанность Некрасова къ Тургеневу“, пишет Головачева-Панаева, „можно было сравнить съ привязанностью матери къ сыну, котораго она, какъ бы жестоко онъ ни обидѣлъ ее, всетаки прощаетъ и старается прискать всевозможныя оправданія его дурнымъ поступкамъ. Я болѣе одного раза никогда не слыхала, чтобы Некрасовъ сдѣлалъ даже намекъ относительно враждебныхъ къ нему чувствъ и дѣйствій Тургенева; онъ попрежнему высоко цѣнилъ его талантъ“¹⁾.

Очевидно, Тургеневъ отъ природы былъ одаренъ склонностью недоброжелательно относиться ко всѣмъ, кто, встрѣчаясь съ нимъ на жизненномъ пути, выражалъ намѣреніе оставаться самимъ собою. И только безгранично преданные ему Колбасинъ и Полонскій до конца остались съ Тургеневымъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Люди же, такъ или иначе выразившіе свою духовную самостоятельность, были ему противны.

Въ заключеніе приведемъ стихотвореніе одного изъ близкихъ единомышленниковъ Тургенева, Н. Огарева.

Новая полурыбца въ русской литературѣ.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь модный,
Литераторъ не простой,
Съ виду милый, благородный,
Духомъ робкій и пустой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Умъ смутившее ему,
Что къ свободѣ направленье
Поведеть его въ тюрьму.
Но таланта даръ отличный
Да Бѣлинскаго слова
Отъ паденья нравъ тряпичный
Охраняли въ немъ сперва.
И въ пустынь скверно-модной
Онъ сберегъ сердечный даръ,
Онъ возвысилъ ликъ народный,
Заклеймилъ позоромъ баръ.
Но въ минуту раздраженья
Самолюбивцемъ пустымъ
Молодаго поколѣнья
Сталъ врагомъ онъ мелочнымъ.

.....
Но художникъ со стыда
Скрылся сразу въ Бадень-Бадень,
Словно призракъ безъ слѣда²⁾.

1) Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 363.

2) Стихотворенія Н. П. Огарева. Т. I. Москва. 1904, стр. 386.

III.

Всѣмъ извѣстно, съ какою любовью и вниманіемъ описывалъ Тургеневъ бытъ русскаго народа; по его словамъ (см. его „Воспоминанія“) онъ далъ себѣ „Аннибаловскую клятву“ бороться съ вѣковымъ зломъ Россіи, которое представлялось ему въ лицѣ крѣпостного права. Всѣмъ памятны симпатичные образы крестьянъ, выведенныхъ имъ во многихъ повѣстяхъ и разсказахъ; для этого стоитъ напомнить прежде всего „Записки Охотника“, открывающіяся описаніемъ Хоря и Калиныча. Но, увы, за этой красивой, а въ сущности показной любовью къ народу, скрывалось совсѣмъ иное къ нему отношеніе. Въ запискахъ современниковъ, изъ которыхъ намъ уже неоднократно случалось приводить обширныя выдержки, сохранились цѣнныя признанія Тургенева. Такъ Головачева-Панаева вспоминаетъ:

„Съ тѣхъ поръ какъ Тургеневъ получилъ наслѣдство, онъ постоянно жаловался, что получаетъ доходовъ съ имѣнія очень мало и въ порывѣ своихъ скорбей проговаривался, что терпитъ много убытка отъ распушенности мужиковъ. „Я имъ не внушаю никакого страха, говорилъ онъ; прежде мужикъ съ трепетомъ шелъ на барскій дворъ, а теперь лѣзетъ смѣло и разговариваетъ со мной за панибрата, да еще съ какой-то язвительной улыбочкой смотритъ на тебя: „знаю, что, ты, моля, тряпка“ 1).

В. Н. Семенковичъ, вспоминая о Тургеневѣ, говоритъ: „Мужики его родового Спасскаго-Лутовинова разорены, и разорены при немъ, и своимъ нищенскимъ надѣломъ и тѣмъ, что при выходѣ на волю, они обрѣзаны во всѣхъ угодыяхъ, и имъ, буквально, некуда курицы выпустить. Спасскіе мужики самыя бѣдныя во всемъ Мценскомъ уѣздѣ; это подтвердятъ всѣ знающіе ихъ положеніе“ 2).

За много лѣтъ до того Фетъ писалъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“:

„Помню, пробѣжая однажды вдоль Спасской деревни съ Тургеневымъ и спросивши Тургенева о благосостояніи крестьянъ, я былъ крайне удивленъ не столько сообщеніемъ о ихъ недостаточности, сколько французской фразой Тургенева: „faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais“ 3).

Интересно, какъ самъ Тургеневъ смотрѣлъ на свое матеріальное положеніе; объ этомъ мы находимъ у Фета слѣдующій разсказъ:

„Тургеневъ обыкновенно говорилъ, что онъ о матеріальныхъ средствахъ и не думаетъ, увѣренный, что у него ихъ на всю жизнь хватитъ, хотя въ то время онъ, очевидно, не имѣлъ въ виду огромныхъ суммъ, полученныхъ имъ впоследствии за сочиненія. По этимъ словамъ слѣдовало за-

1) Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 306.

2) Вѣстникъ Европы, 1900. № 4, стр. 895.

3) А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. I., стр. 266.

ключить, что и онъ смотритъ на себя какъ на богатаго человѣка, а между тѣмъ дорогой изъ полѣся онъ по поводу этой темы внезапно самымъ внушительнымъ образомъ пропищаль:

— Да вы дайте мнѣ за всё мои имѣнія 70,000 рублей, и я сейчасъ же выльзу изъ тарантаса и стану у васъ въ пыли у ногъ валяться.

— Иванъ Серг., вамъ не придется валяться въ пыли потому уже, что, пользуясь вашимъ преувеличеніемъ, чтобы не сказать преуменьшеніемъ, я не соглашусь покупать за ничто ваше состояніе.

Подобный разговоръ не разъ между нами возобновлялся и при томъ съ тѣмъ же знаніемъ дѣла и опредѣленностью¹⁾.

Тургеневъ относился равнодушно не только къ дѣйствительнымъ нуждамъ крестьянъ, но и къ своей родинѣ. Постоянно живя за границей, онъ утратилъ всякое представленіе о томъ, что принято подразумѣвать подъ латинскимъ выраженіемъ: *desiderium patriae*. Въ 1860 г. онъ, между прочимъ, писалъ Фету: „До сихъ поръ русскій дѣйствительно съ утѣшеніемъ видитъ границу своего отечества... когда выѣзжаетъ изъ него“²⁾. А въ 1862 году, менѣе чѣмъ черезъ годъ по освобожденіи крестьянъ, Тургеневъ замѣчалъ: „знаться съ народомъ необходимо, но истерически льнуть къ нему, какъ беременная женщина, бессмысленно“³⁾.

До чего слабо представлялъ себѣ истинное состояніе русской дѣйствительности обжившійся за границею Тургеневъ, явствуетъ изъ словъ Фета:

„Меня поразила умственный путь, которымъ Тургеневъ подходилъ къ необходимости народныхъ школъ. Если бы онъ говорилъ, что должно исправить злоупотребленія, внесенныя временемъ въ народную жизнь, то я не сталъ бы съ этимъ спорить. Но онъ, освоившійся со складомъ европейской жизни, представлялъ Россію какимъ-то параличнымъ тѣломъ, которое нужно гальванизировать всѣми возможными средствами, стараясь (употребляю собственное его выраженіе) буравить это тѣло всяческими буравами, въ томъ числѣ и грамотностью“⁴⁾.

Такимъ образомъ, народныя школы въ глазахъ Тургенева являлись лѣкарственнымъ средствомъ для исцѣленія народа ото всѣхъ недуговъ безъ исключенія.

У Полонскаго находимъ два отрывка, очень цѣнныхъ для характеристики отношеній Тургенева къ простому народу. Написанные, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, они, при несомнѣнной искренности Полонскаго, имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Вотъ что рассказываетъ Полонскій (напоминаемъ читателю, что рассказъ относится къ лѣту 1881 года):

1) Ibid, стр. 267—8.

2) Стр. 327.

3) Стр. 394.

4) Стр. 398—399.

„Судя по всему, что рассказывал Тургеневъ о русскихъ крестьянахъ, онъ былъ далеко отъ нихъ не въ восторгѣ; но онъ судилъ о народѣ только по тѣмъ образчикамъ, которые встрѣчалъ у себя въ Спасскомъ, да въ степныхъ имѣніяхъ Орловской и Тульской губерній. Онъ никогда по Россіи не путешествовалъ, онъ не зналъ и сотои доли всей Россіи, и только, по необычайной своей проницательности, многое въ ней угадывалъ; но ничто его такъ не приводило въ негодованіе, какъ модная мысль, что мы должны учиться у народа.

Учить его, говорилъ онъ, — это я понимаю, а учиться! — чему учиться? Русскій простой мужикъ вовсе не такъ жалостливъ, какъ его описываютъ, да и не можетъ онъ никого такъ любить, потому что онъ и къ самому себѣ равнодушенъ“.

Разсказанъ случай на охотѣ, когда Тургеневъ и егеръ услышали дѣтскій крикъ въ оврагѣ. Тургеневъ хотѣлъ спастись ребенка, но скоро замѣтилъ, что въ оврагѣ спустился мужикъ и вывелъ мальчика. Егеръ сказалъ, что это отецъ и на вопросъ Тургенева, почему? отвѣтилъ, что кромѣ отца никто, и онъ самъ, никогда бы не пошелъ. „Я замѣтилъ Ивану Сергѣевичу, что и этотъ случай обобщать не слѣдуетъ“.

— „Удивительно, продолжалъ Тургеневъ: въ Россіи все наоборотъ, все не такъ, какъ за границей. Тамъ, чѣмъ плодороднѣе почва, тѣмъ богаче жители, а у насъ чѣмъ она плодороднѣе, тѣмъ они бѣднѣе, а чѣмъ хуже, тѣмъ богаче. Тамъ, чѣмъ добрѣе, щедрѣе и честнѣе владѣлецъ, тѣмъ болѣе его уважаютъ и цѣнятъ и любятъ; здѣсь же, напротивъ, чѣмъ онъ лучше, тѣмъ ему хуже, и тѣмъ недружелюбнѣе и подозрительнѣе къ нему относятся. Недаромъ, для И. С., по его собственному признанію, русскій народъ былъ чѣмъ-то въ родѣ сфинкса или загадки“¹⁾.

Признавая русскій народъ сфинксомъ, Тургеневъ, однако, не разъ пытался взять на себя неподсильную роль Эдипа, но всегда неудачно. Нетрудно замѣтить въ отношеніи Тургенева къ народу нѣчто безрзливо-барское, смѣшанное съ чувствомъ боязливаго недоумѣнія.

„Помню, какъ въ одно прекрасное утро, посмѣиваясь, онъ передалъ мнѣ воображаемую имъ сцену, какая будто бы ожидается насъ у него въ деревнѣ: будемъ мы, говорилъ онъ, сидѣть по утру на балконѣ и преспокойно пить чай, и вдругъ увидимъ, что къ балкону, отъ церкви по саду, приближается толпа Спасскихъ мужиковъ. Всѣ по обыкновенію снимаютъ шапки, кланяются и на мой вопросъ: ну, братцы, что вамъ нужно?

— Ужъ ты на насъ не прогнѣвайся, батюшка, не постѣлуй... отвѣчаютъ. Баринъ ты добрый, и очень мы тобой довольны, а все таки, хошь не хошь, а приходится тебя, да уже кстати, вотъ и его (указывая на меня) повѣсить.

— Какъ?

— Да такъ ужъ, указъ такой вышелъ, батюшка! А мы уже и веревочку припасли... Да ты помолись... Что жъ! Мы вѣдь не злодѣи какіе нибудь... тоже, чай, люди—человѣчки... можемъ и повременить маленько и т. д.“²⁾

¹⁾ Нива 1884, № 3, стр. 66.

²⁾ Нива 1884, № 1, стр. 11.

Только челоѡѡѡку, совершенно незнакому съ русской дѡѡѡствительностью, могла придти въ голову такая фантазія, напоминающая бредъ помѡѡшаннаго, одержимаго маніей преслѡѡдованія. Можно съ увѡѡренностью сказать, что Тургеневъ говорилъ это, хотя и „посмѡѡваясь“, но несомнѡѡнно серьезно. Недаромъ, въ другой разъ онъ сказалъ Полонскому:

- Можешь ты пятью буквами опредѡѡлить характеръ мой?
- Я сказалъ, что не могу.
- Скажи „трусъ“ и это будетъ справедливо. 1)

Чтобы выяснитъ отношеніе Тургенева къ народу, приведемъ еще одну изъ его бесѡѡдъ съ Полонскимъ:

„Ну, братъ, я съ сегодняшняго дня буду природу называть хавроньей и вездѡѡ, вмѡѡсто слова „природа“, ставить слово: „хавронья“. Попадется книга подъ названіемъ: „Богъ и природа“, буду читать: „Богъ и хавронья“.

— Лучше уже попросту назови ее свиньей и вмѡѡсто словъ: на лонѡѡ природы, пиши, — на лонѡѡ свиньи...

— Да, надо только эту свинью въ руки взять, задумавшись произнесет Тургеневъ.

— Да какъ же ты ее въ руки возьмешь?

— Да такъ, какъ взяли ее французы: заставили ее расти, цвѡѡсти и плоды приносить...

Въ этомъ-то и задача культуры — умѡѡть побѡѡдить природу и заставить ее служить себѡѡ... Изъ хавроньи сдѡѡлать кормилицу, такъ сказать приурочить ее къ челоѡѡѡку и его потребностямъ... Весь вопросъ въ томъ, будетъ ли Васька Буслаевъ на это способенъ?

— Васька Буслаевъ?

— Да... Читалъ ты былинну о Васькѡѡ Буслаевѡѡ? Васька этотъ — типъ русскаго народа... Я высоко ставлю эту поэму... Тотъ, кому она пришла въ голову — живи онъ въ наше время, былъ бы величайшимъ изъ русскихъ поэтовъ.

И Тургеневъ сталъ анализировать характеръ и подвиги Васьки Буслаева, этого въ своемъ родѡѡ инглиста, которому все ни по чемъ...

Нашимъ крайнимъ славянофиламъ едва ли бы понравился этотъ анализъ Тургенева“ 2).

О томъ же Васькѡѡ Буслаевѡѡ Тургеневъ говоритъ въ „Дымѡѡ“ устами западника Потугина.

Такимъ знатокомъ народа является намъ Тургеневъ въ изображеніи людей, хорошо его знавшихъ. Думается, что на самомъ дѡѡлѡѡ Тургеневъ мало интересовался этимъ самымъ народомъ, связь съ которымъ онъ порвалъ и потерялъ по собственной волѡѡ. Какъ ни пытался Тургеневъ оправдать передъ самимъ собой свое вѡѡчное

1) Ibid № 7, стр. 159.

2) Ibid № 7, стр. 159.

пробываніе за границей, онъ смутно чувствовалъ свою отчужденность отъ родины и страдалъ отъ этого сознанія. Въ этомъ легко убѣдится всякій, кто прочтетъ вступленіе къ его „Литературнымъ и житейскимъ воспоминаніямъ“. Но тогдашняя печать въ лицѣ своихъ представителей ставила Тургеневу его разрывъ съ родиной въ особую заслугу.

Какъ писатель, Тургеневъ отличался самомиѣніемъ. Болѣзненное самолюбіе, заставлявшее его идти на уступки съ „мальчишками“ въ шестидесятыхъ годахъ, ради спасенія гражданской популярности, диктовало иногда ему самыя неожиданныя признанія. Такъ, напри- мѣръ, онъ не разъ заявлялъ, что хочетъ быть погребеннымъ „у ногъ Пушкина“. Этими словами, пренеполненными ложной скромности, Тургеневъ какъ бы ставилъ себя наравнѣ съ Пушкинымъ, считая, что только онъ одинъ достоинъ лечь съ нимъ рядомъ. Увѣренность въ себѣ, какъ въ исполнскомъ талантѣ, первостепенномъ по значенію, Тургеневъ переносилъ и на окружавшихъ его лицъ, въ особенности на добродушнаго Полонскаго. Послѣдній съ нѣкоторымъ преклоненіемъ передъ литературною скромностью Тургенева говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Иванъ Сергѣевичъ постоянно ставилъ себя ниже Пушкина, ниже Гоголя и даже ниже Лермонтова 1)“. Теперь намъ можетъ показаться въ высшей степени страннымъ это удивительное сопоставленіе именъ. Сравнить Тургенева съ Пушкинымъ и Гоголемъ можно развѣ въ шутку, а Полонскій очевидно не только сравнивалъ, но и ставилъ Тургенева выше всѣхъ, на что указываетъ его наивное „даже“, подтверждающее, что относительно Лермонтова у Полонскаго и сомнѣній никакихъ не могло возникнуть.

Также смѣло брался Тургеневъ исправлять и очищать чужіе стихи, напри- мѣръ, Фета. Изданіе 1856 года все переправлено Тур- геневымъ. По этому поводу умѣстно привести небольшую библио- графическую справку. Въ библіотекѣ И. С. Остроухова въ Москвѣ хранится экземпляръ „Стихотвореній“ Фета 1850 года, служившій какъ бы основой для вышеупомянутаго изданія. Поправки, сдѣланныя рукой Тургенева, сохранились на этомъ экземплярѣ въ неприкосно- венности, давая возможность наглядно убѣдиться, насколько былъ бѣденъ литературный вкусъ Тургенева. Недаромъ самъ Фетъ назы- вать впослѣдствіи это изданіе „изувѣченнымъ“ 2) Въ пониманіи смысла иныхъ литературныхъ явленій Тургеневъ также обнаруживалъ подчасъ большую непроницательность. Такъ въ своихъ письмахъ онъ сравнивалъ Достоевскаго съ маркизомъ де-Садомъ, показывая пол-

1) Нива 1884 г. № 4, стр. 87.

2) А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. I. стр. 104.

ное непониманіе христіанской сущности таланта Достоевскаго, и пророчилъ окончательный упадокъ поэзіи Фета наканунѣ „Вечернихъ Огней“. Тоже самое отмѣчаетъ и Головачева-Панаева.

„Странно, что предсказанія Тургенева о литературной будущности его современниковъ почти никогда не оправдывались. Напримѣръ, приведя къ Панаеву знакомиться Апухтина, тогда еще юнаго правовѣда, онъ предсказывалъ, что такой поэтической талантъ, какимъ обладаетъ Апухтинъ, составитъ въ литературѣ эпоху и что Апухтинъ своими стихами пріобрѣтетъ такую же извѣстность, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ“¹⁾.

Также высоко Тургеневъ ставилъ Дружинина, находя его по таланту неизмѣримо значительнѣе Гончарова. Не сбылось и предсказаніе его относительно Л. Толстого.

„Я твердо вѣрю, что мы еще доживемъ до того мгновенья, когда онъ первый будетъ добродушно хохотать надъ quasi-философской чепухой, которую онъ напустилъ въ видѣ вони въ свой поистинѣ великій романъ“²⁾.

Въ воспоминаніяхъ самого Тургенева сохранилось замѣчательное описаніе его бесѣды съ буйнымъ критикомъ шестидесятихъ годовъ, Д. Писаревымъ. Дѣло было весной 1867 года. „Въ теченіе разговора“, говоритъ Тургеневъ, „я откровенно высказался передъ нимъ“. Не будемъ приводить цѣликомъ откровенныя любезности Тургенева; отмѣтимъ лишь одно мѣсто, касающееся поэтовъ того времени, „Помилуйте, въ кого вы стрѣляете? Уже точно по воробьямъ изъ пушки! Всего-то у насъ осталось три-четыре человѣка, старички пятидесяти лѣтъ и свыше, которые еще упражняются въ сочиненіяхъ стиховъ;—стоитъ ли ярится противъ нихъ?“³⁾ Къ числу этихъ „старичковъ“, осмѣянныхъ Тургеневымъ въ глазахъ своего случайнаго собесѣдника, приходится отнести Тютчева, Фета, Майкова, Полонскаго, гр. А. Толстого.

Говоря съ Полонскимъ о поэзіи и ея назначеніи, Тургеневъ замѣтилъ:

„И то сказать, — если мужику, котораго только что высѣкли въ волостномъ правленіи или который только что вернулся верстъ за двадцать въ свою семью (брюзгливую и злую, оттого что ѣсть нечего) начать читать стихотвореніе Пушкина или Тютчева, еслибы онъ даже и понималъ ихъ, непременно бы плюнулъ и выругался... До стиховъ ли, въ особенности нѣжныхъ, человѣку, забитому нуждою и всякими житейскими невзгодами“⁴⁾.

Можетъ быть, мужикъ и не ограничился бы однимъ плевкомъ, а произвелъ нѣчто худшее; по трудно вообразить такого поклон-

1) Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 189.

2) Сѣверные Цвѣты. 1902, стр. 188. Рѣчь идетъ о „Войнѣ и мирѣ“.

3) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Т. XII. С. П.-Б. 1898, стр. 32.

4) Нива 1884 № 6, стр. 138.

ника поэзии, который пожелалъ бы декламировать Пушкина и Тютчева при подобныхъ обстоятельствахъ.

Тургеневъ никогда не сходилъ дружески ни съ кѣмъ изъ писателей. Исключая Полонскаго, онъ никому не говорилъ „ты“. Да и невозможно представить его говорящимъ „ты“ Фету или Толстому.

Литературная физиономія Тургенева также блѣдна и расплывчата, какъ и его виѣшность. Въ произведеніяхъ его языкъ, ежели можно такъ выразиться, не сросся съ сердцемъ, и слогъ Тургенева легко отдѣлится отъ личности. Полу-фотографъ, полу-разсказчикъ, Тургеневъ рисуетъ, рѣжетъ, чеканитъ, изображаетъ, но не творитъ. Мы не найдемъ у него высокаго подъема чувствъ, орлиныхъ полетовъ мысли. Въ сущности, слогъ его утомляетъ своимъ однообразіемъ. Письма его удивительно скучны, и одолѣть ихъ даже въ томъ сокращенномъ видѣ, какъ они напечатаны, значительная трудность. Свои воспоминанія онъ не даромъ назвалъ „литературными и житейскими“, строго разграничивъ эти двѣ области. Больше всего боялся Тургеневъ показаться передъ публикой въ халатѣ; какъ чтець на эстраду, выходилъ онъ всегда во фракъ, затянутый и изящный. За воспоминаніями онъ, какъ за ширмами, хотѣлъ скрыть неприглядныя стороны своей природы.

IV.

Въ биографіи каждаго общественнаго дѣятеля встрѣчаются случаи, о которыхъ по необходимости приходится умалчивать. Свѣдущій читатель могъ замѣтить, что мы почти не говорили ничего о ссорѣ, происшедшей между Тургеневымъ и гр. Л. Н. Толстымъ. Ссора эта, едва не кончившаяся поединкомъ, подробно описана въ „Воспоминаніяхъ“ Фета. Къ нимъ мы и отсылаемъ любопытствующаго читателя, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было догадокъ и собственныхъ предположеній. Еще менѣе въ правѣ считаемъ мы себя говорить объ истинномъ характерѣ отношеній Тургенева къ знаменитой пѣвицѣ Віардо-Гарсія, бывшей главною виновницей его многолѣтняго пребыванія за границей. Письма Тургенева къ Віардо, появившіяся въ русскомъ переводѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, даютъ очень мало для биографіи знаменитаго писателя. Напечатанія въ 1898 году въ „La Revue Hebdomadaire“ съ объясненіями г. Гальперина-Каминскаго, они были изданы съ разрѣшенія и подъ контролемъ г-жи Віардо. Всего ею разрѣшено къ печатанію двадцать пять писемъ, имѣющихъ исключительно общій интересъ. Почти всѣ письма писаны за границей, въ Парижѣ или Куртавенелѣ съ

1846 по 1850 годъ 1). Въ нихъ Тургеневъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ слышанныхъ имъ оперъ, дѣлится литературными и политическими взглядами, остритъ, болтаетъ непринужденно, какъ давній знакомый. Общій тонъ писемъ напоминаетъ легкую салонную болтовню (causerie). Ничего важнаго для характеристики Тургенева они, повторяемъ, не содержатъ.

Знаменательны слова матери Тургенева, сказанныя ею однажды ему и его брату: „Жаль мнѣ васъ, вы пропадете, не будете счастливы, потому что оба однолюбцы“ 2). Это материнское предсказаніе по отношенію къ И. С. Тургеневу вполнѣ оправдалось.

Фету Тургеневъ говорилъ: „Я только тогда блаженствую, когда женщина каблукомъ наступитъ мнѣ на шею и вдавитъ мое лицо носомъ въ грязь“ 3). Нельзя при этомъ не отмѣтить странность роли, которую Тургеневъ игралъ въ домѣ Віардо. Онъ походилъ на приживальщика, устроившагося подлѣ богатыхъ и извѣстныхъ людей. А между тѣмъ собственныя средства его были всегда болѣе чѣмъ значительны, несмотря на крайнюю безопасность, доведшую его къ концу жизни почти до разоренія.

Самъ Тургеневъ въ письмѣ къ Полонскому такъ однажды выразился о своемъ добровольномъ изгнаніи: „Я очень хорошо понимаю, что мое постоянное пребываніе за границей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что, пожалуй, и совѣмъ ее уничтожить; но и этого измѣнить нельзя“ 4).

У Головачевой-Панаевой имѣется нѣсколько строкъ, проливающихся свѣтъ на взаимныя отношенія Тургенева къ Віардо въ началѣ ихъ сближенія.

„Тургеневъ громогласно всюду и всемъ оновѣщаль о своей любви къ Віардо. Но въ первый годъ знакомства Тургенева съ Віардо, она не особенно внимательна была къ Тургеневу. Въ тѣ дни, когда Віардо знала, что у нея будутъ съ визитомъ аристократическіе посѣтители, Тургеневъ долженъ былъ сидѣть у ея мужа въ кабинетѣ, бесѣдовать съ нимъ объ охотѣ и посвящать его въ русскую литературу. На званые вечера къ Віардо его тоже не приглашали“ 5).

Сохранился рисунокъ Шамеро, изображающій Тургенева за нѣсколько дней до смерти. Знаменитый русскій писатель лежитъ одинокій въ постели и спитъ, облокотясь на подушки. Выраженіе лица болѣзненное и страдающее. Послѣдніе дни Тургеневъ, какъ

1) Письма И. С. Тургенева къ Паулинѣ Віардо. Москва. 1900.

2) Нива. 1884. № 1, стр. 15.

3) А. Фетъ. Мои воспоминанія. Т. I. стр. 158.

4) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 154.

5) Головачева-Панаева. Воспоминанія, стр. 117.

извѣстно, нуждался въ самомъ необходимомъ, и отъ него нерѣдко приходилъ слуга къ одному изъ соотечественниковъ, жившихъ неподалеку, попросить супа для больного господина. Феть замѣчаетъ по этому поводу: „Высказываемая имъ когда-то мечта о женскомъ каблукѣ, нагнетающемъ его затылокъ лицомъ въ грязь, сбывалась въ переносномъ значеніи въ самомъ блистательномъ видѣ“¹⁾).

Нерадостно было дѣтство Тургенева. Мать его, Варвара Петровна отличалась суровымъ, деспотическимъ нравомъ. Это была помѣщица въ полномъ смыслѣ слова. Тургеневъ рано лишился отца своего, Сергѣя Николаевича, но отца ему могъ замѣнить родной дядя Николай Николаевичъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ Варвары Петровны.

Тургеневъ разсказывалъ Полонскому, что въ дѣтствѣ его сѣкли за каждые пустяки чуть не каждый день, до такой степени, что однажды онъ хотѣлъ бѣжать ночью изъ дома, но вовремя былъ остановленъ нѣмцемъ-гувернеромъ. Онъ не любилъ вспоминать о своемъ дѣтствѣ, и оттого эта полоса его жизни намъ почти неизвѣстна.

Въ религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ Тургеневъ былъ крайне ограниченъ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ дитя своего позитивнаго вѣка, замѣнившаго и вѣру, и безвѣріе чѣмъ-то среднимъ, какимъ-то тепленькимъ добродѣтельнымъ полу-христіанствомъ. Онъ не вѣрилъ ни въ будущую жизнь, ни въ безсмертіе души и незадолго до смерти высказывалъ Полонскому свои мысли, проникнутыя самымъ безнадежнымъ матеріализмомъ. Въ виду чрезвычайнаго интереса этихъ признаній, приводимъ ихъ.

„Философскія убѣжденія Тургенева и направленіе ума его имѣли характеръ болѣе или менѣе положительный, и подъ конецъ жизни его носили въ себѣ отпечатокъ пессимизма. Хотя онъ и былъ въ юности поклонникомъ Гегеля, но отвлеченныя понятія, философскіе термины давно уже были ему не по сердцу. Онъ терпѣть не могъ допытываться до такихъ истинъ, которыя, по его мнѣнію, были непостижимы. — „Да и есть ли еще на свѣтѣ непостижимыя истинны?“

Разсказы его „Призраки“ и „Странная исторія“ многихъ заставляли предполагать, что Тургеневъ самъ вѣритъ въ таинственныя, необъяснимыя явленія; но ничего не можетъ быть ошибочнѣе такого мнѣнія о Тургеневѣ.

„Ничего нѣтъ страшнѣе, говорилъ онъ однажды, страшнѣе мысли, что ничего нѣтъ страшнаго, — все обыкновенно. И это-то самое обыкновенное, самое ежедневное и есть самое страшное. Не привидѣніе страшно, а страшно ничтожество нашей жизни“...

¹⁾ А. Феть. Мои воспоминанія, т. II. стр. 397.

„Кажется, что может быть проще истины: „молодости вернуть нельзя“. Кто этого не знает? А между тѣмъ для меня нѣтъ ничего страшнѣе этой простой истины; она гораздо страшнѣе, чѣмъ адъ, описанный Дантомъ въ его „Divina Comedia“. Для меня въ непреложности законовъ природы есть нѣчто самое ужасное, такъ какъ я никакой цѣли, ни злой, ни благой не вижу въ нихъ“.

„Въ спорахъ своихъ со мной Иванъ Сергѣевичъ обнаруживалъ крайне-безпопадное, пессимистическое міросозерцаніе. Никакъ не могъ онъ примириться съ равнодушіемъ природы къ человѣческому счастью или горю. Чтобы мы ни дѣлали, все наши мысли, чувства, дѣла, даже подвиги будутъ забыты. Какая же цѣль этой человѣческой жизни?“¹⁾

Такъ сокрушался на склонѣ дней шестидесятитрехлѣтній Тургеневъ, знаменитый писатель, отъ котораго люди, его современники, вправѣ были ждать глубокаго, яснаго проникновенія въ тайну жизни и смерти. Убѣленный сѣдинами, Тургеневъ не былъ умудренъ опытомъ, потому что всегда былъ далекъ отъ жизни. На краю гроба онъ дрожить, какъ юноша, только что вступающій въ жизнь, не успѣвшій перетерпѣть ея страховъ. Можно представить себѣ, какъ ужасны были предсмертныя нравственныя мученія Тургенева!

Мысль о смерти съ раннихъ лѣтъ занимала Тургенева, возбуждая въ душѣ его чисто-животный, панической ужасъ. Въ „Запискахъ Охотника“ находится разсказъ „Смерть“, гдѣ сквозь обычный легкомысленный тонъ проглядываетъ этотъ ужасъ, смѣшанный съ недоумѣніемъ при видѣ спокойнаго отношенія къ смерти. Въ противоположность смерти жизнь представлялась Тургеневу, какъ цѣль удовольствій, перервать которую онъ никогда бы не рѣшился по собственной волѣ. Забывая, что „чувство смерти — мигъ, и много ли терпѣть?“ (Пушкина „Анджело“), Тургеневъ смотрѣлъ на смерть не какъ на естественный отдыхъ отъ долгой жизни, а какъ на тягчайшее наказаніе, придуманное безжалостной природой. „Забавно, говорить Феть, бреттерствовать человѣку, цѣлый вѣкъ толковавшему объ ужасѣ смерти, передъ людьми, цѣлый вѣкъ толкующими объ ужасѣ жизни“²⁾.

Когда умеръ Тургеневъ, въ лицѣ его Россія лишилась замѣчательнаго стилиста, блестяще владѣвшаго перомъ, знаменитаго писателя, но и только; „человѣка“ она не знала и не знаетъ до сихъ поръ. Личность его растяла на историческомъ горизонтѣ, какъ мимолетное облако.

1906

1) Нива 1884, №№ 3, 4, 6.

2) А. Феть. Мои воспоминанія. Т. II, стр. 506.

А. А. ФЕТЪ.

I.

„ЛЕГЕНДА“ И „ИВА“.

1843 годъ надо считать однимъ изъ счастливейшихъ въ творчествѣ молодого Фета. Двадцатитрехлѣтній поэтъ успѣлъ уже создать такіе перлы своей поэзіи, какъ „Печальная береза“, „Чудная картина“, „На зарѣ ты ее не буди“, „Nocturno“, всѣ „Гаданія“ и „Снѣга“, „Узникъ“, „Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“, „Облакомъ волнистымъ“; все произведенія первоклассныя, сразу поставившія студента Фета въ рядъ лучшихъ поэтовъ того времени. Среди стихотвореній 1843 года особенно заинтересовываютъ своимъ происхожденіемъ два: „Легенда“ и „Ива“. Последнее любопытно уже потому, что, появившись въ „Отечественныхъ Запискахъ“, не перепечатывалось впослѣдствіи ни разу. Самъ поэтъ измѣнилъ его совершенно и далъ ему названіе „Ивы и березы“.

„Легенда“, первоначально озаглавленная „Сказаніе“ и напечатанная впервые въ „Москвитянинѣ“ 1843 г. (№ 6), читается такъ:

Вдоль по берегу полями
Ѣдетъ сынъ княжой.
Сорокъ отроковъ верхами
Слѣдуютъ толпой.

Странень ликъ его суровый,
Все кругомъ молчитъ
И подкова лишь съ подковой
Часто говоритъ.

— „Разгуляйся въ полѣ“, сыну
Говоритъ старикъ:
Знать сыновнюю кручину
Старый взоръ проникъ.

Съ золотыми стременами
Княжій аргмакъ,
Шемаханскими шелками
Вышитъ весь ченракъ,

Но, печаленъ, въ полѣ чистомъ
Князь себѣ не радъ
И не кличетъ громкимъ свистомъ
Кречетовъ назадъ.

Онъ давно душою жаркой
Въ перегарѣ силъ
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ.

Полюбить успѣвъ вериги
Молодой тоски,
Переписываетъ книги,
Пишетъ кондаки,

И не разъ въ минуты битвы
Съ жизнью молодой,
Въ увлеченіи молитвы
Находилъ покой.

Бдетъ онъ въ раздумьѣ шагомъ
На лихомъ конѣ,
Вдругъ пещеру за оврагомъ
Видитъ въ сторонѣ:

Тамъ душевной жаждѣ нищу
Старецъ находилъ—
И къ пустынному жилищу
Князь поворотилъ.

Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдругъ
И пустыннаго простора
Онъ почуялъ духъ.

Слѣзъ съ коня, оборотился
Къ отрокамъ спиной,
Снялъ кафтанъ, перекрестился
И махнулъ рукой.

Здѣсь съ перваго взгляда поражаетъ необычайный для Фета эпическій складъ стихотворенія. Тема также совершенно несвойственна его поэзии. Скорѣе чувствуется здѣсь гр. Алексѣй Толстой, который, конечно, не могъ не знать этой баллады, и съ нѣкоторой натяжкой можно предположить, что черезъ много лѣтъ мотивъ фетов-

ской „Легенды“ всплылъ у Алексѣя Толстого въ извѣстной его балладѣ „Илья Муромецъ“. („Подъ броней съ простымъ наборомъ“). „Аргамакъ“, „шемаханскій шелкъ“ все это какъ будто изъ толстовскаго словаря. Разумѣется, о подражаніи Толстому со стороны Фета и рѣчи быть не можетъ, какъ потому, что, вообще, нѣтъ ни одного русскаго поэта, которому бы подражалъ Феть, такъ и потому, что Алексѣй Толстой въ то время еще не писалъ стиховъ и едва успѣлъ выступить съ нѣсколькими рассказами въ прозѣ.

Какимъ же образомъ могло возникнуть у Фета это стихотвореніе, столь чуждое его Музѣ? Откуда взялся у него этотъ благочестивый древнерусскій князь, промѣнявшій земныя блага на молитву и пустынную келью отшельника? Чтобы понять появленіе „Легенды“, надо вспомнить нѣкоторыя сопровождающія ее обстоятельства. Она была напечатана въ „Москвитянинѣ“, журналѣ Погодина и Шевырева. Оба профессора имѣли непосредственное вліяніе на молодого Фета. Къ Шевыреву Феть, по собственнымъ его словамъ, относился съ сыновней привязанностью и, можетъ быть, совѣты стараго эстетика имѣли благотворное значеніе для неокрѣпшей еще фетовской Музы ¹⁾. Погодина Феть въ воспоминаніяхъ называетъ не иначе, какъ „глубоко-читимымъ“, „почтеннымъ“; у него онъ жилъ передъ поступленіемъ въ университетъ и первое время студенчества; къ нему же ходилъ впоследствии совѣтовать относительно важнаго шага своей жизни: женитьбы. Убѣжденные славянофилы, Погодинъ и Шевыревъ естественно старались вселить въ душу юнаго Фета любовь къ русской старинѣ, склоняя его вдохновеніе къ излюбленнымъ ими обоими темамъ. Повидимому, подъ вліяніемъ совѣтовъ Шевырева, Феть пробовалъ писать въ эпическомъ родѣ: кромѣ „Легенды“ имъ написано еще „Видѣніе“ („Москвитянинѣ“, 1843 г. № 10).

Самое появленіе „Легенды“ и „Видѣнія“ въ „Москвитянинѣ“ еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль о вліяніи на Фета Шевырева; стихотворенія эти какъ будто нарочно написаны для погодинскаго журнала. Но тогда же Феть понималъ, что этотъ родъ поэзіи чуждъ его Музѣ и оставилъ историческіе мотивы навсегда. Какъ бы на смѣну ему выступилъ вскорѣ въ „Москвитянинѣ“ Мей, тоже ученикъ Погодина, оказавшійся болѣе воспріимчивымъ къ историческимъ темамъ.

¹⁾ „Онъ отнесся съ великимъ участіемъ къ моимъ стихотворнымъ трудамъ и снисходительно проводилъ за чаемъ по часу и по два въ литературныхъ со мною бесѣдахъ. Эти бесѣды меня занимали, оживляли и вдохновляли“ (А. Феть. „Ранніе годы моей жизни“. М. 1893. Стр. 209).

Происхождение „Ивы“ еще любопытнѣе. Всѣ знаютъ классически-прекрасную пѣсу „Ивы и березы“, помѣщенную въ „Современникѣ“ 1856 г. (№ 9) и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ стихотвореній Фета:

Березы сѣвера мнѣ милы.
Ихъ грустный, опущенный видъ
Какъ рѣчь безмолвная могилы
Горячку сердца холодить.

Но ива, длинными листьями
Упавъ на лоно ясныхъ водъ,
Дружнѣй съ мучительными снами
И дольше въ памяти живетъ.

Лія таинственныя слезы,
По рошамъ и лугамъ роднымъ
Про горе шепчутся березы
Лишь съ вѣтромъ сѣвера однимъ;

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняетъ ива
Вездѣ концы своихъ вѣтвей ¹⁾.

Но немногимъ извѣстно, что при первомъ своемъ появленіи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1843 года (т. XXI) это стихотвореніе читалось такъ:

Березы сѣвера мнѣ милы.
Ихъ грустный, опущенный видъ
Какъ рѣчь безмолвная могилы
Горячку сердца холодить.

Но ива, длинными листьями
Упавъ на лоно ясныхъ водъ,
Дружнѣй съ мучительными снами
И дольше въ памяти живетъ.

Я слышалъ пѣсню Дездемоны,
Любилъ Офеліинъ конецъ —
И помню роковые стоны,
И помню ивовый вѣнецъ.

Съ равнины юга отдаленной
Я видѣлъ, странникомъ однимъ
Листочекъ ивы занесенный,
У сердца бережно хранимъ.

¹⁾ Приводимъ это стихотвореніе въ послѣдней, сокращенной авторомъ, редакціи.

Но ива та не дочь востока,
Хоть солнцемъ юга рождена,
А издалека, издалека
На сѣверъ въ даръ принесена.

Надъ ней весь день пыласть пламень,
Надъ ней, рѣшеткой обнесенъ,
Лежитъ плитой горячій камень —
На немъ черты: Наполеонъ.

Какая разница въ основномъ тонѣ обоихъ стихотвореній! Почему же, спрашивается, Фетъ счелъ лучшимъ отбросить первую редакцію, почему трагическую „Иву“, посвященную памяти Наполеона, онъ поставилъ въ скромномъ сосѣдствѣ съ плакучей сѣверной березой, воспѣвъ ее только за то, что „грустно-сиротливая, она всю землю считаетъ родиной скорбей“? Куда дѣвались Офелія и Дездемона? Для уразумѣнія сущности творческаго процесса, выражавшагося въ этихъ двухъ пѣсахъ, намъ необходимо вспомнить, какими чертами Фетъ въ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ огромное вліяніе на него Лермонтова. Впечатлѣніе, произведенное Лермонтовымъ, Фетъ называетъ „могучимъ“; образы лермонтовской поэзіи, повидимому, „раздражили плѣнную мысль“ молодого поэта. Между тѣмъ Лермонтовъ — страстный пѣвецъ Наполеона, и при томъ Наполеона уже забытаго, угасающаго въ неволѣ; еще въ юношескихъ своихъ стихахъ часто рисуетъ онъ островъ святой Елены и узника „подъ шляпою съ нахмуреннымъ челомъ, и двѣ руки, сложенныя крестомъ“. Вотъ это-то пламенное вдохновеніе Лермонтова, перемахнувъ на юнаго Фета, вспыхнуло еще разъ на немъ, и съ нимъ уже окончательно угасло. По крайней мѣрѣ, послѣ Фета мы не находимъ въ русской поэзіи романтическихъ пѣвцовъ Наполеона, восхищенныхъ видомъ пустынной могилы на скалѣ, суровымъ обликомъ изгнаннаго Императора, простотой походной его одежды и всей обстановкой его жизни. Уже у Тютчева воспоминаніе о переходѣ черезъ Нѣманъ (стих. „Проѣзжая черезъ Ковно“) сопровождается пророческими словами о роковомъ клеймѣ, которымъ отмѣчены были обреченные на гибель солдаты французской арміи, а самъ Наполеонъ въ другомъ стихотвореніи названъ у него „презрителемъ волнъ, утлый челнъ котораго разбился въ щепы о подводный камень вѣры“. „Ива“ Фета является, такимъ образомъ, послѣдней вспышкой чисто-романтическаго преклоненія передъ Наполеономъ.

Но почему же Фетъ впослѣдствіи переработалъ совершенно „Иву“ и исключилъ ее первый вариантъ изъ собранія своихъ стиховъ? Опять это было имъ сдѣлано не сирота: строгая художническая честность неумолимо указывала ему на полное отсутствіе искрен-

ности въ данномъ стихотвореніи. Все оно, безусловно, сочинено. Это какъ бы произведеніе на заданную тему: „Ива“. При воспоминаніи объ этомъ деревѣ въ умѣ возникаютъ прежде всего шекспировскіе образы: Дездемоны, пѣвшей „иву, зеленую иву“, и Офеліи, плывущей въ вѣнкѣ по ручью между зарослями ивовыхъ кустовъ, но поэту образовъ этихъ было мало, и онъ несомнѣнно удачно завершилъ ихъ носившимся въ воображеніи его видѣніемъ Наполеоновой могилы. Явно, насколько Наполеонъ притянутъ тутъ, такъ сказать, за волосы; и, конечно, подъ прямымъ влияніемъ лермонтовской „Вѣтки Палестины“ упомянуть здѣсь небывалый „листочекъ ивы“. И вѣтка изъ Иерусалима, и листокъ съ могилы Наполеона „принесены странниками“: одна „набожной рукою“ занесена въ нашъ край, другой „у сердца бережно хранимъ“. Но чутье Фета въ послѣдствіи показало ему холодную фальшь его юношескихъ стиховъ, тогда какъ „Ивы и березы“, произведеніе зрѣлой тридцатилѣтней Музы, являются подлиннымъ переживаніемъ, а слѣдовательно и подлиннымъ созданіемъ искусства.

1910.

II.

Любовь въ жизни и поэзи Фета.

Вскорѣ послѣ окончанія Московскаго университета по словесному факультету (1844), Фетъ поступилъ на военную службу юнкеромъ въ кирасирскій, нынѣ драгунскій, Военнаго Ордена полкъ. Официальное прикомандированіе его къ полку состоялось 21 Апрѣля 1845 года.

Въ то время Фетъ имѣлъ уже настолько значительное литературное имя, что привелъ въ немалое изумленіе адъютанта дивизионнаго штаба, когда послѣдній на вопросъ: „не родственникъ ли онъ тому Фету, чье имя такъ часто встрѣчается на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“? узналъ, что этотъ самый поэтъ находится перedy нимъ въ качествѣ поступающаго на службу юнкера.

Семилѣтнее пребываніе Фета въ полку, расположенномъ въ Новороссіи, въ Херсонскомъ военномъ округѣ, описано имъ очень подробно въ книгѣ „Ранніе годы моей жизни“. Время въ общемъ шло крайне однообразно, въ глухихъ южныхъ мѣстечкахъ и городахъ; товарищи поэта не являли собой ничего особеннаго; впрочемъ, большинство ихъ были люди добрые, и въ воспоминаніяхъ Фетъ отзывается о нихъ сочувственно. Со строгою систематичностью, отличавшей его во всю жизнь, Фетъ засаживается за изученіе военнаго

устава, ревностно занимается фронтовой службой и 14 Марта 1846 года производится въ корнеты. Офицерская его жизнь продолжается идти все тѣмъ же размѣреннымъ и скучноватымъ ходомъ, разнообразясь охотой, товарищескими попойками да изрѣдка пирами у окрестныхъ помѣщиковъ, подъ громъ полковыхъ трубачей. Поѣздки въ сосѣднія семейства, точно также подробно описанная въ „Раннихъ годахъ моей жизни“, вносили главный интересъ въ захолустную жизнь армейскихъ офицеровъ. Именно благодаря имъ, молодой Фетъ завязалъ знакомство съ двумя женщинами, оставившими неизгладимый слѣдъ въ его жизни и поэзїи. Женщины эти — Александра Львовна Бржеская и Елена Петковичъ, выведенная въ „Раннихъ годахъ“ подъ вымышленнымъ именемъ Елены Лариной.

Такъ какъ, по весьма понятнымъ причинамъ, Фетъ не могъ изображать въ своихъ „Воспоминанїяхъ“ нѣкоторыя событїя какъ происходили они въ дѣйствительности (хотя бы уже потому, что Бржеская, напримѣръ, пережила его нѣсколькими годами), то намъ въ основаніе дальнѣйшаго разсказа приходится положить матеріаль рукописнаго и устнаго характера, собранный за послѣднія десять лѣтъ и дающій возможность освѣтить важныя въ жизни Фета событїя его молодыхъ годовъ болѣе или менѣе вѣрно.

По производствѣ въ офицеры, Фетъ не захотѣлъ продолжать фронтовую службу, и прикомандировался въ полковой штабъ, гдѣ получилъ впоследствии должность адъютанта. Должность эта позволяла ему чаще обыкновеннаго отлучаться изъ канцелярїи, посвящая досугъ охотѣ или поѣздкамъ въ гости. Къ этой эпохѣ и надо отнести сближеніе его съ супругами Бржескими, хотя впервые онъ познакомился съ ними еще юнкеромъ на балу у уѣзднаго предводителя дворянства. Эта первая встрѣча такъ описывается въ „Раннихъ годахъ“:

„Когда эта пара передъ обѣдомъ входила въ гостиную, по всѣмъ угламъ шептали: „Бржескіе, Бржескіе“. И, дѣйствительно, стоило того. Отставной поручикъ Ал. Фед. Бржескій съ выщипавшимися по плечамъ русыми волосами и выхоленными усами могъ по справедливости быть названъ красивымъ мужчиной, но темнорусая и голубоглазая жена его, средняго роста, кидалась въ глаза своею несравненною красотой“.

Въ воспоминанїяхъ Фета мы не найдемъ и тѣни намека на отношенїя, дѣйствительно существовавшїя между нимъ и Александрой Львовной; повидимому, все ограничивалось одной простой дружбой. Первое стихотвореніе, посвященное Фетомъ Бржеской, относится къ тому же 1846 году и представляетъ собою свѣтски-любезный мадригалъ обоимъ супругамъ.

Бржесскимъ при полученіи цвѣтовъ и нотъ.

Откуда вдругъ въ смиренный уголь мой
Двойкой роскоши избытокъ,
Прекрасный даръ, неожиданный и двойной, —
Цвѣты и пѣсни дивной свитокъ?

Мой жадный взоръ къ чертамъ его приникъ,
Внемлю живительному звуку
И узнаю подъ бархатомъ гвоздикъ
Благоухающую руку.

Повидимому, А. Л. Бржеская была женщина, привыкшая и любившая блистать въ обществѣ и быть окруженной поклонниками. Трудно судить, насколько искренно любила она Фета, ухаживанье котораго не могло ей не льстить; но его чувство къ ней, рѣдко выражаясь непосредственно созданными стихами, всплывало постепенно и отразилось въ „Вечернихъ Огняхъ“, пройдя черезъ очистительное горнило времени.

Глубокимъ старикомъ Фетъ возобновилъ переписку съ Бржеской, впавшей къ тому времени въ крайнюю бѣдность, и пригласилъ ее поселиться у него въ домѣ. Поэтъ не принялъ въ соображеніе разрушительнаго закона времени, въ силу котораго въ домъ его взошла не прежняя великолѣпная красавица, а хилая, измученная жизнью старуха. Вернуть прошлое оказалось невозможнымъ и бывшіе друзья вскорѣ разстались. Трогательны стихотворенія, посвященные этой послѣдней встрѣчѣ: „Мы встрѣтились вновь послѣ долгой разлуки“, „Еслибъ въ сердцѣ тебя я не грѣлъ, не ласкалъ“, „Кровию сердца пишу я тебѣ эти строки“ и едва ли не лучшее изъ всѣхъ по красотѣ и задушевности тона:

Руку бы снова твою мнѣ хотѣлось пожать!
Прежняго счастья, конечно, уже не видать,
Но и подъ старость отрадно очами недуга
Вновь увидеть неизмѣнно-прекраснаго друга.

Въ голой аллеѣ, гдѣ листь подъ ногами шумить,
Какъ-то пугливо и сладостно сердце щемить,
Если стопамъ попирать довелось устало
То, что когда-то такъ много блаженства скрывало.

Поэтъ сравниваетъ старую пережитую любовь съ облетѣвшей листвою, скрывавшей когда-то много цвѣтущаго блаженства. Ровно сорокъ лѣтъ до того онъ вписалъ въ альбомъ Бржеской слѣдующее стихотвореніе, не вошедшее въ собраніе его стиховъ:

Весеннихъ чувствъ не должно вспоминать,
Когда весна одѣнеть вновь березу.
А вы, а вы, Богъ съ вами, вы опять
Напомнили мнѣ соловья и розу.

Что въ прошломъ намъ тревожить робкій умъ,
Въ грядущемъ насъ встрѣчаетъ, какъ родное,
И свѣтлый рядъ новорожденныхъ думъ
Встаетъ изъ мглы, какъ пламя зарево.

Прекрасному поклонится поэтъ
И убѣжить ненужная угроза.
Въ прекрасномъ все — разъединенья нѣтъ
И въ васъ одной и соловей и роза

По словамъ Н. Н. Страхова, жизнь Фета была богата успѣхами въ любви. Но любовь эта въ поэзиі его носить своеобразный, совсѣмъ особый характеръ. Это не безпредметный, съ мистическимъ оттѣнкомъ, платонизмъ и не узко-направленное исканіе грубыхъ наслажденій. Страсть въ поэзиі Фета овѣяна дымкой легкаго самообмана, нѣкотораго умышленнаго закрыванія глазъ не на жизнь, а на низшія, низменныя стороны, и въ то же время въ ней ясно чувствуется необъятное могущество любви, двигающей горами. Лучше всего мы поймемъ поэта, прочитавъ слѣдующее стихотвореніе (пятидесятихъ годовъ):

Въ темнотѣ на треножникѣ яркомъ
Мать варила черешни вдали.
Мы съ тобой отворили калитку
И по темной аллеѣ пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтобъ въ помыслѣ смѣломъ
Ты меня упрекнуть не могла.

Какъ-то странно мы оба молчали
И страннѣй сторонились прочь.
Говорила за насъ и дышала
Намъ въ лицо благовонная ночь.

Вдумаемся въ это стихотвореніе, написанное уже тридцатипятилѣтнимъ Фетомъ. Кто эта неизвѣстная „она“? Какая-нибудь провинціальная дѣвушка изъ тургеневскихъ героинь, Лиза или Наталья; дѣло происходитъ въ усадьбѣ, въ саду, позднимъ вечеромъ; мать дѣвушки варитъ варенье изъ черешень. Влюбленные идутъ вдвоемъ по темной аллеѣ. Новѣйшіе поэты приучили насъ къ преувеличенной

смѣлости словъ и тѣлодвиженій; обстановка казалось бы, самая подходящая для этого, — что же нашъ поэтъ?, „Шли мы розно... Я боялся, чтобъ въ помыслѣ смѣломъ ты меня упрекнуть не могла“. Больше всего боялся поэтъ, конечно, людскихъ словъ, о которыхъ самъ говорилъ позднѣе:

Людскія такъ грубы слова:
Ихъ даже нашептывать стыдно

Безсознательно ощущала ту же боязнь и дѣвушка, сторонившаяся прочь, но обоими равно сознавалась сила мгновенья, и все было безъ словъ понятно, потому что

Говорила за нихъ и дышала
Имъ въ лицо благовонная ночь.

Таково, въ наше время утраченное почти безвозвратно, серафическое переживаніе любви.

Трагическимъ моментомъ жизни Фета является встрѣча его съ Еленой Лариной. Чтобы понять вполнѣ сущность этого романа, мы должны обратить вниманіе на слѣдующія слова самого Фета въ „Раннихъ годахъ моей жизни“:

„Въ тѣ времена я не подвергалъ еще систематическому обобщенію своихъ врожденныхъ побужденій; но не сознавая разумомъ должнаго, истинно чувствовалъ, что не должно. Меня привлекало общество прелестныхъ женщинъ; но я чужалъ границу, которую я при сближеніи съ ними не долженъ былъ переступать. Разница большая смущать душевное спокойствіе неопытной дѣвочки или искать сближенія съ женщиной, которой общество находишь обворожительнымъ. И въ то же время я ясно понималъ, что жениться офицеру, получающему 300 руб. изъ дому, на дѣвушкѣ безъ состоянія, значитъ необдуманно или недобросовѣстно брать на себя клятвенное обѣщаніе, котораго не въ состояніи выполнить“.

Слова эти, написанныя какъ-будто вскользь, безъ всякой, по видимому, опредѣленной цѣли, заключаютъ въ себѣ косвенную попытку Фета оправдать себя. Когда ему пришлось въ 1848 году познакомиться впервые съ Еленой Петковичъ (Лариной), это была дѣвушка уже не первой молодости, превосходно знавшая и любившая музыку. Стройная, высокаго роста, она отличалась, какъ вспоминаетъ Фетъ, необычайною роскошною черныхъ съ сизымъ отливомъ волосъ. Любовь къ музыкѣ послужила связующимъ звеномъ между ею и Фетомъ, пѣвавшимъ нерѣдко романсы подъ ея аккомпаниментъ. Въ воспоминаніяхъ поэтъ отмѣчаетъ рѣдкую чуткость Елены къ поэзіи; музыкальныя же ея способности были таковы, что знамени-

тый пианистъ Ф. Листъ, будучи по случаю Высочайшаго смотра въ Елисаветградѣ, написалъ въ альбомѣ Еленѣ прощальную музыкальную фразу необыкновенной, задушевной красоты; фраза эта вдохновила Фета написать извѣстное стихотвореніе „Какіе-то носятся звуки“.

Приведенная выше цитата изъ „Раннихъ годовъ“ указываетъ, насколько Фетъ считалъ бракъ невозможнымъ для себя, но хотя онъ и говоритъ далѣе, что Елена съ нимъ въ этомъ соглашалась, надо думать, однако, что на самомъ дѣлѣ бракъ съ Фетомъ былъ ея желанной мечтою. Встрѣчи молодыхъ людей и свиданія ихъ все учащались, въ разговорахъ они засиживались за полночь, но съ точностью установить время, когда отношенія влюбленныхъ перешли границу дозволеннаго, трудно. Тѣмъ не менѣе, когда при началѣ Венгерской кампаніи (1849 г.) Орденскому полку пришлось выступить въ походъ, Фетъ, не простившись съ Еленой, отправился къ мѣсту назначенія, то есть, къ австрійской границѣ. Въ Новомиргородѣ, гдѣ полкъ остановился въ ожиданіи новаго приказа, произошло тяжелое объясненіе между Фетомъ и теткой Елены, въ домѣ которой послѣдняя жила. Воспроизведенное въ „Раннихъ годахъ“, объясненіе это трудно признать вполне достовѣрнымъ, даже при условіи полной искренности автора, такъ какъ длинные разговоры, разумѣется, не могли удержаться въ его памяти черезъ сорокъ пять лѣтъ.

Въ 1850 году Елена сгорѣла заживо, будто бы отъ нечаянно брошенной на лѣтнее кисейное платье спички, и въ страшныхъ страданіяхъ скончалась. Свидѣтельства современниковъ положительно указываютъ на самоубійство. Такъ Фетъ, по собственнымъ его словамъ, принесъ на трезвый алтарь жизни самыя задушевные свои стремленія и чувства.

Къ Еленѣ Ларинной относятся нѣсколько стихотвореній какъ молодого періода, такъ и поры „Вечернихъ Огней“. Нѣкоторыя напечатаны въ малоизвѣстномъ и ставшемъ библиографическою рѣдкостью журналѣ „Репертуаръ и Пантеонъ“ Э. А. Кони (1849 и 1850 гг.). Изъ старческихъ стихотвореній замѣчательно особенно одно, написанное въ 1884 году и обращенное къ старымъ письмамъ Елены:

Страницы милыя опять персты раскрыли, —
Я снова умиленъ и трепетать готовъ,
Чтобъ вѣтеръ иль рука чужая не сронили
Засохшихъ, одному мнѣ вѣдомыхъ, цвѣтовъ.

О, какъ ничтожно все! Отъ жертвы жизни цѣлой,
Отъ этихъ пылкихъ жертвъ и подвиговъ святыхъ —
Лишь тайная тоска въ душѣ осиротѣлой,
Да тѣни блѣдныя у лепестковъ сухихъ.

Но ими дорожить мое воспоминанье;
Безъ нихъ все прошлое — одинъ жестокий бредъ,
Безъ нихъ — одинъ укоръ, безъ нихъ — одно терзанье,
И нѣтъ прощенья, и примиренья нѣтъ!

Таковъ послѣдній умирающій аккордъ несчастной любви поэта.

1911

III.

Ф Е Т Ъ - П Р О З А Н К Ъ .

Въ прозѣ, кромѣ нѣсколькихъ литературныхъ и политическихъ статей да трехъ томовъ воспоминаній, Фетъ оставилъ намъ шесть рассказовъ, не переизданныхъ до сихъ поръ. Въ хронологическомъ порядкѣ они располагаются такъ: „Каленикъ“, „Дядюшка и двоюродный братецъ“, „Семейство Гольцъ“, „Не тѣ“, „Кактусъ“ и „Вигъ моды“. При чтеніи фетовскихъ рассказовъ невольно приходятъ на память слова Тургенева, сказанныя имъ послѣ того, какъ онъ выслушалъ небольшую комедию Фета, оставшуюся намъ неизвѣстной и, вѣроятно, впоследствии уничтоженную авторомъ:

— Не пишите ничего драматическаго. Въ васъ этой жилки совершенно нѣтъ.

— „Сколько разъ послѣ того — добавляетъ Фетъ — приходилось мнѣ вспоминать это важное замѣчаніе. Но и нынѣ, положи руку на сердце, я готовъ прибавить: ни драматической, ни эпической“¹⁾.

Того, что называется выдумкой, фабулой, завязкой, составляющихъ необходимую принадлежность всякаго эпическаго повѣствованія, въ прозѣ Фета было бы напрасно искать. Онъ ничего не въ состояніи придумать или изобразить, и все, что онъ пишетъ, есть лишь описаніе или размышленіе безъ малѣйшаго признака дѣйствія. Какъ лѣтописецъ, Фетъ можетъ рассказать только о томъ, что въ дѣйствительности съ нимъ когда-то было; даже вести рассказъ онъ не умѣетъ иначе, какъ отъ перваго лица: словомъ, лирикъ и въ эпосѣ остается лирикомъ.

Первый по времени рассказъ Фета „Каленикъ“ („Отечественныя Записки“ 1854, № 3), начинается слѣдующей характерною тирадой:

„Всѣ науки, всѣ искусства стремятся къ одной цѣли — постигнуть природу, разгадать ея отрывочныя явленія и привести ихъ въ духъ нашемъ, такъ сказать, къ одному знаменателю; а между тѣмъ изслѣдователи, положи руку на сердце, должны признаться, что въ объясненіяхъ своихъ они говорятъ только слова и слова, а природа все-таки — древняя Изида. Да зачѣмъ

¹⁾ А. Фетъ. Мои воспоминанія. 1848 — 1889. Часть 1, стр. 7. Москва, 1890.

намъ ходить такъ далеко, разсматривать окружающій насъ мѣръ? Тамъ бездна. Загляните въ себя: что такое мысль? какой это свосравный, неуловимый дѣятель; а между тѣмъ у ней есть своя, строгая, беспощадная логика, сокровенная, загадочная, какъ самая мысль, независящая отъ нашей воли, и потому неизбѣжная, какъ судьба*.

Герой разсказа, деньщикъ Каленикъ, остановилъ на себѣ вниманіе Фета тѣмъ, что, не имѣя никакихъ твердыхъ убѣжденій, а одинъ инстинктъ, какимъ-то высшимъ чутьемъ приходилъ къ знанію всего, то есть къ мудрости. „Убѣжденіе — говорить Феть — предполагаетъ анализъ, а мудрость давалась ему синтетически. Онъ только непостижимымъ чутьемъ угадывалъ кратчайшій путь къ истинѣ, не зная и нисколько не заботясь о томъ, дойдетъ ли онъ до нея“. Въ Каленикъ это непостижимое чутье соединено съ дальнозоркостью и смѣлостью первобытнаго человѣка: онъ знаетъ безошибочно, что сейчасъ начнется гроза, инстинктивно переѣзжаетъ по тающему льду черезъ глубокую рѣчку, находитъ сигарочницу, оброненную его бариномъ на ученьи въ необозримой Новороссійской степи. Ночью, въ минуту дѣйствительной опасности, онъ отвѣчалъ на все своимъ обычнымъ хихиканьемъ. „Тутъ я въ первый разъ понялъ — говорить Феть — что у него нѣтъ убѣжденія. Одно чутье, одинъ геній — и больше ничего“. Небольшой по размѣрамъ разсказъ кончается опять глубоко характерными для Фета словами: „Но, увы! наши способности развиваются всегда одиѣ на счетъ другихъ. И Каленикъ подвергся общему закону развитія. Онъ положительно зналъ уже, что такое пепероски, находилъ у лошадей хвиптазію, утверждалъ, что морды у нихъ оттого искусаны, что онѣ въ стойлахъ по ночамъ заводятъ канитель, и, наконецъ, торжественно пришелъ просить, чтобъ ему сшили плисовую поддевку. — Вѣроятно, вслѣдствіе образованія, онъ уже считалъ для себя неприличнымъ отвѣчать на вопросы о погодѣ, а я подозреваю, что онъ совершенно утратилъ свое второе зрѣніе и вошелъ въ чреду обыкновенныхъ людей, о которыхъ говорить болѣе нечего“.

„Каленикъ“ есть какъ бы микрокосмъ міросозерцанія Фета въ его основныхъ началахъ, къ которымъ позднѣйшее изученіе Шопенгауэра явилось лишь коррективомъ ¹⁾.

¹⁾ „Каленикъ“ напечатанъ съ посвященіемъ „И. П. Борису“ . Иванъ Петровичъ Борисовъ (ум. 1871 г.), родственникъ и близкій другъ Фета, былъ женатъ на сестрѣ его Надеждѣ Аѳанасьевнѣ и имѣлъ сына Петра (Петя Борисовъ, любимый племянникъ Фета; ему посвященъ переводъ первой части „Фауста“), въ концѣ восьмидесятихъ годовъ умершаго въ домѣ умалишенныхъ. По поводу „Каленика“ И. П. Борисовъ 3 іюня 1854 г. писалъ Фету изъ лагеря на Ценнсъ-Цхалъ: „Я люблю безгранично предаваться прошлому, когда въ немъ видится твоя физика“.

Въ Октябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1855 годъ появился второй разсказъ Фета: „Дядюшка и двоюродный братецъ“, чрезвычайно цѣнный по своему автобіографическому значенію. Кое-что изъ описаннаго здѣсь всплыло впослѣдствіи въ „Раннихъ годахъ моей жизни“, напримѣръ, фигуры домашнихъ учителей и горничной Аннушки, отца и тетки Любови Неофитовны Шеншиной (въ разсказѣ она названа Вѣрой Петровной Шаковой, а имѣніе ея село Пальчиково — селомъ Мизинцевымъ). Въ разсказѣ разныя семейныя подробности и воспоминанія гораздо свѣжѣе, жизненнѣе и, несомнѣнно, вѣрнѣе, чѣмъ въ „Раннихъ годахъ моей жизни“, гдѣ для утомленнаго жизнью семидесятилѣтняго старика всѣ впечатлѣнія дѣтства успѣли слиться въ сѣрую однообразную ленту давно минувшихъ событій, уже ставшихъ чуждыми сердцу. Здѣсь разсказъ молодого тридцатипятилѣтняго человѣка объ эпохѣ, ему еще очень близкой. Будущій біографъ Фета много почерпнетъ изъ „Дядюшки и двоюроднаго брата“. Фетъ разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ, этой наименѣе извѣстной намъ порѣ своей жизни.

„Говорять, дѣтство самое блаженное время. Для меня оно было исполнено грозныхъ, томительныхъ призраковъ, окружавшихъ такую же тяжелую дѣйствительность. Единственная моя отрада въ грустныхъ воспоминающихъ дѣтства — сознаніе, пріобрѣтенное впослѣдствіи, что меня воспитывали не просто, а по системѣ! Когда матушка, бывало, прикажетъ лѣтомъ выносить на солнце отцовское платье и растворить въ кабинетѣ шкапъ, то я, разсматривая мамонтовъ зубъ, раковины и янтари на нижней полкѣ, находилъ на второй, между старыми нумерами „Вѣстника Европы“, всѣ сочиненія Ж. Ж. Руссо и, кромѣ того, „Эмиля“ на французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. — Вслѣдствіе этой системы, до шести лѣтъ мнѣ не давали мяса, а до совершенной перемѣны зубовъ — ничего въ чемъ заключалась хоть малѣйшая частица сахару. Батюшка, замѣтивъ нѣсколько разъ, какъ я, за обѣдомъ, прислонялся къ спинкѣ стула, приказалъ Ивану столяру отпилить эту спинку и навести лакъ на отпиленныхъ мѣстахъ“.

Въ словахъ этихъ слышится запоздалая глухая обида и горькая иронія человѣка, вынужденнаго впослѣдствіи носить чужую фамилію и мучительно сознавать свою оторванность отъ родной семьи. О первыхъ урокахъ Фетъ вспоминаетъ такъ:

„Я любилъ слушать, когда матушка съ увлеченіемъ разсказывала о воспитаніи и подвигахъ Кира, объ уваженіи Александра къ своему учителю, о мученической смерти добродѣтельнаго Сократа. Изъ уроковъ Василья Васильевича помнилъ я только, что какіе-то народы съ шумомъ и яростью устремлялись куда-то“.

Любопытно, что начало разсказа написано въ чисто-лермонтовской манерѣ, подтверждающей яркое увлеченіе „Героемъ нашего времени“, о которомъ Фетъ разсказываетъ въ „Раннихъ годахъ моей

жизни". Самое повѣствованіе ведется отъ вымышленнаго имени штабъ-ротмистра Ковалева: записки его послѣ смерти автора достались Фету такъ же, какъ Лермонтову дневникъ Печорина 1).

"Каленикъ" и "Дядюшка и двоюродный братецъ" были написаны въ цвѣтущую молодую пору жизни Фета, когда, перейдя въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ и проживая въ Петербургѣ, онъ вступилъ въ кружокъ "Современника" и близко сошелся съ Тургеневымъ и Львомъ Толстымъ. Это было время полного признанія его таланта и успѣховъ въ литературѣ и жизни. Теперь въ беллетристической дѣятельности его наступаетъ перерывъ; въ прозѣ онъ пишетъ только "Письма изъ деревни" да нѣсколько статей и лишь черезъ пятнадцать лѣтъ, въ 1870 году, печатаетъ въ "Русскомъ Вѣстникѣ" третій свой рассказъ "Семейство Гольцъ" (№ 9), повѣствующій о судьбѣ нѣкоего спившагося съ круга военнаго ветеринара Гольца, его жены и дѣтей. Дѣйствіе происходитъ въ Новороссіи, въ кирасирскомъ Орденскомъ полку, гдѣ самъ Фетъ былъ въ то время адъютантомъ, слѣдовательно, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. Несомнѣнно, что Гольцъ и его семейство существовали въ дѣйствительности, какъ и Каленикъ, и Фетъ мало что измѣнилъ въ нихъ; доктору же Иринарху Ивановичу Богоявленскому приданы черты извѣстнаго переводчика Диккенса, литератора и педагога 40-хъ — 50-хъ годовъ, Иринарха Ивановича Введенскаго, бывшаго когда-то товарищемъ Фета по университету и сожителемъ по дому Погодина, гдѣ нашъ поэтъ провел свои первые Московскіе годы. Характеристика Введенскаго находится въ "Раннихъ годахъ моей жизни" 2).

Въ 1874 году, въ "Русскомъ Вѣстникѣ" (№ 4) появился коротенькій рассказъ "Не тѣ". Это эпизодъ, вошедшій позже почти

1) Вотъ начало "Дядюшки и двоюроднаго брата":

"Мазурка приходила къ концу. Люстры горѣли уже не такъ ярко. Многія прически порастрепались, букеты увяли, даже терпѣливыя камелии видимо потускнѣли. Адъютантъ, танцовавшій въ первой парѣ, объявилъ, что это послѣдняя фигура.

— Посмотрите, какъ веселье Ковалевъ, сказала моя дама, обращаясь ко мнѣ: — какъ ловко онъ несется съ С...вой. Сейчасъ видно, что онъ счастливъ. И точно, она прехорошенькая!

Я кивнулъ головой въ знакъ согласія".

Вліяніе Лермонтова на Фета объясняется крайнимъ несходствомъ ихъ натуръ. Лермонтовскій мрачный демонизмъ являлся притягивающимъ соблазномъ для серафически-жизнелюбиваго Фета.

2) 21 февраля 1870 г. гр. Л. Н. Толстой писалъ Фету о "Семействѣ Гольцъ": "Я, уѣзжая отъ васъ, забылъ вамъ сказать еще разъ, что вашъ рассказъ по содержанию своему очень хорошъ, и что жалко будетъ, если вы бросите его, или отдадите печатать кое-какъ, и что онъ стоитъ того, чтобы имъ заняться, ибо содержаніе серьезное и поэтическое; и что если вы можете

цѣликомъ въ „Ранніе годы моей жизни“. Фетъ вспоминаетъ Высочайшій смотръ въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Елисаветградѣ, когда по командѣ: „линейные унтеръ-офицеры къ Государю Императору“, Фетъ, по должности адъютанта, со своими унтеръ-офицерами подскочилъ къ Николаю Павловичу и услышалъ отъ него отвѣтъ: „не тѣ! На свои мѣста“.

Оба эти разсказа изъ военной жизни наименѣе интересны: сухое изложеніе фактовъ не освѣщено въ нихъ оригинально-фетовскими теоріями.

„Кактусъ“, напечатанный въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1881 года (№ 11), можно назвать лучшимъ разсказомъ шестидесятилѣтняго уже поэта. Въ „Каленикѣ“ Фетъ инстинктивное чутье противопоставляетъ убѣжденію, въ „Кактусѣ“ онъ музыку сближаетъ съ любовью. Самое опредѣленіе любви высказывается такъ: „Не стѣсняясь никакими въ мірѣ книжками, скажу вамъ: любовь — это самый произвольный, а потому самый искренній и обширный діапазонъ жизненныхъ силъ индивидуума, начиная отъ васъ и до этого прелестнаго кактуса, который теперь въ этомъ діапазонѣ. — Если искусство вообще недалеко отъ любви (эроса), то музыка, какъ самое между искусствами непосредственное, къ ней всѣхъ ближе“. Начало „Кактуса“ настолько характерно для Фета, до того выставляетъ напоказъ существеннѣйшія стороны его прозы, что можетъ считаться ея удачнѣйшимъ образцомъ:

„Несмотря на ясный іюльскій день и сѣнной запахъ со скошеннаго луга я, принимая хининъ, боялся обѣдать въ цвѣтникѣ подъ елками, — и накрыли въ столовой. Кромѣ трехъ человѣкъ небольшой семьи, за столомъ сидѣлъ молодой мой пріятель Ивановъ, страстный любитель цвѣтовъ и растений, да очень молодая гостья.

написать такія сцены, какъ старушка съ поджатыми локтями и дѣвушка, то и все вы можете обдѣлать соотвѣтственно этому... Добывайте золото просѣваніемъ. Просто сядьте и весь разсказъ сначала перепишите, критикуя сами себя, и тогда дайте мнѣ прочесть“.

Вотъ эти „сцены“, о которыхъ говоритъ Толстой.

„Крайняя худощавость старушки, рѣзко обозначенная узкимъ, вопреки тогдашней модѣ, платьемъ, эти конвульсивно сѣпнвшіяся на колѣняхъ руки, эти туго прижатые къ тѣлу локти, эта напряженная неподвижность всей фигуры и тускло-сѣрыхъ глазъ ясно говорили: „что жъ это я такъ широко разсѣлась, нельзя ли мнѣ какъ-нибудь подобраться, втянуться внутрь; зачѣмъ я здѣсь и зачѣмъ я вообще гдѣ-нибудь?“.

„Дѣвушка было на видъ отъ 14 до 15 лѣтъ. Она была еще совершенное дитя, но какое чистое, безъискусственное и граціозное дитя. Какъ шло это бѣлое кисейное платье безъ всякихъ украшеній, кромѣ пояса, къ дѣвственному очерку ея лица и шеи. Тонкія, на концахъ загнутыя вверхъ и густыя стрѣлки рѣсницъ, придавали своею тѣнью глазамъ ея таинственную глубину. — Всю головку дѣвушки окружалъ какой-то свѣтящійся нимбъ, и мнѣ никогда не случилось видѣть такого живаго воплощенія перуджиновскаго идеала“.

Еще утромъ, проходя чрезъ билліардную, я замѣтилъ, что единственный бутонъ блага кактуса (*cactus grandiflora*), цвѣтущаго разъ въ годъ, готовится къ разцвѣту.

— Сегодня въ шесть часовъ вечера, сказалъ я домашнимъ, — нашъ кактусъ начнетъ распускаться. Если мы хотимъ наблюдать за его разцвѣтомъ, кончающимся увяданіемъ пополуночи, то надо его снести въ столовую.

При концѣ обѣда часы стали звонко выбивать шесть и, словно вторя дрожанію колокольчика, золотистые концы наружныхъ лепестковъ бутона начали тоже вздрагивать, привлекая наше вниманіе*.

Здѣсь все: и постоянное у Фета обиліе вводныхъ и придаточныхъ предложений, и постоянныя дѣепричастія, создающія расплывчатость формы (всѣ періоды оканчиваются удареніемъ на предположимомъ слогѣ, что тоже очень характерно для прозы Фета). До чего робко въ своихъ описаніяхъ Фетъ слѣдуетъ дѣйствительности, не умѣя и словно боясь рассказать что-нибудь придуманное, не бывшее на самомъ дѣлѣ! Въ цвѣтникѣ его имѣнія Воробьевки, точно, посажены елки; семья его состояла изъ трехъ человекъ: его самого, жены и племянника Борисова; даже Ивановъ и молодая гостья не сочинены: это управляющій имѣніями Фета А. И. Юсть и племянница жены поэта, г-жа Боткина ¹⁾.

¹⁾ Самый расцвѣтъ кактуса описывается такъ:

„Скоро раздалась цыганскія мелодіи, которыхъ власть надо мною все-ильна. Вниманіе всѣхъ было обращено на кактусъ. Его золотистые лепестки, вздрагивая то тамъ, то сямъ, начали принимать видъ лучей, въ центрѣ которыхъ бѣлая туника все шире раздвигала свои складки. Въ комнатѣ послышался запахъ ванили. Кактусъ завладѣвалъ нашимъ вниманіемъ, словно вынуждая насъ участвовать въ своемъ безмолвномъ торжествѣ; а цыганскія пѣсни капризными вздохами врывались въ нашу тишину.

Боже! думалось мнѣ, какая томительная жажда беззавѣтной преданности, безпредѣльной ласки слышится въ этихъ тоскующихъ напѣвахъ. Тоска вообще чувство мучительное; почему же именно эта тоска дышитъ такимъ счастьемъ? Эти звуки не приносятъ ни представленій, ни понятій; на ихъ трепетныхъ крыльяхъ несутся живыя идеи. И что, по правдѣ, даютъ намъ наши представленія и понятія? Одну враждебную погоню за неуловимою истинной. Развѣ самое твердое астрономическое понятіе о неизмѣнности луннаго діаметра можетъ заставить меня не видать, что луна разрослась на востокѣ? Развѣ философія, убѣждая меня что міръ только зло или только добро, или ни то, ни другое, властна заставить меня не содрогаться отъ прикосновенія безвреднаго, но гадкаго насѣкомаго или пресмыкающагося, или не слышать этихъ зовущихъ звуковъ и этого иѣжнаго аромата? Кто жаждетъ истины, ищи ее у художниковъ. Поэтъ говоритъ:

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Другой высказываетъ то же словами:

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу

И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу.

Этому по крайней мѣрѣ вѣрили въ сороковыхъ годахъ. Эти вѣрованія были общимъ достояніемъ.

Затѣмъ Фетъ рассказываетъ случай, бывший съ нимъ около 1855 года, когда его другъ, извѣстный критикъ и поэтъ Аполлонъ Григорьевъ, ѣздилъ съ нимъ слушать пѣніе московской цыганки Стеши. Неутѣшно тоскуя по возлюбленному, цыганка въ пѣніи выразила всю охватившую ее безнадежную страсть. Такъ Фетъ сближаетъ музыку съ любовью, утверждая, что Стеша „не могла бы пѣть такъ, не любя“ 1).

Склонность Фета описывать все, кажущееся лишнимъ и ненужнымъ къ дѣлу, особенно замѣтна въ послѣднемъ разсказѣ его „Видъ Моды“ („Нива“ 1889 года, № 1). Трудно даже назвать этотъ кусокъ прозы разсказомъ: это простое описаніе того, какъ Аванасій Аванасьевичъ и Марья Петровна Шеншины (въ разсказѣ — старосвѣтскіе помѣщики Аванасій Ивановичъ и Пулхерія Ивановна) ѣдутъ на своихъ лошадяхъ изъ Воробьевки во Мценскъ и по дорогѣ почувуютъ въ Орлѣ. Здѣсь цѣнны интересныя разсужденія и мысли Фета, въ самомъ же началѣ онъ описываетъ собственную наружность и привычки 2).

Вотъ и все прозаическое наслѣдство, оставленное намъ Фетомъ. Какъ ни безыскусственны эти эпическія дерзновенія великаго лирика, какъ ни наивно ихъ построеніе, безкостное, лишенное опредѣленной мѣры и формы, въ нихъ нельзя не цѣнить самобытной, присущей одному только Фету особенности мышленія, сложившейся за его долгую и прекрасную жизнь. Когда слышишь грязная волна современной пошлости, и Фета будутъ изучать, какъ теперь начинаютъ изучать Пушкина, къ разсказамъ его вернуться, будутъ искать

1) Въ качествѣ курьеза (къ сожалѣнію, далеко не забавнаго) не лишнее привести мнѣніе о „Кактусѣ“ Н. Михайловскаго: „Г. Фетъ вѣдь это „шопоть, робкое дыханье, трели соловья“, безглагольное стихотвореніе, безначальный конецъ, безконечное начало, словомъ, иѣчто архипозитическое, а слѣдовательно, и любовь онъ можетъ понимать только въ самомъ возвышенномъ смыслѣ. Ну, какъ тамъ у поэтовъ полагается: „фіалъ любви готовъ... и небеса небесъ разверзлись“. Что-нибудь въ этомъ родѣ“. Расписавшись въ своемъ невѣжествѣ, критикъ называетъ „Кактусъ“ дребеденью, а въ заключеніе подноситъ читателямъ апофеозъ пошлости, увѣряя, что цвѣтокъ кактуса есть вовсе не „храмъ любви“, а просто половой органъ“. (Полное собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго. Т. V. Изд. 7-е. Спб. 1908. Стр. 560—5).

2) „Въ глубинѣ коляски сидѣлъ, въ далеко не шегольской сѣрой шляпѣ съ широкими полями и въ свѣтлосѣрой накидкѣ, старикъ лѣтъ шестидесяти. Сѣдая окладистая борода его совершенно сливалась съ остальнымъ нарядомъ и только темнѣющіе усы и брови указывали, что когда-то онъ былъ темно-русый. Сильно подпудренные пылью, ничѣмъ не выдающіяся черты его лица выражали усталость и апатію, а небольшіе каріе глаза равнодушно смотрѣли на откидывающіяся въ обѣ стороны вѣрвь зеленѣющихъ хлѣбныхъ загоновъ. Тонкій наблюдатель могъ бы разсмотрѣть на этихъ усталыхъ глазахъ иѣкоторую вдумчивость и проблески нетерпѣнія“.

въ нихъ вѣрныхъ путей къ пониманію не только творчества, но и личности гениальнаго человѣка, неразрывно связаннаго со своей эпохой. Въ заключеніе приведемъ нѣсколько образовъ и уподобленій, наиболѣе ярко отгѣняющихъ художественную манеру Фета въ прозѣ.

„Тучи, заволакивая горизонтъ, темнымъ полушаромъ быстро надвигались на еще мерцающій вечеръ, какъ черный наличникъ опускается на свѣжее лицо молодого вонна“ („Каленикъ“).

„Свои любимыя слова: „Боже мой! Боже мой! ахъ какая каналья!“ онъ произноситъ такимъ гортаннымъ голосомъ, какъ будто щелкаетъ большой грецкій орѣхъ“ („Семейство Гольць“).

„Аполлонъ Григорьевъ собственно не пѣлъ, а какъ бы пунктиромъ обозначалъ музыкальный контуръ пѣсы“ („Кактусъ“).

„Оба голубя, распушившись, представляли два небольшихъ шара на коралловыхъ ножкахъ“ („Виѣ моды“).

Чисто-фетовскія слова: ристаніе, чреда, подсильный, насмѣливаться, пекучка (въ смыслѣ полуденной жары).

Таковъ прозаическій стиль Фета, единственный, ни на чей не похожій: можно узнать его съ первыхъ словъ. Сверстникъ и близкій пріятель Тургенева и Толстого, Фетъ ничего отъ нихъ не заимствовалъ и ни въ чемъ имъ не подражалъ. Онъ и тутъ своеобразенъ, какъ своеобразны его поэзія и жизнь.

1911

IV.

Кончина А. А. Фета.

Фетъ по природѣ былъ мудрецъ. Тѣ, кто изучали личность его и творчество, знаютъ, что вся жизнь великаго лирика построена была на основахъ „здраваго смысла“. Разумъ неизмѣнно освѣщаль жизненные пути поэта; по словамъ біографа его, Н. Н. Страхова, онъ „обладалъ энергіею и рѣшительностью, ставилъ себѣ ясныя цѣли и неуклонно къ нимъ стремился“. Цѣломудріе въ жизни было всегда завѣтной его мечтой. Въ сорокъ лѣтъ онъ уже вполне „обрѣлъ, чего давно алкалъ“:

Скрываясь отъ толпы безчинной,
Среди родныхъ полей и тѣнь я отыскалъ,
И уголокъ земли пустынной.

.....
Ни рѣзкій крикъ глупцовъ, ни подлый ихъ разгулъ
Сюда не досягнуть.

Такъ писалъ онъ Тургеневу о своемъ житіи въ пріобрѣтенной незадолго предъ тѣмъ Степановкѣ, въ 1864 году. Поэтъ сознавалъ,

насколько важна неприкосновенность душевной святости и, слѣдуя завѣтамъ своего кумира, Пушкина, хотѣлъ уберечь чистоту своей „сельской Музы“ отъ уличнаго любопытства. Это ему удалось исполнить. Въ тиши полей, вдали отъ грохота и суеты столицы, онъ на седьмомъ десяткѣ слагалъ „Вечерніе Огни“, это чудо мировой поэзии. Житейское цѣломудріе спасло его отъ нескромно-враждебныхъ взоровъ. Въ то время, какъ другъ его, графъ Л. Н. Толстой, послѣдніе годы проводилъ какъ бы подъ стеклянной крышей, на глазахъ всего міра, а распря наслѣдниковъ, едва успѣлъ остыть его трупъ, сдѣлалась тотчасъ же достояніемъ жадныхъ сплетенъ, — Фетъ жилъ и умеръ незамѣтно. Рѣдко о комъ изъ писателей послѣдняго времени извѣстно такъ мало, какъ о немъ. Самая смерть Фета, ея обстановка и причины остаются донинѣ глубокой тайной, хотя со дня его кончины скоро минетъ двадцать пять лѣтъ¹⁾.

23-го ноября 1892 года Фетъ готовился встрѣтить семьдесятъ второй годъ своей жизни²⁾. По общему свидѣтельству современниковъ, несмотря на постоянную, слишкомъ тридцатилѣтнюю одышку, усилившуюся съ годами, поэтъ былъ веселъ и бодръ, и рѣдко жаловался на нездоровье. Часто въ письмахъ и шуточныхъ стихахъ упоминаетъ онъ, что „слонъ“ или „домовой“ опять „наступилъ ему на грудь“: такъ называлъ Фетъ приступы своего мучительнаго удушья, но припадокъ проходилъ, и поэтъ возвращался вновь къ своимъ постояннымъ и дѣятельнымъ трудамъ. Попржнему переводилъ онъ римскихъ классиковъ, Персія и Овидія, и готовилъ къ печати вмѣстѣ съ пятымъ (не вышедшимъ) выпускомъ „Вечернихъ Огней“ новое полное изданіе своихъ стихотвореній³⁾. Стихи, написанные имъ въ 1892 году, въ благоуханности и свѣжести не уступаютъ

¹⁾ Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909 года (№ 1) покойный П. И. Бартеневъ, съ нашихъ словъ, весьма скудно и не полно сообщилъ краткое описаніе смерти Фета. Въ настоящей статьѣ мы даемъ болѣе обширныя свѣдѣнія, впервые собранныя нами устно отъ современниковъ и освѣдомленныхъ лицъ.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что день рожденія А. А. Фета не установленъ точно. Поэтъ праздновалъ его 23-го ноября, а между тѣмъ вотъ что читаемъ мы въ „Свидѣтельствѣ Орловской духовной консисторіи отъ 21-го января 1835 года, за № 277“: — „По метрической книгѣ Мценской округи села Успенскаго, что на Ядринѣ, за 1820 годъ, рожденіе его Аѳанасія, запискою значится такъ: сельца Новоселокъ у помѣщика ротмистра Аѳанасія Неофитова Шеншина, сынъ Аѳанасій родился того тысяча восемьсотъ двадцатаго года, Ноября дв а д ц а т ь д е в я т а г о, а крещенъ тридцатаго числа“. У насъ нѣтъ основаній не довѣрять церковной записи, но семейное преданіе, разумеется, достовѣрнѣй метрику, составлявшихся нерѣдко заднимъ числомъ.

³⁾ Это изданіе осуществилось въ 1894 году при участіи Великаго Князя Константина Константиновича и Н. Н. Стрхова.

прежнимъ: фетовскій геній сохранилъ свой первозданный блескъ до послѣдняго вздоха ¹⁾).

Усиленная работоспособность Фета, поражавшая свидѣтелей его послѣднихъ лѣтъ, вызывалась отчасти приступами старческой скуки; въ этомъ случаѣ переводы замѣняли ему грань-пасьянсъ, который онъ любилъ раскладывать. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ графъ Л. Н. Толстой спрашивалъ извѣстнаго бібліотекаря Московскаго Румянцовскаго Музея, „старца“ Н. Ѡ. Ѡедорова, что бы такое перевести Фету; и Ѡедоровъ совѣтовалъ переводить Монтэня. П. И. Чайковскій рассказываетъ, что все лѣто 1891 года Феть провелъ на балконѣ въ безпрестанныхъ переводахъ. Ѡ. Е. Коршу Феть какъ-то сказалъ, что ежели бы онъ не переводилъ римлянъ, то со скуки повѣсилъ бы на ламповомъ крюкѣ.

Хотя еще въ 1887 году, по разсказу очевидца, Феть иногда, во время занятій, вдругъ на мгновеніе засыпалъ, однако въ движеніяхъ его и походкѣ мало было типично-„старческаго“: приемы были порывисты и быстры, какъ всегда, и лѣтомъ 1892 года онъ, по обычаю, прямо изъ спальни „бѣжалъ“ къ кофейнику, а затѣмъ немедленно садился за работу. Послѣднее время самъ онъ писалъ вообще не много (письма и черновыя стиховъ), а преимущественно диктовалъ своей секретаршѣ г-жѣ Е. В. Ѡ. Казалось, ничто не предвѣщало близкой кончины, и только, ежели вѣрить примѣтамъ, одни розы пророчили смерть своему пѣвцу ²⁾).

Не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ образѣ жизни Фета и отмѣнить нѣкоторыя стороны его личности, не отмѣченные донинѣ.

Уже съ начала семидесятыхъ годовъ началось постепенное возрастаніе имущества А. А. Фета, какъ замѣчаетъ Н. Н. Страховъ, „достигшаго подъ конецъ той величины, которую можно назвать богатством“. Онъ владѣлъ тремя имѣніями, Воробьевкой, Ольховаткой и Грайворонкой и велъ чисто-помѣщичій образъ жизни, описанный отчасти имъ самимъ въ разсказѣ „Внѣ моды“ ³⁾. Въ Во-

¹⁾ Къ 1892 году, между прочимъ, относятся: „Не отнеси къ холодному безстрастью“, „Не могу я слышать этой птички“, „Разсыпаясь смѣхомъ ребенка“, „Когда, смущенный, умолкаю“, „Она ему образъ мгновенный“, „Ночь лазурная смотреть на скошенный лугъ“, „Барашковъ буря шлетъ своихъ“, „Тяжело въ ночной тиши“, „Дай-ка нянь ручки-крошки“, „Когда дыханье множить муки“.

²⁾ Весной 1892 года Феть писалъ изъ Воробьевки, что никогда розы въ его цвѣтницѣ не распускались такъ буйно. По народной примѣтѣ, пышный расцвѣтъ розъ сулитъ смерть.

³⁾ Нынѣ Воробьевка (Курской губерніи, Щигровскаго уѣзда) принадлежитъ П. Д. и С. Д. Боткиннмъ, а Ольховатка (той же губерніи и уѣзда) и Грайворонка (Воронежской губ., Землянскаго уѣзда) Ѡ. В. Галаховой.

робьевкѣ, гдѣ жилъ онъ каждое лѣто съ 1878 по 1892 годъ, среди живописной южной природы, гащивали у него подолгу Н. Н. Страховъ, Я. П. Полонскій и Вл. С. Соловьевъ. Фетъ былъ хорошии хозяинъ и хлѣбосоль: свои фрукты и особенную яблочную пастилу посылалъ онъ въ подарокъ не только друзьямъ и знакомымъ, но даже самому Императору Александру III. Зимой, въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Плющихѣ, поэтъ продолжалъ ту же своеобразную жизнь „въ моды“ и съ тѣмъ же хлѣбосольствомъ потчевалъ гостя свѣжей ботвиньей въ январѣ ¹⁾).

Въ разсказахъ современниковъ сохранились кое-какія странности и привычки Фета. Такъ, онъ не могъ считать деньги иначе, какъ наединѣ, не могъ жить въ комнатѣ съ двумя дверями, а непременно съ одной, и въ прекрасную лѣтнюю погоду любилъ сидѣть взаперти, за двойными рамами. Въ семьѣ Полонскихъ осталось воспоминаніе, какъ лѣтомъ 1890 года, когда въ Воробьевкѣ гостилъ съ женою и дѣтьми Я. П. Полонскій, Фетъ послѣ обѣда усаживался отдыхать въ маленькой гостиной. Здѣсь секретарша читала ему вслухъ, жена тѣмъ временемъ занималась рукодѣліемъ, а маленькая дворовая дѣвочка почесывала осторожно темя барину, пока онъ дремалъ. Подобныя странности, однако, нельзя принимать безъ оговорокъ. Вѣрнѣе всего думать, что въ послѣднемъ случаѣ Фету просто хотѣлось подразнить либеральнаго товарища крѣпостнической замашкой, замѣнивъ чесаніемъ головы классическое „чесанье пятокъ“.

Вообще, въ характерѣ Фета было упрямство, желаніе поставить на-своемъ, сказать и сдѣлать такъ, какъ хочется. Это то самое „замѣтное и прекрасное своеобразіе“, о которомъ говоритъ Н. Н. Страховъ и которое согласуется съ собственнымъ утвержденіемъ Фета, что всякій человекъ въ сорокъ лѣтъ имѣетъ право быть самодуромъ. Въ этой чертѣ весь Фетъ — вѣчно-юный старецъ, непостижимо умѣвшій разграничить возвышенное съ пошлымъ и поэтическое съ житейскимъ.

Для пророковъ нашего времени, взывающихъ неустанно съ книжной горы: „начнемъ же дѣлать!“ знаменательнымъ должно казаться то, что Фетъ всю свою жизнь чуждался отвлеченностей и книжныхъ теорій. Духъ его до того исполненъ былъ творческой, до-

¹⁾ Домъ, въ которомъ жилъ и умеръ Фетъ, по счастливой случайности, цѣль донынѣ, хотя въ 1911 году его зачѣмъ-то перекрасили и передѣлали наверху фронтонъ. Онъ двухъэтажный, деревянный, находится рядомъ съ Хамовнической аптекой. Никакой памятной доски или надписи на немъ не имѣется.

стигшей наивысшаго совершенства силы, что академическая условная мудрость не усваивалась имъ, становилась ненужной ¹⁾). Не умѣлъ и не любилъ онъ „говорить“, и въ Москвѣ восьмидесятихъ годовъ, въ столицѣ Поливановыхъ и Стороженокъ, въ городѣ клубскихъ спичей, ведущихъ родословную отъ Репетилова, и рѣчей Татьянина дня, всегда хранилъ неизмѣнное безмолвіе. Какъ истинный мудрецъ, зналъ онъ цѣну словамъ и молча дѣлалъ; намъ же осталось отъ него его „дѣло“ и „дѣйствіе“: чудные стихи, которыхъ онъ никогда не „сочинялъ“. „У меня такъ, — рассказывалъ онъ, — хожу и вдругъ является“ ²⁾...

Зато въ частной бесѣдѣ, въ дружескомъ кругу, рѣчи Фета блистали умомъ и остротой. Всѣ знавшіе его въ одинъ голосъ называютъ его „душой общества“, рѣдкимъ и увлекательнымъ рассказчикомъ. „Ему всегда нужна была дѣятельность“, — говоритъ Н. Н. Страховъ: — „онъ не любилъ безцѣльныхъ прогулокъ, не любилъ оставаться одинъ или молча погружаться въ книгу; когда же имѣлъ собесѣдниковъ, былъ неистощимъ въ рѣчахъ, исполненныхъ блеска и парадоксовъ“. Сохранился рассказъ, что когда Фетъ являлся въ контору Боткиныхъ, служащіе и приказчики обступали его тѣснымъ кольцомъ и слушали жадно. Для боткинскихъ приказчиковъ умъ Фета и знаніе имъ дѣйствительной жизни, видимо, были такъ же неотразимо увлекательны, какъ въ инныя минуты и при иной обстановкѣ для Соловьева и Страхова. Въ остроуміи Фетъ не уступалъ другому гениальному лирику, Тютчеву: къ сожалѣнію, слова его, какъ и тютчевскія, не записанныя во-время, пропали безслѣдно. Только выраженіе фетовской ироніи осталось навсегда на извѣст-

¹⁾ „Я задалъ вопросъ, который меня интересовалъ и раньше: что читалъ Фетъ? — „Французскіе романы, — отвѣчалъ Л. Н. (Толстой), иногда русскіе, а иной разъ и другую книжку возьметъ“ (В. Лазурскій. „Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ“. М. 1911. Стр. 94). Разумѣется, мѣрить талантъ начитанностью невозможно, и врядъ ли кто будетъ спорить, что абсолютная цѣнность ума важнѣе цѣнности поглощенныхъ памятью книгъ. Самъ Фетъ говорилъ:

Цѣня сердечнаго безумія полеть,
Я тѣмъ лишь дорожу, кто сразу все пойметъ,
И тройку, и свирѣль, и Гегеля, и суку,
И фризъ, и рококо кривую закорюку,
И лебедя въ огняхъ скатившагося дня, —
Ну, словомъ, чуткій умъ душъ моей родня.

(И. С. Тургеневу, 1864 г.).

Эту чуткость ума безмѣрное чтеніе нерѣдко губить.

²⁾ В. Лазурскій. „Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ“. М. 1911. Стр. 93.

номъ портретъ работы Рѣпина (1881 г.). Именно такое лицо, по словамъ его знавшихъ, бывало у Фета, когда приходилось ему выслушивать неумнаго собесѣдника,

Фетъ не имѣлъ дѣтей. Еще въ 1857 году женился онъ на Марьѣ Петровнѣ Боткиной, пережившей своего великаго супруга ровно на шестнадцать мѣсяцевъ. По свидѣтельству семьи Полонскаго, Марья Петровна обожала мужа, заботилась и пеклась о немъ неусыпно, какъ усердная нянька. Иногда Фетъ говаривалъ женѣ: „А знаешь, Марья Петровна, ты никогда не увидишь, какъ я умру“.

Осенью 1892 года Фетъ переѣхалъ изъ Воробьевки въ Москву въ началѣ октября. По прїѣздѣ, вскорѣ поѣхалъ онъ въ Хамовники, съ визитомъ къ графинѣ С. А. Толстой, простудился и заболѣлъ бронхитомъ. Врачъ А. А. Остроумовъ предписалъ больному сидѣть безвыходно дома. Силы поэта быстро стали падать. Первое время онъ развлекался раскладываньемъ пасьянсовъ, не прерывая и литературныхъ занятій (между прочимъ, переводилъ „Гамлета“), а позже только слѣдилъ, какъ при немъ раскладывали пасьянсы Марья Петровна и Е. В. Ѳ. Заботясь, чтобы послѣдняя не забыла французскаго языка, Фетъ по вечерамъ слушалъ въ ея чтеніи „Madame Bovary“ Флобера. Изъ гостей его посѣщали покойный критикъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ (Ю. Николаевъ) и художникъ Н. В. Досѣкинъ¹⁾. Слабость, между тѣмъ, усилилась до такой степени, что врачъ замѣтилъ однажды Марьѣ Петровнѣ о необходимости причастить больного. Марья Петровна отвѣтила, что Аванасій Аванасьевичъ не признаетъ никакихъ обрядовъ и что грѣхъ этотъ (остаться безъ причастія) она беретъ на себя²⁾.

Утромъ 21-го ноября больной, какъ всегда бывшій на ногахъ, неожиданно пожелалъ шампанскаго. На возраженіе жены, что докторъ этого не позволитъ, Фетъ настоялъ, чтобы Марья Петровна немедленно съѣздила къ доктору за разрѣшеніемъ. Пока торопились съ лошадьми, онъ не разъ спрашивалъ: скоро ли? и сказалъ уѣзжавшей Марьѣ Петровнѣ: „Ну, отправляйся же, мамочка, да возвращайся скорѣе“. Когда Марья Петровна уѣхала, Фетъ сказалъ секретаршѣ: „Пойдемте, я вамъ продиктую“. — Письмо? — спросила она. — „Нѣтъ“, и тогда съ его словъ г-жа Ѳ. написала сверху листа: „Не понимаю сознательнаго преумно-

¹⁾ Н. В. Досѣкину принадлежитъ превосходный бюстъ Фета (1892 г.) Ж. А. Полонская въ 1890 году также вылѣпила бюстъ и сдѣлала слѣпокъ правой руки поэта.

²⁾ Фетъ былъ убѣжденнымъ атеистомъ. Когда онъ бесѣдовалъ о религіи съ вѣрующимъ Полонскимъ, то порой доводилъ послѣдняго, по свидѣтельству его семьи, до слезъ.

женія неизбѣжныхъ страданій. Добровольно иду къ неизбѣжному“. Подъ этими строками онъ подписался собственноручно: 21-го Ноября. Фетъ (Шеншинъ ¹⁾).

На столѣ лежалъ стальной разрѣзальный ножикъ, въ видѣ стилета. Фетъ взялъ его, но встревоженная г-жа О. начала ножикъ вырывать, причѣмъ поранила себѣ руку. Тогда больной пустился быстро бѣжать по комнатамъ, преслѣдуемый г-жой О. Послѣдняя изъ всѣхъ силъ звонила, призывая на помощь, но никто не шелъ. Въ столовой, подбѣжавъ къ шифоньеркѣ, гдѣ хранились столовые ножи, Фетъ пытался тѣтно открыть дверцу, потомъ вдругъ, часто задышавъ, упалъ на стулъ со словомъ: „чортъ!“ Тутъ глаза его широко раскрылись, будто увидавъ что-то страшное; правая рука двинулась приподняться какъ бы для крестнаго знаменія, и тотчасъ же опустилась. Онъ умеръ въ полномъ сознаніи.

Такова исторія послѣднихъ дней и кончины Фета. Изъ нея съ несомнѣнностью явствуетъ одно, что нашъ поэтъ не былъ самоубійцей, хотя, какъ видно изъ предсмертной записки, имѣлъ твердое намѣреніе покончить съ собой изъ-за невыносимыхъ страданій. Въ этомъ намѣреніи ему помѣшала сама смерть.

На другой день, то есть 22-го ноября, въ № 324 „Московскихъ Вѣдомостей“ появилось слѣдующее траурное извѣстіе:

„Сего 21-го Ноября въ 12 часовъ дня скончался
Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ.
(Фетъ).

„Панихиды ежедневно въ 12 час. дня и 8 час. вечера, въ домѣ покойнаго, на Плющихѣ. Отпѣваніе гѣла и начало литургіи имѣютъ быть въ Университетской церкви, въ 10 час. утра, 24-го Ноября, а погребеніе въ фамильномъ склепѣ села Клейменова, Орловской губерніи, Миценскаго уѣзда“.

Въ тотъ же день на панихидѣ въ 12 часовъ дня присутствовали: И. Н. Новацкій ²⁾, М. Н. Лопатинъ, Н. Я. Гротъ, П. П. Боткинъ, и другіе. Вечеромъ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской

¹⁾ Мы видѣли эту записку на листѣ обыкновенной бѣловатой бумаги невысокаго качества. Почеркъ самого Фета ясенъ и опредѣленно-твердъ; ничто не указываетъ, что писалъ это умиравшій. Повидимому, тотчасъ послѣ подписи имъ овладѣло умонзступленіе, нерѣдко сопровождающее приближеніе смерти. Это мгновенное помѣшательство заставило его бѣжать и хвататься за разрѣзальные и столовые ножи, зарѣзаться которыми, разумѣется, невозможно.

²⁾ Профессоръ Московскаго университета, извѣстный хирургъ, лѣчившій нѣкогда Фета, о чемъ есть упоминаніе въ Запискахъ поэта. Въ нашемъ собраніи находятся второй и третій выпуски „Вечернихъ Огней“ А. А. Фета со слѣдующими на нихъ надписями: „Глубокоуважаемому избавителю отъ мучительной смерти Ивану Николаевичу Новацкому авторъ“ и „Глубокоуважаемому Ивану Николаевичу Новацкому на память. Старый авторъ“.

Словесности, предсѣдатель, ректоръ Московскаго университета Н. С. Тихонравовъ, сказалъ краткую о почившемъ рѣчь, а секретарь предложилъ присутствующимъ почтить вставаніемъ память поэта.

Вдова Аѳанасія Аѳанасьевича, Марья Петровна, получила слѣдующія сочувственныя телеграммы отъ высокихъ особъ:

1) Отъ Великой Княгини Александры Іосифовны изъ Альтенбурга:

„Que Dieu vous soutienne dans votre cruelle perte. Mon fils pleure avec vous. Alexandra“.

2) Отъ Великаго Князя Константина Константиновича:

„Да упокоитъ Господь чистую душу дорогого, незабвеннаго Аѳанасія Аѳанасьевича и да ниспошлетъ вамъ небесное утѣшеніе въ духовномъ, Божіемъ, уже ненарушимомъ, общеніи съ усопшимъ; слова безсилны выразить мою скорбь и сочувствіе вашей незамѣнимой утратѣ. Великая княгиня глубоко горюетъ съ вами. Константинъ“.

3) Отъ Королевы Эллиновъ Ольги Константиновны:

„Всею душою сочувствую вамъ въ вашей незамѣнимой тяжелой утратѣ. Ольга“.

Изъ немногочисленныхъ въ общемъ телеграммъ слѣдуетъ отмѣтить: отъ Я. К. Грота, Я. П. Полонскаго, Вл. С. Соловьева.

23-го ноября на вечерней панихидѣ были: попечитель Московскаго учебнаго округа, графъ П. А. Капнистъ, Н. Я. Гротъ и другіе. Были возложены вѣнки: отъ Общества Любителей Россійской Словесности, отъ Боткиныхъ, отъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ и одинъ безъ надписи.

Наканунѣ похоронъ Московскій фотографъ Р. Бродовскій сдѣлалъ нѣсколько снимковъ съ почившаго поэта.

Отпѣваніе происходило 24-го ноября въ университетской церкви. Въ девять часовъ утра состоялся выносъ; отъ Плющихи до Моховой гробъ былъ несенъ на рукахъ. Въ церкви тѣло поэта окружено было тропическими растеніями и вѣнками. Заупокойную литургію совершалъ протоіерей каѳедральнаго Христа Спасителя собора, А. И. Соколовъ, съ приходскимъ духовенствомъ церковью Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, что на Бережкахъ, и Воздвиженія Креста Господня, что на Вражкѣ. Пѣлъ чудовскій хоръ, въ траурныхъ кафтанахъ. На отпѣваніе вышли: ключарь каѳедральнаго Христа Спасителя собора протоіерей Д. М. Покровскій и того же собора священникъ А. А. Смирновъ.

Въ церкви на отпѣваніи присутствовали: графъ А. В. Олсуфьевъ, генералъ-лейтенантъ А. А. Козловъ, управляющій канцелярією Московскаго генералъ-губернатора В. К. Истомина; депутаціи: отъ Общества

Любителей Россійской Словесности съ Н. С. Тихонравовымъ во главѣ, отъ Психологическаго Общества во главѣ съ предсѣдателемъ его Н. Я. Гротомъ; Н. А. Звѣревъ; профессора: Г. А. Ивановъ, Н. И. Стороженко, В. Θ. Миллеръ, датскій консулъ Ф. Эдстремъ, много студентовъ.

А. А. Феть положенъ былъ во гробъ въ маломъ (галунномъ) камергерскомъ мундирѣ.

Послѣ трогательнаго обряда прощанья съ тѣломъ, гробъ былъ вынесенъ на рукахъ изъ церкви и поставленъ на катафалкъ. На улицѣ поднялась сильнѣйшая метель. Дорогою были совершены литіи: у церкви св. Параскевы въ Охотномъ ряду и у Козьмы-Даміана на Маросейскѣ ¹⁾. По прибытіи на Курскій вокзалъ, послѣ краткой литіи на платформѣ, металлическій гробъ былъ запаянъ и установленъ въ вагонѣ.

Всего на гробъ Аванасія Аванасьевича возложено было пятнадцать вѣнковъ, въ томъ числѣ: отъ Великаго Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны роскошный пальмовый, съ бѣлыми камеліями; лавровый отъ Психологическаго Общества и Общества Любителей Россійской Словесности, отъ П. и С. Боткиныхъ: „Дорогому А. А. Шеншину“; отъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“; отъ Е. и К. Дункеръ: „Дорогому и незабвенному А. А. Шеншину“ ²⁾; отъ О. и Н. Галаховыхъ ³⁾ — „Дорогому и незабвенному дядѣ“; прочіе безъ надписей.

Въ три часа дня почтовый поѣздъ съ тѣломъ великаго поэта тронулся до станціи Отрада, откуда гробъ перевезенъ былъ въ родовое имѣніе Шеншиныхъ, село Клейменово. Печальный поѣздъ сопровождали М. П. Шеншина и В. Н. Семенковичъ. На другой день состоялось погребеніе подъ церковью, въ новомъ склепѣ.

1913

¹⁾ Близъ извѣстнаго въ литературѣ „боткинскаго флигеля“, гдѣ живаль въ молодости подолгу А. А. Феть.

²⁾ Елизавета Димитріевна Дункеръ, рожденная Боткина, племянница поэта. Ей посвящено нѣсколько стихотвореній.

³⁾ О. В. Галахова, рожденная Шеншина, дочь Вас. Ав. Шеншина, брата поэта, нынѣшняя владѣлица села Клейменово, гдѣ погребенъ Феть.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

I.

РУКОПИСИ А. А. ФЕТА.

(Важнѣйшія разночтенія).

Т Е Т Р А Д Ъ А .

1) „Ивы и березы“.

1

Березы съвера мнѣ милы.
Ихъ грустный опущенный видъ
Какъ рѣчь безмолвная могилы
Горячку сердца холодить.

2

Зато подъ оскудѣвшимъ солнцемъ
Осенней позднею порой
Ихъ каждый листъ блеститъ червонцемъ
(красный)
Надъ серебристою корой.

3

Но ива, длинными листьями
Упавъ на лоно ясныхъ водъ,
Дружнѣй съ мучительными снами
И дольше въ памяти живетъ.

(Любовникъ горя и кручины
Знать тайну грусти разгадалъ.
Деревья тѣ не безъ причины
Народъ плакучими прозвалъ.)

4

Лія таинственныя слезы
По рощамъ и лугамъ роднымъ,
Про горе шепчутся березы
Лишь съ вѣтромъ сѣвера однимъ.
(сѣвернымъ)

Весь міръ — печально сиротлива
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняетъ ива
Вездѣ концы своихъ вѣтвей.

Примѣчаніе. Въ текстѣ четвертая по счету строфа (Любовникъ горя и кручины) зачеркнута и на поляхъ помѣчено: „выкинуть“.

2) Последняя строфа стихотворенія „У камня“.

.
Встаетъ уклончиво и дружно
Былое счастье и печаль
И лжетъ душа, что ей не нужно
Всѣхъ тѣхъ, кого такъ больно жаль

3) Конецъ стихотворенія „Аполлонъ Бельведерскій“.

.
Стрѣлѣ во слѣдъ еще наклонено
Амврозіей воспитанное тѣло.
Оно сквозитъ и свѣтится — оно
Веселіемъ побѣднымъ просвѣтлѣло.
Твой юный ликъ отваженъ и могучъ
Побѣдою усилено дыханье
Такъ солнца дискъ, прорѣзавъ сумракъ тучъ,
Еще бойчѣй глядитъ на мірозданье.

4) Последняя строфа въ стихотвореніи „Колокольчикъ“ (Ночь нѣма, какъ духъ безплотный).

.
Или этот бѣлоснѣжный
Съ голубымъ, глубокимъ дномъ,
Что виситъ на змѣйкѣ пѣжной
У тычинки подъ окномъ.

Тетрадь Б.

1) „Бабочка“.

Ты правъ. Однимъ счастливымъ очертаньемъ
Я такъ мила:
(живымъ его миганьемъ)
Весь бархатъ мой съ пушистымъ одѣяньемъ
(обояньемъ)
Лишь два крыла.
Не спрашивай, откуда прилетѣла,
Тебя прошу.
Нежданная на этотъ цвѣтъ я сѣла
И вотъ дышу.
Надолго ль (ли) такъ крылами безъ усилія
Дышать хочу?
Вотъ пыльные опять раскину крылья
И улечу.

2) Последній стихъ въ пѣсѣ „Къ книжкѣ Тютчева“. (Печатное заглавіе:
„На книжкѣ стихотвореній Тютчева“):

.
Томовъ громады тяжелѣй.

Примѣчаніе. Помѣта сбоку чужимъ почеркомъ: 1883.

3) Здѣсь же находится записанная Фетомъ: „Надпись на книгѣ для
Льва Николаевича Толстаго“:

Какъ бы далеко ни расходились оконечности змѣи истины, если она
живая, то непременно укуситъ свой хвостъ.

4) Стихотвореніе „Полонскому“ въ черновомъ текстѣ называется „От-
вѣтъ Полонскому“ (Спасибо! Лирой вдохновенной).

5) Измѣненная авторомъ послѣдняя строфа стихотворенія „Нетлѣнностью
божественной одѣты“:

Въ годину смуть, мечей внимая звуку,
Я на тебя смотрю
Поэтъ-мудрецъ! — ты смѣло подаль руку
Герою и Царю.

6) Последний стих первой строфы стихотворения „Смерти“ („Я въ жизни обмиралъ и чувство это знаю“):

Ночь безразсвѣтная мятежной жизни цѣль.

7) Стихотворения „Измученъ жизнью, коварствомъ надежды“ и „Въ тиши и мракѣ таинственной ночи“, написанныя въ 1864 году, первоначально представляли собою одну пѣсу, читавшуюся такъ:

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю
И днемъ и ночью смѣжаю я вѣжды
И какъ-то странно порой прозрѣваю.

Въ тиши и мракѣ таинственной ночи
Я вижу блескъ привѣтный и милый
И въ звѣздномъ хорѣ знакомыя очи
Горятъ въ степи надъ забытой могилой.

Трава поблекла — пустыня угрюма
И сонъ сиротливъ одинокой гробницы
И только въ небѣ, какъ вѣчная дума,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.

И такъ прозрачна огней безконечность
И такъ доступна вся бездна ээира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламень твой узнаю солнце міра

И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится.
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ
Вся сила дрожить и вся вѣчность снится.

(по безднамъ)

И все, что мчится въ пустыняхъ ээира
И каждый лучъ, плотской и безплотный
Твой только отблескъ, о! солнце міра
И только сонъ, только сонъ мимолетный.

(миѣ)

И снится ему, что ты встала изъ гроба
Такой же, какой ты съ земли отлетѣла
И снится, снится: мы молоды оба
И ты взглянула, какъ преждѣ глядѣла.

Вторая и третья строфа зачеркнуты и замѣнены одной:

Еще темнѣе мракъ жизни вседневной
Какъ послѣ яркой осенней зарницы
И только въ небѣ какъ зовъ задушевный
Сверкають звѣздъ золотыя рѣсницы.

И добавлена строфа:

И этихъ грезъ въ міровомъ дуновеньи
Какъ дымъ несусь я и таю невольно
(прозрачны)
И въ этомъ сознаньи и въ этомъ забвеньи
И жить легко и дышать мнѣ не больно.

8) Последніе два стиха въ стихотвореніи „Жизнь пронеслась безъ явнаго слѣда“:

.....
Сбирается во мракъ и въ тиши
Глубокой и пушистою постелью
(и дѣвственной)
(Глубокою и чистою постелью).

9) Стихотвореніе „Блескомъ вечернимъ овѣяны горы“ въ рукописи читается такъ:

Блескомъ вечернимъ овѣяны горы,
Сырость и мгла набѣгають въ долину.
Съ тайной мольбою подемяю я взоры.
„Скоро ли холодъ и сумракъ покину?“

Вижу на томъ я уступѣ румяномъ
Сдвинуты кровель уютныя гнѣзды.
Вотъ засвѣтились подъ старымъ каштаномъ
Милыя окна, какъ вѣрныя звѣзды.

Грудь истомилась отъ дальней дороги,
Кости изныли и члены сомлѣли.
Ужъ донесите усталыя ноги,
Близокъ вамъ отдыхъ на мягкой постели.

Кто же мнѣ шепчетъ коварнымъ смутьяномъ
(Кто же зловѣщимъ прокаркнулъ мнѣ враномъ)
„Въ милую дверь постучишь ли удачно?
(Сердцемъ какъ прежде, ты чистъ ли и молодъ)
Что если тамъ, въ этомъ мѣрѣ румяномъ
Станеть, какъ здѣсь же и сыро и мрачно?
(Также охватитъ и сумракъ и холодъ?)

Въ окончательномъ видѣ послѣдняя строфа представлена такъ:

Кто жъ меня втайнѣ пугаетъ обманомъ:
„Сердцемъ, какъ преждѣ, ты чистъ ли и молодъ?
Что если тамъ, въ этомъ мѣрѣ румяномъ
Снова охватитъ и сумракъ и холодъ?

10) Стихотвореніе „Свѣточъ“ (Ловець, всѣ дни отдавшій лѣсу) въ рукописи называется „Факель“.

11) Въ стихотвореніи „Нежданный дождь“ послѣдніе два стиха предпослѣдней строфы читаются:

.
(Чего ишу, того и)
Скажи со мною: воли нѣтъ —
Лишь незаслуженное благо.

Въ томъ же стихотвореніи конецъ послѣдней строфы читается такъ:

.
Раздвинулъ пеструю дугу
И живоносныя шлетъ тучи.

12) Стихотвореніе „Томительно-призывно и напрасно“ въ рукописи находится въ слѣдующемъ видѣ:

Безцѣльно, бесполезно и напрасно
Твой чистый лучъ передо мной горѣлъ.
Восторгъ любви будилъ онъ самовластно,
Но сердца сжечь блаженствомъ не успѣлъ.
(Но полночи мѣрской не одолѣлъ)
(Но сумрака кругомъ не одолѣлъ).

Пускай клянуть, смущаяся и споря,
Пусть говорятъ: то бредъ души больной,
Но я иду по шаткой пѣнѣ моря
Разутою, нетонущей ногой.

Я пронесу твой свѣтъ чрезъ жизнь земную
Его огонь со мною не умретъ
И кто любилъ, хотъ искру золотую
- Въ моемъ гробу остынувшемъ найдеть.

13) Первоначальная редакция пѣсы „Всю ночь гремѣлъ оврагъ сосѣдній“:

Съ зари гремѣлъ оврагъ сосѣдній
(И было звѣздно)

Ночь развѣздилась, какъ въ раю,
Весеннихъ водъ напоръ послѣдній
Побѣду разглашалъ свою.

Воздушной нѣгой утомленный,
Сномъ благодатнымъ ты дышалъ,
Меня жъ отъ ставни растворенной
(отворенной)

Крикъ журавлей не отпускалъ.

Онъ звалъ, сулилъ, — былою ложью
(манилъ)

До боли сердце шевеля,
(ю вешней)

И подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Куда летѣтъ мечтою жадной,
Къ чему мгновенный сей недугъ,
Когда ты здѣсь, мой ненаглядный,
Бѣдами искушенный другъ.

ТЕТРАДЬ В.

1) Двѣ послѣднихъ строфы стихотворенія „На юбилей А. Н. Майкова“
(Пятьдесятъ лебедей пронесли).

.
Воспѣвать я того не берусь,
Кто челомъ преклониться заставилъ:
Полстолѣтья на цѣлую Русь
Самъ себя вдохновенный прославилъ.
Хотъ не вѣчно земному и жить,
Хотъ во прахъ насъ скоро забудутъ,
Но его въ небесахъ уносить
Лебединья крылья все будутъ.

11 марта 1888.

2) Чтобы не идти противъ природы вещей и уронивъ стихотвореніе, не представить его Вамъ для рѣшенія его судьбы, прилагаю написанное сегодня.

Отъ огней, отъ толпы безпощадной
Незамѣтно бѣжали мы прочь,
Лишь вдвоемъ мы въ тѣни здѣсь прохладной,
Третья съ нами лазурная ночь

Сердце робкое бьется тревожно:
Какъ бы счастье, отдавъ, сохранить;
Отъ людей то укрыться, возможно,
Но отъ звѣздъ ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видитъ только, что вѣчно и чисто,
Что навѣяно ею самой.

fiat voluntas tua!

Латинская фраза написана рукою Фета. Подъ стихотвореніемъ дата „7 февр. 89 г.“.

Тетрадь Г.

Послѣдняя строфа стихотворенія „Въ стѣнахъ, куда внесла Паллада“:

.
(Лишь тотъ)
(И)
Лишь тамъ, кому дано судьбою
(приподнять)
(ы подымать)
Отъ праха взоръ приподымать,
Небесной убѣжденъ красую
(обречень)
Ея величество признать.

Эта строфа при окончательной отдѣлкѣ была отброшена.

Тетрадь Д.

Въ этой тетради находится стихотвореніе „Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно“, представленное въ четырехъ разночтеніяхъ. Это единственный у Фета примѣръ тщательной отдѣлки одного изъ лучшихъ его стихотвореній. Приводимъ всѣ четыре редакціи.

I.

Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно
Полны голубого огня,
А ты, ты проходишь неслышно
И словно не видишь меня.
Но вѣрно не даромъ такъ страстно
Хотѣлъ на тебя я взглянуть,
И сладкой мечтой не напрасно
Моя согрѣвалась грудь.
Не спать мнѣ навѣрное снова,
Всю ночь подъ окномъ просидѣть
И жадно до свѣта дневного
На крупныя звѣзды глядѣть.

27 Октября 1888.

II.

Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно
Огнемъ голубымъ разгорались,
А ты проходила неслышно
И взоры твои преклонялись.
Недаромъ хотѣлось такъ страстно
Тебя увидать на мгновенье
И теплой зари не напрасно
Я слышу въ лицо дуновенье,
Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что дышетъ и мощно, и иѣжно
И яркое это молчанье
Разгадывать стану прилежно.

27 Октября 1888.

III.

Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно
Горѣли торжественнымъ хоромъ,
А ты промелькнула неслышно
Съ нарочно опущеннымъ взоромъ.
Зачѣмъ же все въ мірѣ забыто
И меркнетъ на это мгновенье,
Не даромъ и теплой зари то
Я слышу въ лицо дуновенье.

Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что дышетъ и мощно, и нѣжно,
И яркое это молчанье
Разгадывать стану прилежно.

27 Октября 1888.

IV.

Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно
Огнемъ голубымъ разгорались,
А ты промелькнула неслышно
И взоры твои преклонялись.
Зачѣмъ же такъ громко, нестройно
Мнѣ слышится сердца бѣенье,
И вдругъ налетѣло такъ знойно
Въ лицо мнѣ зари дуновенье?
Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что дышетъ и мощно, и нѣжно,
И яркое это молчанье.
Разгадывать стану прилежно.

26 Ноября 1888.

Изъ приведенныхъ вариантовъ видно, что стихотвореніе писалось около мѣсяца. Особенно Фетъ недоволенъ былъ третьей строфой, подвергавшейся коренной переработкѣ.

Тетрадь Е.

Вариантъ послѣдней строфы стихотворенія „Моего тотъ безумства желаль“

.
И сознаніе счастья на сердцѣ храня,
Истомлюсь этой жизни избыткомъ и лоскомъ
Этотъ медь благовонный — онъ мой, для меня,
Для другихъ хоть остался бы топкимъ онъ воскомъ.

Тетрадь З.

Первоначальный конецъ стихотворенія „Угасшимъ звѣздамъ“.

.
Что какъ подъ вашими нѣтъ васъ огнями,
Что погасила иная эпоха;

Смертный и я понесусь къ вамъ стихами
Къ призракамъ звѣздъ только призракомъ вздоха.

Т Е Т Р А Д Ъ И .

Находящееся здѣсь стихотвореніе „На смерть Бражникова“ датировано дважды: 2 Іюня 1845 и 14 Іюля 1891.

Здѣсь же находится слѣдующій вариантъ стихотворенія „О какъ волнуяся я мыслію больною“.

Нѣтъ, мнѣ не вѣрится, чтобъ ты была послушна
Безумствамъ, что вездѣ преслѣдуютъ меня,
Когда съ балкона ты способна равнодушно
Смотрѣть на отблески минующаго дня.

Въ затишьи замеръ садъ. Внизу лишь тополь дальній
Все грезить въ вышинѣ и ставить листь ребромъ
И зыблетъ, улова денницы блескъ прощальный
И чистымъ золотомъ, и мелкимъ серебромъ.

О, эта тишина приходитъ не напрасно,
Одѣяна кругомъ прощальной красотой,
Она все чистое въ насъ будить самовластно,
Она молитвенно бесѣдуетъ съ душой.

Т Е Т Р А Д Ъ І .

Варианты къ стихотворенію „Не могу я слышать этой птички“.

- • • • •
- Я тебя невольно безпокою,
Торжество должна ты искупить:
- 1) Невозможно безъ докукъ такую
Молодой и лучезарной быть.
 - 2) Беззавѣтно же нельзя такую
Молодой и лучезарной быть.
 - 3) Невозможно безъ борьбы такую
Молодой и лучезарной быть.
 - 4) Безъ докучныхъ бѣдъ нельзя такую
Молодой и лучезарной быть.
 - 5) Безъ разсвѣтныхъ тучъ нельзя такую
Молодой и лучезарной быть.
 - 6) На зарѣ безъ тучъ нельзя такую
Молодой и лучезарной быть.

II.

ПИСЬМА А. А. ФЕТА.

Почти вся огромная переписка А. А. Фета сосредоточена въ частныхъ рукахъ, и неизвѣстно, когда появится въ печати. Фетъ любилъ писать письма и писалъ помногу, особенно въ послѣдніе годы жизни. „Переписка съ друзьями и знакомыми“, замѣчаетъ Н. Н. Страховъ, „составляла для него не тягость, какъ для большинства писателей, а наслажденіе“.

Однихъ писемъ къ графу Л. Н. Толстому и К. Р. насчитываютъ нѣсколько сотенъ. Множество писемъ къ И. С. Тургеневу до сихъ поръ остается неразобраннымъ у наслѣдниковъ П. Віардо. Изъ писемъ къ Н. Н. Страхову напечатана лишь незначительная часть. Совсѣмъ почти неизвѣстны письма Фета къ Я. П. Полонскому, И. А. Гончарову и другимъ.

Письмо къ М. П. Погодину.

Раннія письма Фета, какъ и всѣ вообще рукописи его до 1854 года, неизвѣстны и, надо думать, утрачены навсегда. Тѣмъ цѣннѣй для изслѣдователя отдѣльные клочки, въ родѣ предлагаемаго письма къ М. П. Погодину. Фетъ глубоко чтилъ знаменитаго профессора, въ домѣ котораго провелъ свои первые Московскіе годы до поступления въ университетъ. Погодинъ первый началъ печатать стихи Фета въ своемъ „Москвитяинѣ“.

Милостивый Государь

Михаилъ Петровичъ!

Оставаясь слишкомъ короткое время въ Москвѣ послѣ того какъ я имѣлъ честь быть у Васъ ¹⁾, я не успѣлъ исполнить обѣщанія прислать нѣсколько стихотвореній для помѣщенія ихъ по усмотрѣнію Вашему; но за то пріѣхавши въ деревню спѣшу тотчасъ отправить это письмо при переводѣ съ польскаго Фариса и еще двухъ пьескахъ собственнаго изобрѣтенія ²⁾, извините если

¹⁾ Въ концѣ 1849 года Фетъ, будучи поручикомъ кирасирскаго Военнаго Ордена полка, ѣздилъ ненадолго въ Москву ради изданія своихъ стихотвореній. Книга ихъ вышла въ 1850 году, при чемъ корректуру держалъ другъ Фета, Аполлонъ Григорьевъ. Въ Запискахъ своихъ поэтъ упоминаетъ о возвращеніи чрезъ Новоселки въ Александрію, гдѣ стоялъ его полкъ. Въ Новоселкахъ, (Мценскаго уѣзда, Орловской губ.), своей родиной, Фетъ, такимъ образомъ, находился въ половинѣ Декабря, но уже къ Святкамъ вернулся въ Александрію черезъ Кіевъ. (А. Фетъ. „Ранніе годы моей жизни“. М. 1893. Стр. 490).

²⁾ Піэсы эти намъ неизвѣстны. „Фарисъ“ совсѣмъ не появлялся въ печати. Не сохранился ли онъ въ Архивѣ Погодина?

найдете ихъ почему-либо неудобными для печати. Чѣмъ богать,
тѣмъ и радѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ
имѣю честь быть Вашимъ
Милостивый Государь
покорнѣйшимъ слугой
А. Фетъ.

16-го Декабря
1849-го года
Д. Новоселки.

Письмо къ М. А. Милютиной.

Письмо это, повидимому, написано между 1874—1877 г.г. Право подписываться фамиліей отца (Шеншинъ) Фетъ получилъ по Высочайшему указу 26 Декабря 1873 года. Въ концѣ 1877 онъ уже навсегда переѣхалъ изъ Степановки въ Воробьевку.

М. А. Милютнина, рожденная Абаза, по второму мужу Стилъ, была женой Н. А. Милютнина.

Хуторъ Степановка.
13 іюня.

Душевноуважаемая
Марья Агѣевна!

Всѣ эти дни мы съ женой и Петей ¹⁾, который въ настоящую минуту уѣхалъ верхомъ, гадали и смекали о днѣ Вашего пріѣзда и вотъ наконецъ Вы въ нашихъ краяхъ.

Хотя мы только что нынче ночью вышли изъ безсоннаго вагона на Змѣвкѣ, тѣмъ не менѣе мы съ Петей завтра явимся на любезный зовъ Вашъ, причемъ я беру смѣлость привезти мою жену, сестру Вашего бывшего гостя и почитателя В. Боткина ²⁾; помня выраженное Вами въ Москвѣ желанье съ ней познакомиться. Въ пріятномъ ожиданіи завтешняго ³⁾ дня, прошу принять выраженія искренняго уваженія

Вашего
покорнѣйшаго слуги
А. Шеншина.

¹⁾ Петръ Ивановичъ Борисовъ (1858—1888), племянникъ Фета, сынъ сестры его Надежды Аванасьевны (ум. 1869 г.) отъ брака съ Иваномъ Петровичемъ Борисовымъ (ум. 1871 г.)

²⁾ Василій Петровичъ Боткинъ. (1811—1869).

³⁾ Такъ въ подлинникѣ.

Пять писемъ къ П. Н. Каратѣеву.

Хронологія писемъ къ П. Н. Каратѣеву (помѣщику Курской губ., со-сѣду А. А. Фета) за исключеніемъ второго, относящагося къ 1880 году, можетъ быть установлена только приблизительно. Первые два письма имѣютъ одинаковый синій штемпель: станція Будановка Московско-Курской ж. дор.; третье письмо, безъ штемполя, сходно съ ними по качеству бумаги; на двухъ послѣднихъ тотъ же штемпель золотого цвѣта. Конверты не сохранились.

I.

12 Февраля ¹⁾).

Душевноуважаемый
Павель Николаевичъ!

Никогда еще не праздновалъ я въ деревнѣ своихъ именинъ, но настоящія тяжкія хлопоты съ зимнимъ переселеніемъ возбудили въ насъ охоту, хотя на нѣсколько дней отдохнуть отъ трудовъ въ кругу людей, которые бы почтили насъ своимъ посѣщеніемъ. — Здѣсь мы никого не знаемъ, изъ прежнихъ орловскихъ сосѣдей врядъ ли многіе пріѣдутъ, но на Ваше доброе расположеніе и ближайшее сосѣдство мы сильно рассчитываемъ. Еслибы не хворость моя, то не взирая ни на что, мы бы съ Марьей Петровной пріѣхали лично просить многоуважаемую Александру Павловну и Васъ, а равно Николая Павловича и его любезныхъ дамъ обрадовать насъ посѣщеніемъ. Но въ настоящемъ случаѣ мы не смѣемъ мечтать о такихъ затѣяхъ, а я наканунѣ 22 Февраля ²⁾) нѣтъ нѣтъ все таки буду поглядывать, не ѣдетъ ли добрѣйшій сосѣдъ нашъ Павель Николаевичъ.

Итакъ въ надеждѣ на скорое свиданіе позвольте засвидѣтельствовать Вамъ и супругѣ Вашей отъ насъ обоихъ, то искреннее уваженіе, съ какимъ имѣю честь быть

Вашимъ
Покорнѣйшимъ слугой

А. Шеншинъ.

¹⁾ Письмо это можно отнести къ 1878 году. Именно въ зиму 1877—78 гг. происходили упоминаемая здѣсь „тяжкія хлопоты съ зимнимъ переселеніемъ“ въ Воробьевку, которая была куплена Фетомъ въ концѣ 1877 года. Такъ какъ эти хлопоты названы „настоящими“, то, слѣдовательно, онѣ должны быть современны письму. Въ „Монхъ воспоминаніяхъ“ Феть, говоря о переселеніи въ Воробьевку, замѣчаетъ: „Жена моя пріѣхала изъ Москвы въ Мартъ мѣсяцъ“. Но воспоминанія писались спустя десять лѣтъ, и на самомъ дѣлѣ М. П. Шеншина могла пріѣхать во второй половинѣ Февраля, какъ разъ къ именинамъ мужа.

²⁾ День именинъ А. А. Фета.

II.

11 Февраля.

Душевноуважаемый
Павель Николаевич!

Не слишкомъ довѣряя моему прозаическому, не разъ повторяемому приглашенію отъ своего и женнна имени, рѣшаюсь на послѣднее усиліе, зовать¹⁾ Васъ къ 22-му хоть стихами. Мы всѣ просимъ Васъ принять и передать многоуважаемой Александрѣ Павловнѣ, равно какъ и общимъ сосѣдямъ нашимъ Логвиновымъ наши усердныя привѣтствія.

Преданный Вамъ

А. Шеншинъ.

Что за ужасы дѣлаются въ Питерѣ! Прилагаю Моск. Вѣд.²⁾.

ПОСЛАНИЕ П. Н.
КАРАТЪЕВУ.

На Петербургскихъ плюнь злодѣвъ;
Пусть дьяволъ губить эту тлю. —
Тебя же Павель Каратѣвъ
Лишь объ одномъ теперь молю.

Весна придетъ: въ окошко глянешь,
Посѣвъ, косьба, посѣвъ опять,
И колачемъ ужъ не заманишь
Тебя къ сосѣду ночевать.

А твой сосѣдъ прямой пустынный
И самъ слуга родной землѣ,
Тебѣ въ угоду именованникъ
Не въ сѣнокосъ, а въ Февралѣ.

Такъ посѣти; хоть вмѣстѣ ляжемъ;
Нашъ теплый верхъ тебѣ знакомъ:
И новыхъ жеребятъ покажемъ,
И на бильяртѣ промахнемъ.

А. Фетъ³⁾.

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

²⁾ Упомянется о покушеніи на жизнь Императора Александра II въ январѣ 1880 г.

³⁾ См. „Полное Собраніе стихотвореній А. А. Фета“ СПб. 1901, т. II, стр. 541. Орфографія подлинника строго соблюдена нами вездѣ.

III.

22 Мая.

Душевноуважаемый
Павель Николаевич!

Оглянитесь Вы на Бога!
Какъ сосѣда не провѣдать?
Привезли дождя мы много;
Не пріѣдетель обѣдать? ¹⁾

Марья Петровна и Александръ Ивановичъ присоединяютъ свои привѣтствія и просятъ передать ихъ многоуважаемой Александрѣ Павловнѣ.

Преданный Вамъ
А. Шеншинъ.

Употребленье 3 пудовъ соли сообщимъ на словахъ.

IV.

4 Февраля ²⁾.

Душевноуважаемый
Павель Николаевич!

Частенько приходится мнѣ сожалѣть, что такіе сосѣды какъ Ванъ домъ и домъ глубокоуважаемаго Николая Павловича сосѣды по имѣнію, но не по дому. — Но видно такъ тому и быть. Такіе люди нужны всюду для хорошаго примѣра, какимъ мы на святой Руси въ высшей мѣрѣ нуждаемся. — Жена моя въ настоящую минуту въ Москвѣ у родныхъ, а я посиживаю дома и не жалуясь на скуку, благодаря обществу Алек. Ивановича и его матушки и нѣкоторымъ литературнымъ занятіямъ. Послѣднія вынуждаютъ меня обратиться къ Вамъ за повѣстью Оскудѣніе Терпигорева. По прочтеніи тотчасъ же возвращу въ полной исправности, а за окказіями дѣло не станетъ. При свиданіи объясню, на что эта повѣсть мнѣ нужна.

¹⁾ Стихотвореніе появляется въ печати впервые.

²⁾ Александръ Ивановичъ Юсть — управляющій имѣніями А. А. Фета (въ „Монхъ воспоминанійхъ“. Ив. Ал. Ость).

³⁾ Это и слѣдующее письмо по всѣмъ признакамъ относятся ко второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ, когда Феть уже обжился въ Воробьевкѣ. Упомянутое о предполагаемомъ пріѣздѣ Н. Н. Страхова, В. С. Соловьева и М. И. Хитрова (см. послѣднее письмо) не можетъ служить основаніемъ для опредѣленія точной даты, такъ какъ писатели эти бывали въ Воробьевкѣ не одинъ разъ.

Насчетъ вѣхъ, попрошу Васъ смѣрить верхъ своей кареты какъ въ длину такъ и въ ширину. Вѣхи ждутъ Вашего распоряженія, но непригодные — посылать не стоитъ, а пригодность ихъ можно узнать только мѣрою. — Не соберетесь ли когда обрадовать старика Вашимъ посѣщеніемъ? Если соберетесь на первой недѣлѣ поста, то доѣдете въ одинъ день съ Алек. Иван. черезъ Ольховатку и Ваши лошади только въ назначенный день выѣдутъ въ Поляну. Красная Поляна. Ибо Ольховатскіе кони доставятъ Васъ туда, а если сами соберетесь раньше, то только доберетесь до Ольховатки и ¹⁾ будетъ тоже самое. Прошу передать мои глубокіе поклоны многоуважаемой Александрѣ Павловнѣ и семейству Николая Павловича.

Преданный Вамъ

А. Шеншинъ.

(На послѣдней страницѣ письма дѣловая приписка А. И. Юста, по сельско-хозяйственнымъ дѣламъ).

V.

12 Февраля.

Душевноуважаемый

Павель Николаевичъ

Любезное письмо Ваше съ приложеніемъ 8 книгъ О. Запи. ²⁾ я имѣлъ удовольствіе получить и считаю излишнимъ увѣрять Васъ въ совершенной сохранности послѣднихъ. Я давно выросъ изъ непризнанія чужой собственности вообще и книгъ въ особенности. Сердечное мое спасибо любезнымъ сосѣдкамъ, что не забываютъ меня старика, никогда не забывающаго ихъ любезности. Будемъ ожидать прибытія Вашей кареты, а окказія для пересылки вѣхъ всегда будетъ. Хотя по привычкѣ мы смотримъ на именины и праздники какъ на предлоги сближенія, но желаніе видѣть Васъ основано на Вашихъ качествахъ, не зависящихъ ни отъ какихъ дней года, и постомъ Вы были бы такимъ же у насъ желаннымъ гостемъ, какъ и на свадьбѣ, еслибы такая предвидѣлась въ нашемъ домѣ. Ваше мнѣніе объ Ибрагимѣ совпадаетъ съ мнѣніемъ экспертовъ, присудившихъ ему полученную имъ премію, какъ и сыну его Зола, находящемуся въ настоящее время, сверхъ полученной преміи, — подъ царскимъ сѣдломъ ³⁾.

¹⁾ Одно слово не разобрано.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

³⁾ А. А. Фетъ имѣлъ собственный конный заводъ. „Любимецъ“ и „Ибрагимъ“ остались навѣки въ его стихотвореніяхъ. Къ нему обращались за покупкою лошадей командиры кавалерійскихъ полковъ. На одномъ изъ

Александръ Ивановичъ, просящій передать всѣмъ Вамъ его усердные поклоны, занять въ настоящее время посадкою микроскопическихъ сѣмянъ Вашихъ гигантскихъ арбузовъ. Захотятъ ли они достигнуть въ Воробьевкѣ Граворонскаго величія — пока не разгаданная тайна.

Лѣтомъ къ намъ собирается цвѣтъ русской премудрости въ лицахъ Страхова, философа Соловьева и магистра богословія Хитрова. А я между тѣмъ готовлю статью о причинахъ нашей государственной неурядицы вообще и сельскаго хозяйства въ особенности. Желалъ бы философскую сторону прочесть специалистамъ этой науки, а фактическую Вамъ. И то и другое постараюсь исполнить, а до того не спѣшу печатать. Тереза Ивановна ¹⁾ благодарить Васъ за привѣтствіе, что не мѣшаетъ ей бѣдной эти дни хворать, хотя ей уже нѣсколько лучше.

Будьте здоровы дорогой Павелъ Николаевичъ и не забывайте при всякомъ полученіи отъ меня писемъ предъявить многуважаемой Александрѣ Павловнѣ и семейству Логвинновыхъ за искреннее почтеніе, съ какимъ остаюсь

Преданнымъ Вамъ
А. Шеншинымъ.

Четыре письма къ О. М. Соловьевой.

Письма эти относятся въ 1884 году. Первое, писанное въ октябрѣ, получено было О. М. Соловьевой въ Москвѣ, два слѣдующія, (ноябрскія) во Владимірѣ и послѣднее (декабрское) опять въ Москвѣ. О. М. Соловьева (рожденная Коваленская; ум. въ 1903 году) была въ супружествѣ съ третьимъ и младшимъ сыномъ историка С. М. Соловьева, Михаиломъ Сергѣевичемъ, скончавшимся въ январѣ 1903 года въ Москвѣ.

I.

Москва.

Плющиха соб. домъ
№ 481 ²⁾.

9 Октября ³⁾.

Дорогая
Ольга Михайловна!

Сердечно благодарю Васъ за любезное вниманіе и только полчаса тому назадъ получилъ возможность отвѣчать на Вашъ вопросъ,

подобныхъ писемъ набросанъ черновикъ стихотворенія: „Не тѣмъ, Господь, могучъ, непостижимъ“.

¹⁾ Мать А. И. Юста; въ „Моихъ воспоминаніяхъ“ она называется Тереза Петровна.

²⁾ Печатный заголовокъ адреса одинаковъ на всѣхъ четырехъ письмахъ.

³⁾ 9 репрравлено изъ 8.

такъ какъ портретъ принесли только вчера при огнѣ, а повѣсили на стѣну сейчасъ. Такъ какъ судить мнѣ о себѣ неудобно, а я не имѣлъ времени у Третьякова сличить оригинала съ копіей, то остается довольствоваться впечатлѣніемъ, которое очень пріятно, и въ пользу Вашего прекраснаго труда ¹⁾.

Въ настоящую минуту кашель и насморкъ лишаютъ меня возможности явиться къ Вамъ, чтобы лично поздравить Васъ обоихъ съ Вашимъ союзомъ, который судя по разумности сторонъ, долженъ быть проченъ ²⁾.

Но мы на всю зиму и потому буду надѣяться, что здоровье позволитъ мнѣ исполнить мое желаніе.

А пока мы оба съ женой просимъ Васъ и любезнѣйшаго Михаилу ³⁾ Сергѣевича принять наши лучшія пожеланія.

Вашъ покорнѣйшій

А. Шеншинъ. ⁴⁾

II.

Москва.

Плющиха соб. домъ

№ 481.

9 Ноября.

Не рубите моей лысой головы, милѣйшая Ольга Михайловна за то, что давно получивъ Вашу прелестную иллюстрацію на „уронила косы“, я не собрался поблагодарить Васъ ⁵⁾.

Все это время я провозился съ Ювеналомъ т. е. съ типографіей и въ невозможности и съ крестіями самого Ювенала, этого закоренѣлаго язычника, который и обращенный въ православіе не кидаетъ своихъ безцеремонныхъ замашекъ. Раньше Рождества нельзя ожидать его выхода ⁶⁾.

¹⁾ О. М. Соловьева, рисовавшая довольно удачно, сдѣлала въ 1884 году копию съ рѣпинскаго портрета А. А. Фета, находящагося въ Третьяковской Галлерей въ Москвѣ.

²⁾ Въ іюнь 1884 года О. М. Коваленская вышла замужъ за М. С. Соловьева.

³⁾ Такъ въ подлинникѣ.

⁴⁾ Конвертъ утраченъ.

⁵⁾ Рѣчь идетъ о рисункѣ О. М. Соловьевой къ извѣстному стихотворенію А. А. Фета „Въ дымкѣ невидимкѣ“, гдѣ есть два стиха:

Уронила косы:
Голова неволью.

⁶⁾ Сатиры Ювенала. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва. 1885. Ц. 3 р.

Прилагаю Вамъ и милѣйшему Михаилу Сергѣевичу отчетъ Академіи, высланный мнѣ, изъ котораго Вы увидите, что разбирали меня по косточкамъ. Марья Петровна проситъ присовокупить и ея усердныя привѣтствія. Будемъ на праздники, какъ слышно, поджидать Васъ. Итакъ до свиданія и надолго, надолго послѣ него будьте здоровы.

Преданный Вамъ

А. Шеншинъ ¹⁾).

III.

Москва.

Плющиха соб. домъ

№ 481.

Дорогая

26 Ноября.

Ольга Михайловна!

Не странно ли, что о своихъ стихахъ я долженъ справляться у друзей. Вы меня заинтересовали стихами „Колокольчикъ“:

„Узкодонный разноцвѣтный
На тычинкѣ подъ окномъ“.

Я признаю ихъ за свои и хотѣлъ прочесть; но рѣшительно не знаю, гдѣ искать, не откажите указать изданіе и страницу, чѣмъ премного обяжете преданнаго

Вамъ

А. Шеншина ²⁾).

Примите и передайте Михаилу Сергѣевичу наши общія съ женой привѣтствія ³⁾).

¹⁾ На конвертѣ адресъ: Г. Владиміръ на Клязьмѣ. Никитскій переулочъкъ домъ Жукова. Ея Высокоблагородію Ольгѣ Михайловнѣ Соловьевой. Почтовые штемпели: 1) Москва „ „ ноября 1884 г. 2) Москва 10 ноября 1884. 3) Владиміръ 11 ноя 1884. Запечатано красной сургучной печатью съ гербомъ Шеншиныхъ: бѣгущій вправо единорогъ подъ дворянской короной съ тремя страусовыми перьями.

²⁾ Стихотвореніе „Колокольчикъ“ впервые было напечатано въ изданіи К. Солдатенкова „Стихотворенія А. Фета“. Двѣ части. Москва. 1863. Цѣна 2 р.

³⁾ На конвертѣ адресъ: Г. Владиміръ на Клязьмѣ. Никитскій переулочъкъ домъ Жукова. Ея Высокоблагородію Ольгѣ Михайловнѣ Соловьевой. Почтовые штемпели: 1) Москва 26 ноя 1884. 2) Москва 27 ноября 1884. 3) Владиміръ 28 ноя 1884. На оборотѣ синій вензель: А. С.

Москва.
 Плющиха соб. домъ
 № 481.

Дорогая

7 Декабря.

Ольга Михайловна!

Повторяю Вамъ публично и торжественно, что я ни на какіе счета визитовъ не способенъ. Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе взаимныхъ неудачъ прошу Васъ, не найдете ли возможнымъ черкнуть намъ наканунѣ о намѣреніи Вашемъ обрадовать насъ посѣщеніемъ къ обѣду, чтобы я имѣлъ возможность, въ случаѣ несостоятельности придти почему бы то ни было извѣстить Васъ о томъ по телеграфу. — Безъ этого, я при всякомъ внезапномъ отсутствіи ¹⁾ буду томиться страхомъ неудачи.

Будьте здоровы оба и не забывайте
 преданнаго

Вамъ

А. Шеншина. ²⁾

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

²⁾ Конвертъ утраченъ. Второй полулистъ тоже.

ЗАМЪТКИ.

О БАРАТЫНСКОМЪ.

„Баратынскій не поэтъ въ единственномъ, истинномъ, въ пушкинскомъ смыслѣ, но нельзя не уважать его благородную художническую честность, его постоянное и безкорыстное стремленіе къ высшимъ цѣлямъ поэзіи и жизни. Ума, вкуса и пронзительности у него было много, можетъ быть, слишкомъ много—каждое слово его носить слѣдъ не только рѣзца—подпилка, стихъ его никогда не стремится, даже не льется ¹⁾).

Въ этихъ словахъ Тургенева любопытнѣе всего заявленіе, что Баратынскій „не поэтъ въ истинномъ, въ пушкинскомъ смыслѣ“. Не задаваясь опредѣленіемъ того, что подразумѣвалъ Тургеневъ подъ „поэтомъ въ истинномъ смыслѣ“ (причемъ, истинный и пушкинскій въ глазахъ его синонимы), припомнимъ, что подобныя сомнѣнія возникали и у Бѣлинскаго, который вынесъ автору „Сумерекъ“ крайне суровый приговоръ. Позднѣйшая критика умалчивала о Баратынскомъ. Какъ литературное явленіе, этотъ поэтъ былъ едва ли не первымъ въ своемъ родѣ на Руси. Подлѣ вдохновенныхъ, полубезумныхъ пѣвцовъ выступилъ строгій, задумчивый созерцатель, художественно облакавшій свои размышленія въ изящную форму. Пушкинъ такъ отзывался о немъ: „Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ, ибо мыслить. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслить по своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько знакомаго со вкусомъ и чувствомъ“.

¹⁾ Письмо И. С. Тургенева С. Т. Аксакову, 31 мая 1854 г., (Вѣстникъ Европы 1894 г., Февр., стр. 484).

Изъ приведенныхъ отзывовъ видно, что Пушкинъ и Тургеневъ, смотряще на Баратынскаго съ совершенно разныхъ сторонъ, оба выдвигаютъ на первое мѣсто въ его поэзіи „мысль“, „умъ“, „вкусъ“. О „вдохновеніи“ нѣтъ у нихъ и помину. Правда, Пушкинъ добавляетъ еще, что Баратынскій „чувствуетъ сильно и глубоко“, но развѣ можно безусловно довѣряться дружескимъ критикамъ Пушкина? Благодарше и снисходительность свойственны Царямъ и великимъ поэтамъ въ равной мѣрѣ. Пушкинъ всегда бывалъ щедръ на чрезмѣрную похвалу тѣмъ, кого любилъ, и готовъ былъ, подобно своему Моцарту, говорить о друзьяхъ: „Онъ гений, какъ ты да я“. Дельвига, напримѣръ, онъ искренно ставилъ ничуть не ниже себя, восторгался языковой шумихой, поощрялъ стихотворныя упражненія Подолинскаго, Теплякова. Эта черта такъ понятна въ Пушкинѣ, который, какъ всякій гений, переросшій свою эпоху, въ творчествѣ и въ жизни былъ мучительно одинокъ. Ему хотѣлось не только создавать самому, но и наслаждаться плодами чужого творчества. Между тѣмъ близкихъ ему по духу людей было такъ мало, что уже смерть Дельвига, наименѣе значительнаго изъ всѣхъ, сразу „разрознила плеяду“. Да и вся эта пушкинская плеяда восторженно превознесенная Гоголемъ и принятая нами отъ него на вѣру, признается теперь единственно изъ уваженія къ самому Пушкину. Безъ него не было бы ни самой плеяды, ни памяти о ней: онъ создалъ ее единолично. Люди, никогда не читавшіе хотя бы Дельвига, имѣютъ о немъ совершенно опредѣленное представленіе изъ посланій Пушкина къ этому маленькому поэту. Seriously восхищаться Дельвигомъ, конечно, трудно. Стихи его, какъ говорится, въ ротъ не лѣзутъ. Баратынскій, какъ и Дельвигъ, въ значительной степени обязанъ своей славой дружбѣ съ Пушкинымъ; безъ него оба они немислимы, хотя самъ Баратынскій всегда тяготѣлъ скорѣй къ Дельвигу, который былъ ему болѣе близокъ и понятенъ ¹⁾. Думается, что ежели бы какой-нибудь Трилунный числился „другомъ“ Пушкина, какъ Баратынскій, или былъ одобренъ имъ печатно, какъ Тепляковъ, онъ навѣрное не былъ бы такъ незаслуженно и прочно забытъ.

Многія альманашныя звѣзды и звѣздочки, вращавшіяся вокругъ славнаго созвѣздія, вовсе не такъ уже смѣхотворно-плохи, какъ принято у насъ думать съ половины сороковыхъ годовъ. Всѣхъ ихъ смела одна неумолимая комета — Бѣлинскій, а вслѣдъ за нимъ широкое теченіе „натуральной школы“ умчало въ Лету Трилуннаго и

¹⁾ Вообще пресловутая „дружба“ Пушкина со множествомъ разнообразнѣйшихъ лицъ, дружба, за которую его нерѣдко упрекали, кажется, была только маской: какъ поэтъ и человѣкъ, онъ не могъ не сознавать своего полнаго одиночества.

Бороздну вмѣстѣ съ Бенедиктовымъ, Глинкой, Кукольникомъ и Марлинскимъ. Однако, посягнуть на плеяду даже у „ненстоваго Виссаріона“ не хватило духу.

Перечитывая Баратынскаго, ясно чувствуешь, что поэзія никогда не была для него неприступнымъ храмомъ, убѣжищемъ въ мірѣ житейскихъ тревоженій, уходить отъ которыхъ ему не представлялось никакой нужды. Философъ въ душѣ, онъ смотрѣлъ на поэзію только какъ на изящное ремесло, какъ на средство для удобнѣйшаго высказыванія прекрасныхъ и свѣтлыхъ мыслей. Баратынскій не забывается ни на минуту. При своей склонности къ резонерству, онъ бываетъ порой какъ-то неприятно уменъ. Онъ въ сущности вездѣ одинаковъ, и такъ же ровенъ, ясенъ и простъ въ скорбныхъ элегіяхъ и изящно-холодныхъ мадригалахъ, какъ и въ скучнѣйшихъ своихъ поэмахъ. Въ самомъ складѣ стиха его замѣчается напряженность: это не легкое пареніе, а тяжелый трудъ, работа въ потѣ лица.

Существуетъ преданіе, что Пушкинъ въ „Моцартъ и Сальери“ изобразилъ Баратынскаго и себя. Изслѣдователи поняли эту параллель въ томъ смыслѣ, что великій поэтъ подозрѣвалъ въ Баратынскомъ завистника своему гению. Въ пушкинской литературѣ это предположеніе справедливо проверяется и дѣйствительно, подозрѣвать Баратынскаго въ личной зависти къ Пушкину нѣтъ никакихъ основаній. Надо думать, что Пушкинъ, создавая Сальери, имѣлъ въ виду косвенную цѣль: показать, во сколько художникъ-труженикъ („не поэтъ въ единственномъ, истинномъ, пушкинскомъ смыслѣ“) при своемъ „умѣ“, „вкусѣ“ и „проницательности“ при всей усидчивости и способности къ труду, въ тщетныхъ усиліяхъ воспарить неизмѣримо ниже вдохновеннаго, Божіею милостію, поэта, того самаго кто

Крылатый слова звукъ
Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души, и травъ неясный запахъ.

(Фетъ)

А потому знаменитыя слова Сальери:

Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную сухую бѣглость
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонию

ежели не могутъ относиться лично къ Евгенію Абрамовичу Баратынскому, то должны звучать несомнѣннымъ осужденіемъ холодному

„статическому“ творчеству его Музы. „Искусственности въ искусствѣ“ — вотъ чего никогда не было у Пушкина. Можно восхищаться стихами Баратынскаго и ихъ внѣшнею красотой, какъ прекраснымъ мраморнымъ тѣломъ изваяній, но пѣть ихъ, жить ими, любить, какъ любятъ живого человѣка, со всѣми его особенностями и недостатками, — невозможно.

1910

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

Двѣ рѣзко означенныя въ жизни Языкова полосы естественно дѣлятъ на-двое и творчество его. Передъ изслѣдователемъ возникаютъ какъ-бы два совершенно различныхъ человѣка. Первый — поэтъ, кипящій молодыми силами, цвѣтущій здоровьемъ, бурно торжествующій розовый праздникъ юности, въ упоеніи надеждъ швыряющій безразсудно на вѣтеръ, щедро дарованныя ему природою, богатства. Какъ безпечный приморскій жемчуголовъ, онъ не заботится о завтрашнемъ днѣ, зная навѣрно, что его всегда обогатитъ сама стихія: стоитъ лишь нырнуть въ пучину поэзій, чтобы вынести со дна ея столько безцѣнныхъ перловъ, сколько захватитъ рука. Молодой Языковъ воспѣваетъ благодатный хмѣль, восторги сладострастныхъ ночей, праздное вакхическое безумство; въ блаженномъ восторгѣ онъ готовъ, кажется, обнять весь міръ. Совсѣмъ не тотъ поэтъ предстанетъ намъ во второй половинѣ жизни, когда грозно потребовала у него отчета за каждое потерянное мгновенье неумолимо-суровая судьба. Нѣтъ и помину о разгульномъ хмѣльномъ титанѣ: передъ нами смиренно кающійся, разслабленный, бѣдный грѣшникъ, пытающійся живое вино вдохновеннаго безпутства подмѣнить мертвою водою бездушной святости; въ отчаяніи переходитъ онъ отъ полубезнадежной увѣренности въ пользѣ мазей и гомеопатическихъ крупинъ къ самообману мистическаго надрыва. На Языковѣ оправдалась мудрѣйшая поговорка: *mens sana in corpore sano*. Страшная хворь въ буквальномъ смыслѣ переломила богатыря. Перегнувъ его пополамъ и заставивъ бродить на костыляхъ, она раздвоила и поэтическое его сознаніе.

Питомецъ черноземныхъ Симбирскихъ угодій, Николай Михайловичъ Языковъ родился 4 марта 1803 года въ Симбирскѣ. Младен-

чество и первое дѣтство его протекли въ родовомъ имѣніи, селѣ Языковѣ, въ обычныхъ условіяхъ тогдашняго помѣщичьяго быта. Въ эту именно пору взяли начало и укоренились въ Языковѣ безсознательная любовь къ родинѣ и къ великорусской природѣ Волжскихъ береговъ, отразившаяся въ стихахъ его; деревенская привольная жизнь свободно лелѣяла въ душѣ поэта мечтательную безпечность и мягкую всензивную лѣнь.

Рано лишился родителей, Языковъ ребенкомъ поступилъ на попеченіе двухъ своихъ старшихъ братьевъ, Петра и Александра. По ихъ стопамъ, одиннадцатилѣтній Николай Языковъ въ 1814 году опредѣляется въ Горный корпусъ; плохо лады съ математикой и, по окончаніи шести общихъ классовъ, перейдя въ первый специальный, онъ оставляетъ корпусъ въ 1821 году. Еще когда ему было всего шестнадцать лѣтъ, появляется въ печати первое его стихотвореніе „Къ А. К—у“ (Кулибину) ¹⁾ и съ этихъ поръ начинается его литературная извѣстность. Въ 1822 году Языковъ записывается въ студенты Дерптскаго университета, который въ тѣ времена сохранялъ еще во всей первобытной свѣжести духъ и уставы студенческихъ корпорацій, съ ихъ театральными обрядами и маскарадною пестротой костюмовъ. На первыхъ порахъ юный баричъ-волгарь горячо принимается за науку и усердно сидитъ надъ изученіемъ исторіи, нѣмецкаго языка и древнихъ литературъ. Это порывистое, какъ бы безпредметное рвеніе, обусловленное запасомъ безцѣльно кипящихъ, неприменимыхъ ни къ какому практическому дѣлу силъ, почти всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ людей неустойчивыхъ и слабыхъ. Такъ было и съ Языковымъ: придуманное имъ для себя школьное испытаніе быстро смѣнилось усталостью и недоверіемъ къ труду. Изъ всѣхъ его прилежныхъ занятій ровно ничего не вышло, а въ поэзіи изученіе исторіи сказалось лишь нѣсколькими напряженными и слабыми попытками въ эпическомъ родѣ.

Въ слѣдующемъ году Языковъ попадаетъ въ тѣсный кругъ разгульныхъ Дерптскихъ буршей и на цѣлыя шесть лѣтъ съ головой погружается въ міръ необузданнаго веселья и непрерывныхъ кутежей. Отсюда, въ струяхъ вина и пунша, черпаетъ онъ совсѣмъ инныя, новыя впечатлѣнія, навсегда закрѣпленныя въ его стихахъ и прославившія имя Языкова, какъ пѣвца пировъ и хмѣля. „Чудное пьянство“ (выраженіе самого Языкова) захватило нѣжнѣйшую пору духовнаго цвѣтенія поэта; оно безъ остатка пожало побѣги его таланта. Слѣдуетъ ли намъ сожалѣть объ этомъ? Нѣтъ, потому что иначе поэтъ могъ бы навсегда остаться геллертеромъ-стихотворцемъ,

¹⁾ Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія. 1819 г. ч. VI, № 4.

продолжая благополучно сочинять историческія баллады. Дерптскіе кутежи вывели Языкова на самостоятельный, единственно ему нужный путь; они дали таланту его, ежели не свободу, то подобіе свободы; имъ мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ Языкова-поэта. Замѣчательная и въ высшей степени характерная черта въ Языковѣ, что онъ пьетъ, неистовствуетъ и прожигаетъ юность не почему-нибудь, не „съ горя“, какъ Полежаевъ и не „на радости отъ своего будущаго“, какъ думалъ про него Гоголь, а просто „такъ“, потому что судьбѣ угодно было забросить его въ Дерптъ, а въ Дерптѣ счастливый случай помогъ ему сойтись съ кружкомъ веселыхъ студентовъ. Думается, что ежели бы Языковъ попалъ въ іезуитскій пансіонъ или въ Царскосельскій лицей или бы остался проживать у себя въ деревнѣ, подъ ферулою строго любившихъ его братьевъ, онъ съ одинаковой легкостью воспріялъ бы и соотвѣтственный образъ жизни. Неустойчивая натура его ничего не требовала для себя и пассивно подчинялась обстоятельствамъ. Въ этомъ коренное его отличіе отъ товарищей-буршей, которые, отпиравъ университетскую пору и во-время опохмѣлясь и перебѣсившись, превратились вдругъ въ аккуратнѣйшихъ и трезвѣйшихъ филлистеровъ-трудолюбцевъ. Языковъ какъ будто рожденъ былъ для того только, чтобъ яркимъ метеоромъ пролетѣть и разсыпаться надъ долиной юности огненными стихами; внѣ очарованій хмѣля, молодости и силы, поэзія его бѣдна.

По установившемуся издавна мнѣнію, въ новѣйшей русской литературѣ Языковъ считается однимъ изъ крупнѣйшихъ свѣтилъ пушкинской плеяды. Въ Музѣ его находятъ черты, родственныя Музѣ Пушкина. А между тѣмъ, какъ это ни странно, Языковъ изъ всѣхъ своихъ сверстниковъ наиболѣе былъ чуждъ и даже враждебенъ Пушкину. Натурѣ его свойственъ нѣкоторый отвлеченный ригоризмъ; недаромъ тургеневскій Потугинъ въ „Дымѣ“ упоминаетъ о „поэтѣ Языковѣ, который воспѣвалъ разгуль, сидя за книгой и кушая воду“. Замѣчаніе это вѣрно опредѣляетъ головной характеръ поэзіи Языкова. Въ историческомъ отношеніи онъ, конечно, принадлежитъ всецѣло знаменитому созвѣздію. Пушкинъ первый призналъ начинающаго поэта, первый искалъ съ нимъ познакомиться, а въ 1826 году писалъ о немъ Вяземскому: „Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. Аминь, аминь, глаголю вамъ. Онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ“. Самъ же Языковъ духовно всегда отвращался отъ Пушкина; звѣзда его явно склонялась по другой орбитѣ и впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, онъ сталъ спутникомъ совсѣмъ иного свѣтила. Истинное отношеніе Языкова къ великому поэту выразилось въ слѣдующихъ отрывкахъ изъ его пи-

семь: „Я читалъ въ спискѣ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ Пушкина. Эта поэма едва ли не худшая изъ всѣхъ его прежнихъ. Есть нѣсколько стиховъ прекрасныхъ, но вообще они какъ-то вялы, невыразительны и даже не такъ гладки, какъ въ другихъ его стихотвореніяхъ“. — „Онѣгинъ“ мнѣ очень, очень не понравился. Думаю, что это—самое худое изъ произведеній Пушкина“. — „Вторая глава „Онѣгина“ не лучше первой! То же отсутствіе вдохновенія, та же ригированная проза“¹⁾. Эти отзывы разрушаютъ литературную легенду о мнимыхъ отношеніяхъ Языкова къ Пушкину, какъ младшаго поэта къ старшему, какъ робкаго поклонника къ могучему таланту. Языковъ никакъ не понималъ, что застольный пѣвецъ-менестрель и вссобъемлющій геній — не одно и то же; наивное самомнѣіе позволяло ему совершенно искренно равнять себя съ Пушкинымъ. Посѣтивъ опальнаго поэта въ 1826 году, Языковъ вынесъ изъ Михайловскаго въ качествѣ наиболѣе яркаго воспоминанія одну лишь картину жженки, устроенной для него Пушкинымъ. Въ общемъ, отношенія Пушкина къ Языкову никогда не шли далѣе случайныхъ встрѣчъ и поклоновъ. Причинъ къ болѣе прочному сближенію у нихъ не нашлось, и падкій на „дружбу“ Пушкинъ, продолжая восхищаться посланіями молодого поэта, до конца дней остался съ Языковымъ на „вы“, не находя о чемъ бесѣдовать съ нимъ даже въ перепискѣ.

Хмѣльные излишества и забавы юныхъ Дерптскихъ дней не прошли безнаказанно для здоровья Языкова и тяжкимъ бременемъ легли на беззаботныя его плечи. Болѣзнь принесла поэту горькое похмѣлье. Уже въ 1826 году замѣчаются у него первые признаки сухотки, сведшей его черезъ двадцать лѣтъ въ преждевременную могилу. Вначалѣ болѣзнь не особенно давала о себѣ знать, такъ что покинувшій въ 1829 году Дерпт Языковъ готовился даже сдать экзаменъ при Московскомъ университетѣ, но изъ этой послѣдней попытки серьезно заняться, какъ и изъ всѣхъ предшествующихъ, ничего не вышло. Университета Языковъ не окончилъ. Чтобы получить необходимый, по тогдашнимъ понятіямъ, для дворянина первый чинъ, онъ поступаетъ въ Межевую канцелярію канцеляристомъ и отсюда выходитъ въ 1833 году въ отставку съ чиномъ коллежскаго регистратора. До 1838 года Языковъ живетъ у себя въ Симбирской деревнѣ съ братьями, изрѣдка наѣзжая въ Москву къ врачамъ и обмѣниваясь съ сосѣдомъ, Денисомъ Давыдовымъ, стихами и гомеопатическими совѣтами. Этотъ періодъ его жизни (конецъ тридцатыхъ годовъ) бѣденъ творчествомъ: неумолимая болѣзнь все ярост-

1) В. Шенрокъ. Н. М. Языковъ. 1803 — 1846 г. Біографическій очеркъ. Вѣстникъ Европы. 1897 г., № 11, стр. 162—3.

нѣе начинаетъ наступать на бѣднаго поэта. У него отнимаются ноги; сгорбленный, мучимый одышкой, онъ по настоящему совѣту врачей (въ числѣ ихъ былъ знаменитый Иноzemцевъ, товарищъ Языкова по Дерпту) отправляется лечиться за границу: въ Маріенбадъ и Ганау, а оттуда въ Гастейнъ. Пять лѣтъ протерпѣлъ Языковъ въ „Нѣмци“, скитаясь по курортамъ и тщетно надѣясь на выздоровленіе; нѣкоторое время жилъ онъ съ Гоголемъ въ Римѣ. Онъ продолжалъ писать и печатать стихотворенія, но это былъ уже не прежній Языковъ. Въ новыхъ стихахъ его, говоритъ Гоголь, „раздались скучанія среди нѣмецкихъ городовъ, безучастныя записки разъѣздовъ, перечень однообразно-страдальческаго дня“. Въ это-то время особенно сближается онъ съ Гоголемъ. Гоголь становится его лучшимъ другомъ, учителемъ въ творчествѣ и наставникомъ въ жизни. Особыя обстоятельства помогли ихъ сближенію.

Читателямъ гоголевской „Переписки съ друзьями“ не разъ, вѣроятно, приходилось отмѣчать необычайное предпочтеніе, оказанное Гоголемъ поэту-Языкову. Высокое мнѣніе о немъ Гоголь усиленно старается укрѣпить въ читателѣ то словами Пушкина, будто бы заплакавшаго при чтеніи языковскаго посланія Давыдову, то авторитетнымъ отзывомъ Жуковскаго, признавшаго „Землетрясеніе“ лучшимъ изо всѣхъ русскихъ стихотвореній. Гиперболическій характеръ многихъ мѣстъ „Переписки“, разчитанной авторомъ на широкій кругъ читателей, еще недавно былъ отмѣченъ однимъ изъ нашихъ словесниковъ, по поводу происхожденія извѣстной піэсы Пушкина „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“. Исторія этого стихотворенія краснорѣчиво, но фактически-невѣрно рассказана Гоголемъ въ извѣстномъ письмѣ къ Жуковскому „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“; тѣмъ же тономъ, говоритъ Гоголь и о Языковѣ, которому посвящено въ „Перепискѣ“ особо три письма. Черезчуръ восторженные отзывы Гоголя объ языковскихъ стихахъ, разумѣется, обязаны своимъ появленіемъ не столько личной дружбѣ, связавшей Языкова съ авторомъ „Переписки“, сколько знаменательному совпаденію въ ихъ жизненныхъ устремленіяхъ и духовныхъ порывахъ. Общность настроенія въ обоихъ писателяхъ сказалась особенно ярко въ половинѣ сороковыхъ годовъ, предъ самой смертью Языкова. Гоголь, въ то время уже больной, начиналъ постепенно задыхаться подъ чернымъ покровомъ мистической ипохондріи; готовя „Завѣщаніе“, онъ проповѣдывалъ, что болѣзни благотѣльны и нужны. Изнеможенный, отчаявшійся въ исцѣленіи, одною ногой стоящій въ гробу, Языковъ сдѣлался для Гоголя лучшимъ собесѣдникомъ и другомъ; сѣмена „Переписки“ падали на умирающаго поэта, какъ на плодотворную почву. Подъ вліяніемъ Гоголя онъ отрѣшается отъ прежнихъ вдох-

новений и начинаетъ писать стихотворенія преимущественно на религиозныя и моральныя темы, представляя ихъ всякій разъ на судъ своему новому другу. Мы только что упоминали о „Землетрясеніи“, которое Жуковскій, а за нимъ Гоголь признали первымъ стихотвореніемъ на Руси. Конечно, не поэтическими достоинствами „Землетрясенія“ увлеченъ былъ Гоголь. Новые звуки, срывавшіяся со струнъ Языкова, потрясали мрачную душу страдающаго Гоголя; слушая ихъ, находилъ онъ въ поэзіи Языкова созвучіе своимъ одинокимъ воплямъ и не замѣчалъ, что прислушивается къ собственному поэтическому эху.

Такимъ образомъ, Языковъ на роковомъ перевалѣ своей долгой жизни сознательно перешелъ отъ Пушкина къ Гоголю. Человѣческая немощь перестроила налаженныя Аполлономъ струны вакхической лиры. Въ Языковѣ, наперсникъ Гоголя, ничего ужъ не оставалось, что напоминало бы намъ Языкова временъ пушкинскихъ. Къ той же порѣ, то-есть къ началу сороковыхъ годовъ, надо отнести формальный переходъ Языкова въ лагерь славянофиловъ. Впрочемъ, славянофильство нашего поэта, въ 1843 году навсегда переселившася въ Москву, врядъ ли имѣло подъ собой какое-нибудь идейное основаніе внѣ родства съ А. С. Хомяковымъ и дружбы съ Аксаковыми, Кирѣевскими, Максимовичемъ, Погодинымъ, Шевыревымъ и другими, равно близкими ему и Гоголю ¹⁾. Всѣмъ имъ Языковъ посвящаетъ обширныя посланія — родъ творчества, особенно имъ любимый, — а на враговъ-западниковъ, Грановскаго и Чаадаева, мечетъ грозныя стрѣлы, въ родѣ знаменитаго памфлета „Къ не нашимъ“ ²⁾.

¹⁾ Сестра Языкова, Екатерина Михайловна, была замужемъ за Хомяковымъ. Славянофильскія симпатіи пробиваются у Языкова еще въ Дерптѣ. Вотъ что писалъ онъ тогда: „Если бы я былъ Императоръ Россійскій, я бы заставилъ ихъ (Дерптскихъ нѣмцевъ) пить квасъ и ѣсть русскіе блины, и ходить въ русскую церковь, и говорить по-русски, да обрусятъ и да принадлежать вовсе къ огромному государственному тѣлу Россіи“. (В. Шенрокъ. Н. М. Языковъ. 1803 — 1846. Біографическій очеркъ. „Вѣстникъ Европы“ 1897, № 11, стр. 161).

²⁾ Въ 1845 году Гоголь писалъ Языкову: „Самъ Богъ внушилъ тебѣ прекрасныя и чудныя стихи „Къ не нашимъ“. Душа твоя была органъ, а бряцали на немъ другіе персты. Они еще лучше самого „Землетрясенія“ и сильнѣе всего, что у насъ было написано доселѣ на Руси. Больше ничего не скажу покамѣстъ, а спѣшу послать къ тебѣ только эти строки. Затѣмъ Богъ да хранить тебя для разума и вразумленія многихъ изъ насъ“. Истинное понятіе объ отношеніи Гоголя къ Языкову даютъ слѣдующія слова Панаева: „Гоголь замѣтилъ (въ разговорѣ), что безъ всякаго сомнѣнія первый поэтъ послѣ Пушкина — Языковъ, и что онъ не только не уступаетъ самому Пушкину, но даже превосходитъ его иногда по силѣ, громкости и звучности стиха“. (И. И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. СПб. 1876, стр. 161).

Въ послѣднихъ произведеніяхъ стихъ Языкова, замѣтно ослабѣвая, пріобрѣтаетъ какой-то приторный привкусъ, напоминающій слегка тонъ гоголевскихъ нравоученій.

Даже въ письмахъ Языковъ начинаетъ подражать Гоголю. Вотъ отзывъ его о „Таранасѣ“ графа В. А. Соллогуба: „Много въ немъ хорошаго, много дѣльныхъ намековъ, но нѣтъ духа Божія, который бы одушевлялъ все цѣлое. Есть и нечистота въ мнѣніяхъ. Конечно, это плодъ Вавилонскаго воззрѣнія на Россію, очень естественнаго у человѣка, возмужавшаго въ ономъ 'омутѣ теченія, въ ономъ пѣвочномъ депѣ вся Россія“.

Первая горячка ускорила смерть Языкова. Онъ умеръ 26 Декабря 1846 года ¹⁾.

Мы уже говорили объ особенностяхъ чисто-русской природы Языкова, безконечно лѣнливой и тяжелой на подъемъ. Въ стихотвореніяхъ его она сказалась вполне. Умственный строгій трудъ съ его дисциплиною былъ ему не то, чтобы недоступенъ, а какъ то не нуженъ, въ родѣ того, какъ Петрушѣ Гриневу не нуженъ былъ Мысль Доброй Надежды, а ежели и нуженъ, то развѣ только для того, чтобы придѣлать къ нему мочальный хвостъ. Языковъ могъ жить лишь непосредственнымъ чувствомъ, претворяя въ стихи лѣтѣнія надъ головою мгновенья. Людямъ, подобнымъ ему, живущимъ изо дня въ день, въ сущности никогда ничего не нужно, хотя сами они почему то всегда пытаются увѣрить себя и другихъ въ противномъ. Языковъ все, что ему казалось необходимымъ сдѣлать, откладывалъ исполненіемъ до завтра и, проживъ нѣсколько лѣтъ съ нѣмцами, такъ и не умѣлъ усвоить ихъ мудрости о завтрашнемъ днѣ. Всею своею жизнью онъ подтвердилъ, что ни Горный корпусъ, ни Дерптскій университетъ ровно ни на что не были ему нужны. Ученье являлось для него скучной повинностью; онъ принуждалъ себя насильно глотать книжныя пилюли, а духовному его организму не было отъ нихъ ни вреда, ни пользы. Острота его природнаго ума сосредоточилась вся на вспышкахъ чувства. Невозможно вообразить Языкова не только въ роли критика или беллетриста, но вообще пишущимъ что-нибудь „серьезное“, безразлично о чемъ, о сельскомъ ли хозяйствѣ или о литературѣ, какъ невозможно представить его бесѣдующимъ, положимъ, съ Герценомъ. Критическія сужденія его поражаютъ своею дѣтскостью; образцы ихъ мы уже

¹⁾ Въ предсмертномъ бреду Языковъ спрашивалъ окружающихъ, вѣрятъ ли они воскресенію мертвыхъ. Очнувшись наканунѣ смерти, онъ самъ заказалъ повару блюда для поминальнаго обѣда. Могила Языкова въ Даниловомъ монастырѣ, между могилъ Гоголя и Хомяковыхъ.

приводили выше. Въ Языковѣ совсѣмъ не было той прирожденной зрѣлости мысли, того мужества ума, которое поражаетъ насъ въ лицезрѣніи Пушкинѣ, оспаривающемъ историографа Карамзина. Въ своихъ пѣсняхъ Языковъ межъ дѣтей ничтожныхъ міра, дѣйствительно, всѣхъ ничтожнѣй, какъ самый обыкновенный недоучившійся недоросль.

1911

КАРОЛИНА ПАВЛОВА.

Современному читателю имя Каролины Павловой говорить не много. Уже лѣтъ за тридцать до смерти (она скончалась въ 1893 году, почти девяноста лѣтъ) ее постигло полное и вполне заслуженное забвеніе.

Правда, было время, когда имя Павловой не сходило со страницъ лучшихъ русскихъ журналовъ, и стихотворенія ея имѣли своихъ читателей: время это — середина сороковыхъ годовъ, „полночь крѣпостного права“. Въ ту пору всякое явленіе литературной жизни казалось поневолѣ значительнымъ; общество, оторванное отъ дѣятельности, болѣзненно сосредоточивало вниманіе на литературныхъ свѣтилахъ, готовое даже незначительную звѣздочку принять за огромную планету. Подобное явленіе можемъ мы замѣтить и въ позднѣйшую пору, ежели вспомнимъ, какое повышенное любопытство проявлялось у насъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ къ забытымъ поэтамъ въ связи съ вопросами о тайнахъ стихосложенія и стихотворства.

Преувеличенное увлеченіе второстепенными поэтами старыхъ годовъ, выродившееся въ какой-то модный спортъ, давно ужъ пора оставить. Въ самой основѣ этого увлеченія лежитъ ложный принципъ. Ежели забываются люди, дѣла и стихи, значить, они это свое забвеніе заслужили, и стараться ихъ воскресить будетъ бесплоднымъ трудомъ. Ничуть не хуже (а часто и лучше) Павловой сочиняли стихи Ѡ. Глинка, Шевыревъ, гр. Е. Ростопчина, Подолинскій, и многіе другіе, а между тѣмъ всѣ они забыты и не нужны читателю. Въ этомъ сказалось великое и благодѣтельное равновѣсіе исторіи, непреложность ея законовъ. Наоборотъ: никогда не забудутся Лермонтовъ, Тютчевъ, Некрасовъ. Въ нихъ ароматъ и сокъ ихъ эпохи, благоухающее поэтическое вино. Вкусившему этого вина мало отрады

принесеть слащавый лимонадъ второстепенныхъ стихотворцевъ. Правъ былъ Майковъ, сказавшій:

Народу мнѣ и дорогъ тотъ,
Кто спать въ немъ мысли не дасть.

Пробуждающіе въ народѣ мысль (чувство, вдохновеніе, силу) не нуждаются въ томъ, чтобъ о нихъ напоминали.

Творчество Каролины Павловой, чуждое дѣйствительности и жизни, есть совершенно мертвое бумажное творчество. Ни капли крови, ни признака души. Одни чернила да типографскій свинецъ. Въ этомъ отношеніи Павлова является прародительницей нашихъ современныхъ эстетовъ. Ея не привлекаетъ кипящая у нея передъ глазами жизнь, она хватается за огромныя міровыя темы, мечется въ пространствахъ тысячелѣтней исторіи, тщетно надѣясь населить свое скудное воображеніе образами виѣшняго міра.

Въ ней нѣтъ ничего самобытнаго, ничего такого, чтобы заставило читателя задуматься или вздрогнуть. Глубоко не національная писательница! Въ этомъ неповинно, конечно, ея иностранное происхожденіе: мало ли было у насъ поэтовъ съ нерусскою кровью въ жилахъ. Несчастье Павловой заключалось не въ этомъ. Судьбой былъ отпущенъ ей огромный умъ и ни на грошъ поэзіи.

Признаки умнаго, но бездарнаго существа Павлова обнаружила уже на зарѣ своей долгой жизни. У нея есть способности ко всему понемножку: она рисуетъ, пописываетъ стихи, говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ, занимается астрономіей. Ко всему этому надо присоединить вѣчную восторженность и способность надоѣдать друзьямъ и знакомымъ постояннымъ чтеніемъ своихъ стиховъ. Современники бѣгали отъ нея, свидѣтельствуя въ извѣстныхъ намъ мемуарахъ о боязни быть отчитанными заживо. Замѣчательно, что хвалили Павлову или люди, мало свѣдущіе въ поэзіи, или такіе же риторы-стихотворцы, какъ она.

И онъ пошелъ — и бездны влага
Въ сплошной сливалась кристалль,
И тяжесть твердаго онъ шага
На зыбки воды упиралъ.
Но бурный вѣтръ взорвалъ пучину,
И въ немощи душевныхъ силъ,
Онъ, погибая, Дѣвы къ Сыну
Молящимъ гласомъ возопилъ.

Какой деревянный и въ то же время вялый стихъ! Мѣстами въ немъ чувствуется паеосъ, но паеосъ этотъ разсудочный, напускной. Многіе образы избиты: „бездна очей“, „густая мгла очей“; часто встрѣчаются безвкусные стихи: „вездѣ есть небо надъ главою“,

„столпъ лишь огненный стоитъ“, есть и сравненіе живой пѣсни съ электрической цѣпью, весьма знаменательное для Павловой и для стихотворцевъ ея породы.

Всю жизнь Павлова переходила отъ одного поэтическаго свѣтила къ другому, какъ бы надѣясь дружбой съ истинными поэтами восполнить природный свой недостатокъ. Въ юности она была помолвлена съ Мицкевичемъ, но великій поэтъ быстро охладѣлъ къ своей невѣстѣ. Счастливѣе была дружба Павловой съ Языковымъ, болѣе родственнымъ ей по духу.

Какъ въ жизни, такъ и въ творчествѣ Павлова искала чужихъ отраженій, чужого огня и свѣта, и всѣ европейскіе поэты дали ей, каждый понемногу, отъ своего богатства. Думается, что переведенная на иностранные языки, Павлова могла бы имѣть въ Европѣ болѣе успѣхъ, чѣмъ дома. Менѣе всего приложимо къ ней изреченіе о поэтѣ, пьющемъ изъ небольшого, но собственнаго стакана: всю жизнь она прихлебывала изъ чужихъ гигантскихъ сосудовъ.

1915

О РОМАНТИЗМЪ У ГОГОЛЯ.

У насъ принято говорить о великихъ писателяхъ только по поводу ихъ рожденія или смерти. Въ этихъ случаяхъ говорится и вспоминается все, что хотя бы отдаленно можетъ быть приурочено къ торжеству.

Также точно почтили мы и столѣтіе Гоголя. Сотрудникъ одной Московской газеты нарочно ѣздилъ ко Льву Толстому, въ Ясную Поляну, спрашивать графа, какого онъ мнѣнія о Гоголѣ, и получилъ въ отвѣтъ листъ бумаги съ обстоятельнымъ прописаніемъ пятерокъ и нулей, выставленныхъ Гоголю Толстымъ за „Переписку съ друзьями“.

Д. С. Мережковскій выпустилъ ко дню юбилея вторымъ изданіемъ обширное изслѣдованіе „Гоголь и чортъ“, озаглавивъ его на этотъ разъ просто „Гоголь“, хотя о самомъ Гоголѣ тутъ сказано меньше всего. Гдѣ-то въ пространствѣ, между отцомъ Матвеемъ и чортомъ, болтается на ниточкѣ жалкая фигурка Гоголя, распятого между двумя бѣсами, Чичиковымъ и Хлестаковымъ. Въ концѣ книги Гоголь Мережковскаго великолѣпно самосожигается въ черномъ пламени матвеевскаго изуверства. На самомъ же дѣлѣ, по рассказамъ очевидцевъ, Ржевскій протолопъ Матвѣй Константиновскій былъ вовсе не таковъ, какимъ рисуетъ его г. Мережковскій, и ужь, конечно, ни онъ не „убиваль“ Гоголя, ни Гоголь не былъ въ жизни чортоборцемъ. И отчего не взглянуть на Гоголя просто? У насъ все еще подходятъ къ нему съ разныхъ точекъ: то съ общественной, то съ мистической, то съ философской. Ему съ 1836 года и до нашихъ дней навязываютъ роль и значеніе, которыхъ онъ никогда не думалъ брать на себя. На самомъ дѣлѣ Гоголь, какъ это ни странно на первый взглядъ, былъ романтикомъ,

русскимъ романтикомъ тридцатыхъ годовъ. Наивнымъ, довърчивымъ романтизмомъ дышуть всѣ его первые черновые отрывки, юношескія повѣсти и статьи, не говоря уже о замѣчательномъ „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“, гдѣ Гоголь „въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости“. А сколько этой милой шиллеровщины разлито въ „Арабескахъ!“ Вспомнимъ хотя бы идеалистическіе вопли бѣднаго художника Пискарева, надъ судьбой несчастной красавицы („Невскій проспектъ“). А „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, и „Миргородъ“! Между тѣмъ, главное вниманіе читателей всегда устремлялось на „юморъ“, на „смѣхъ“ Гоголя. Какъ будто вослѣдъ наборщикамъ, смѣявшимся при печатаньи „Вечеровъ“, засмѣялась вся Россія и уже надолго ничего не увидѣла въ Гоголѣ, кромѣ „смѣха“.

Всю позднѣйшую русскую литературу („беллетристику“) у насъ привыкли выводить изъ Гоголя. Но ранній слогъ Гоголя, риторично-высокопарный, пустозвонный (выраженіе Никитенки), кажется устарѣлымъ даже для тридцатыхъ годовъ, послѣ „Повѣстей Бѣлкина“, наканунѣ „Капитанской дочки“. А по мнѣнію критики выходило, что до Гоголя у насъ какъ будто не существовало никакой художественной прозы, и что единственно Гоголю обязаны своимъ появленіемъ, не только Тургеневъ и Гончаровъ, но даже Рѣшетниковъ и Успенскій. Слѣдующая критика наша съ самаго начала проглядѣла подлинную сущность Гоголя, подмѣнивъ ее „гражданскимъ подвигомъ“, провозгласивъ Салтыкова прямымъ наслѣдникомъ и продолжателемъ „гоголевскихъ традицій“. Сравнить Гоголя съ Салтыковымъ — все равно, что ставить рядомъ имена Пушкина и Розенгейма. Кажется, уже всѣмъ набило оскомину вѣчное упоминаніе критиками заключительныхъ словъ „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, въ качествѣ характернаго будто бы перехода Гоголя отъ Пушкина къ... Салтыкову. Незлобиво-грустный смѣхъ Гоголя, добродушно подшутившаго надъ страстью Украинскихъ обывателей къ кляузничеству (черта, отмѣченная еще Нарѣжнымъ въ его повѣсти „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“), критика превратила въ угрюмый язвительный хохотъ, задушевное восклицаніе нѣжнаго поэта „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ выросло въ цѣлый боевой лозунгъ, какъ будто не тотъ же Гоголь писалъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ и „Тараса Бульбу“. Даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“ Гоголь остался прежнимъ романтикомъ, вопреки надеждамъ Бѣлинскаго и К. Аксакова, потому что вовсе не одно изображеніе пошлости Хлестаковыхъ и Чичиковыхъ было его конечною и главною мечтою — „мимо, мимо ихъ!“ — душою онъ все летѣлъ къ свѣтлымъ шиллеровскимъ „идеаламъ“, къ „правдѣ и

красотѣ" къ „высокому и прекрасному“. И вотъ, за „Ревизоромъ“ слѣдуетъ сентиментальный „Театральный разъѣздъ“ съ благороднымъ монологомъ автора о великихъ „побасенкахъ“, о „добромъ и свѣтломъ смѣхѣ“, а за первымъ томомъ „Мертвыхъ душъ“ — второй, гдѣ появились шиллероподобные Тѣтитниковы и Платоновы, добродѣтельные кулаки и милліонщики Костанжоглы и Муразовы и, наконецъ, самъ князь, одинъ изъ тѣхъ генераль-губернаторовъ, котормъ, по мысли Гоголя въ „Перепискѣ“, предстояла благая цѣль „возвратить все на свое мѣсто“ и возстановить во всей Россіи ея исконно-патріархальный бытъ.

Недаромъ, наконецъ, приняли Гоголя, какъ своего, въ свой тѣсный кругъ первые лебеди русскаго романтизма — Пушкинъ, Жуковский, Плетневъ, Языковъ — изъ нихъ съ тремя послѣдними Гоголь остался въ тѣсной дружбѣ до конца дней. Знаменательно и то, что самъ Гоголь пошелъ не къ западникамъ и славянофиламъ, пылко манившимъ и привѣтствовавшимъ его, а вернулся назадъ, къ пушкинскимъ истокамъ, гдѣ ему чужаясь подлинная, неискаженная теоріями, поэтическая правда. Пушкинъ, какъ заходящее солнце, освѣтилъ первые труды Гоголя. Онъ смѣялся надъ ссорой Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, но не залился бы Пушкинъ своимъ дѣтскимъ смѣхомъ надъ „Губернскими очерками“ Щедрина и не сообщилъ бы своихъ темъ желчному сатирику. Вѣчно чужды и враждебны другъ другу Пушкинъ и Салтыковъ и, любя одного, нельзя любить другого.

Въ области историко-литературныхъ изученій Гоголя у насъ имѣются сухіе, обстоятельно приготовленные препараты Тихонравова, добросовѣстный, но излишне и тупо умствующій трудъ Шенрока, наконецъ, филологическая отписка І. Мандельштама. Этимъ, кажется, исчерпывается все. Для большинства публики Гоголь навѣки застылъ подъ соусомъ шестидесятныхъ журналовъ. Подлинное лицо его до сихъ поръ остается никому неизвѣстнымъ, и въ нашемъ представленіи Гоголь напоминаетъ тотъ пошло-благообразный, прилизанный моллеровскій портретъ, который такъ любитъ публика и который на самомъ дѣлѣ лишенъ всякаго сходства съ Гоголемъ.

ТОЛСТОЙ И СМЕРТЬ.

„Герой, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — правда“. Такъ говорилъ о себѣ молодой Толстой. Правдой, неумолимой и яркой, явилась для него смерть; смерти обязанъ онъ сознаниемъ единственной вѣчной правды. Смерть всегда была любимѣйшимъ героемъ Толстого. Тѣнь смерти неуловимо, почти радостно, какъ дымъ, скользитъ на утрѣ его весеннихъ дней; черной тучей нависаетъ въ маревѣ жизненнаго полудня; бурей раздражается въ сумеркахъ и, надолго потомъ затихнувъ, вдругъ въ ночи разрываетъ старческое сердце внезапно сверкнувшей молнией. Самое чувство смерти, то ослабѣвая, то усиливаясь, никогда Толстого не оставляетъ.

Въ первой половинѣ творчества съ 1852 по 1860 годъ, — годъ смерти любимаго брата Николая, первой смерти, которую пришлось Толстому встрѣтить лицомъ къ лицу и которая въ жизни его и въ творествѣ имѣла значенье рѣшающаго перелома, — смерть встрѣчается у него въ каждомъ почти рассказѣ, какъ нѣчто неотвратимое, но еще не осознанное душою и не порождающее того мистическаго ужаса, которымъ дышитъ „Смерть Ивана Ильича“, этотъ апогеозъ неизбежности у Толстого. Умираютъ татап и Наталья Савишна въ „Дѣтствѣ“, бабушка въ „Отрочествѣ“, застрѣливается герой „Записокъ маркера“, въ „Трехъ смертяхъ“ умираютъ барыня, ямщикъ и дерево, въ „Казакахъ“, — абрекъ, въ „Севастопольскихъ рассказахъ“ гибнутъ одинъ за другимъ всѣ почти герои; наконецъ, вѣшается „Поликушка“ и зарѣзываютъ „Холстомѣра“. Но во всѣхъ этихъ спокойныхъ описаніяхъ совершенно отсутствуетъ страхъ смерти, а кончина Натальи Савишны, гибель дерева и смерть абрека изу-

мительной красотой своей вызываютъ въ читателяхъ умиленіе и восторгъ, какъ художественные образы, подчиненные извѣчному творческому закону. Совѣмъ иное отношеніе къ смерти замѣчается въ сочиненіяхъ второго періода (1861—1881 г.г.), начинающагося тотчасъ послѣ кончины брата, когда впервые почувшій глубину и ужасъ уничтоженія художникъ сознательно пытался высвободиться изъ желѣзныхъ его оковъ. „Война и миръ“ и „Анна Каренина“ — двѣ исполинскія ширмы, которыми пробуетъ Толстой оградиться отъ неизбежной смерти. Здѣсь поэтъ борется со смертнымъ человѣкомъ и силы ихъ еще равны. Какъ ни мрачны картины смерти въ обоихъ романахъ, все же они блекнутъ и теряются передъ свѣтлымъ торжествомъ жизни, любви, здоровья и семейнаго счастья. Зато въ произведеніяхъ послѣднихъ тридцати лѣтъ испуганный художникъ, опустивъ безсильно кисть и палитру, окончательно поработается человѣку, который тщетно хочетъ во что бы то ни стало оправдать смерть, доводами бѣднаго человѣческаго разума стремясь пересилить ея ужасъ ¹⁾. И чѣмъ дольше живетъ Толстой, тѣмъ чаще все говоритъ онъ о смерти, и громче и настойчивѣй проповѣдуетъ о ея безсиліи, желая упорно увѣрить въ немъ себя и другихъ.

Отношеніе къ смерти у разныхъ людей различно. Для иныхъ не столько ужасна самая смерть, сколько смертный страхъ. Всѣ люди безъ исключенія признаютъ смерть явленіемъ неизбежнымъ и заранѣе мирятся съ ея ударомъ, но смертный страхъ испытываютъ не всѣ. Людямъ среднимъ, наиболѣе приспособленнымъ къ жизни и составляющимъ главную толщу человѣчества, страхъ этотъ неизвѣстенъ: его заглушаютъ день за днемъ житейскія мелкія заботы, а инстинктивная живучесть изгоняетъ самую мысль о возможности небытія. Последнее кажется столь очевидной нелѣпостью, что человѣкъ до послѣдней минуты не вѣритъ въ свою смерть. Напротивъ, люди шагнувшіе за грань обычной „нормальной“ жизни, заглянувшіе по ту сторону ея и оттого утратившіе душевное равновѣсіе, подвержены чаще всего неодолимому страху смерти. Таковы почти всѣ таланты, эта совершенная порода смертныхъ людей, обладающихъ высшимъ духовнымъ даромъ. Кажется, сама жизнь, допустивъ человѣка заглянуть на мгновеніе въ свою тайну, взамѣнъ навсегда лишаетъ его спокойствія. Отличительная черта всякаго художественнаго таланта — его смущеніе передъ загадкой вѣчности, отягощающей его крылья. Не таковы гении; изрѣдка среди насъ проходятъ они, спокойные,

¹⁾ Замѣчательно при этомъ, что все, что съ немовѣрными муравьиными усилиями сооружаетъ человѣкъ, художникъ въ минуты прозрѣнія самъ разрушаетъ однимъ взмахомъ кисти („Смерть Ивана Ильича“).

безстрашные, будто созданные из несокрушимого вѣковѣчнаго металла; отъ природы чужда имъ смятенность смертныхъ, и оттого, при жизни его, не узнаемъ мы генія, смѣшиваемъ гостя земли со своимъ братьями; нездѣшнее спокойствіе полубога принимаемъ за безчувственность человѣка. Талантъ для насъ всегда ближе, понятнѣй и роднѣе генія: талантъ такой же смертный, какъ и мы, — а геній живетъ и умираетъ безъ смерти, то-есть не зная ея и не ощущая въ душѣ мучительнаго смятенія; вотъ почему онъ чуждъ намъ, какъ существо дѣйствительно безсмертное, вылетѣвшее сюда изъ другого міра, съ другой планеты. Отсюда вѣчное фатальное одиночество генія, которому просто скучно среди смертныхъ. Вѣрнѣе всего познается геній въ отношеніи своемъ къ смерти. Можно навѣрное утверждать, что Пушкинъ смертнаго страха не понималъ: онъ былъ ему отъ природы недоступенъ.

Геній за секунду до конца творить, повинуюсь высшему закону безсмертія, въ то время, какъ смертный, объятый несказаннымъ ужасомъ, забываетъ обо всемъ и воетъ безумно навстрѣчу хаосу.

„Мнѣ думается, что вы уже знаете то, что случилось. 20 Сентября онъ умеръ буквально на моихъ рукахъ. Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенъко подумать, что она всетаки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Никол. Никол. Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: „да что-же это такое“? Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужъ ежели онъ ничего не нашель, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше.

Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью лжи, самообмана, и кончится ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штука. Будь полезенъ, будь добродѣтель, счастливъ, покуда живъ, говорить люди другъ другу; и ты, и счастье, и добродѣтель, и польза состоятъ въ правдѣ. А правда, которую я вынесъ изъ тридцати двухъ лѣтъ есть то, что положеніе, въ которое мы поставлены ужасно ¹⁾. „Берите жизнь, какая она есть; вы сами поставили себя въ это положеніе“. Какъ же! Я беру жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую всетаки онъ любить лучше всего, что эта правда ужасна ²⁾. Что какъ увидишь ее хорошенъко, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: „да что же это такое“? Но, разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать,

¹⁾ Ср. слова Толстого о „правдѣ“ въ началѣ этой статьи.

²⁾ Ужасна, какъ смерть Ивана Ильича, духовнаго сына Толстого.

только не въ формѣ вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь" ¹⁾).

Такъ писалъ Толстой Фету въ самомъ расцвѣтѣ молодости и силы, въ 1860 году. Письмо, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Мгновеніе смерти Николая оказалось для Льва роковымъ расщепомъ, на двое расколовшимъ его душу. Смертный страхъ взвыль въ уши богатырю; легъ въ гробъ Святогоръ, и гробъ по нему пришелся. При всей своей тѣлесной могучести, даровавшей ему на рѣдкость долгую жизнь, Толстой духомъ такъ же бѣденъ и слабъ, какъ хилый Гоголь. Великій художникъ, всею мощью огромнаго таланта не могъ онъ преодолѣть смертной своей природы; вѣщій ужасъ, однажды вкравшись въ душу, овладѣлъ ей, мучилъ ее, пыталъ и опустошалъ до конца. Прежде всего страхъ вырвалъ изъ рукъ Толстого благословенное орудіе художника: лишилъ его творчество силы, превративъ искусство только въ прекрасную ложь. Толстой повисъ мучительно между небомъ и землей. Знаменательное сходство съ Гоголемъ! Гоголь, сжигающій второй томъ „Мертвыхъ душъ“ и Толстой, предающій проклятію бесполезное искусство; гоголевская „Переписка“ и толстовская „Исповѣдь“, — въ сущности это все то же отреченіе отъ жизни и искусства въ пользу смерти. Гоголь отъ Пушкина отвернулся къ отцу Матѳею, Толстой отъ Фета — къ г. Черткову. Оба они, и Гоголь, и Толстой, при концѣ дней своихъ явно бѣгутъ и чуждаются прежнихъ наставниковъ и друзей. Гоголь старается навязать Пушкину роль „христіанскаго поэта“; Толстой, нѣкогда восторгавшійся Фетомъ до „щипанья въ носу“ и взявшій для начала „Анны Карениной“ образцомъ пушкинскій отрывокъ, называетъ въ послѣдствіи того же Фета „сомнительнымъ стихотворцемъ“ и утверждаетъ, что народу „Пушкинъ нуженъ только на цыгарки“.

Гоголь вѣчно смѣялся, Толстой — плакалъ. Роковая неуравновѣшенность таланта, „повышенная чувствительность“, какъ сказалъ бы медикъ. Слезливость Толстого изумительна: глаза у него вѣчно „на мокромъ мѣстѣ“. Всякое событіе, будь то горе, радость, хорошіе стихи, вызываетъ у него слезы, и какъ родственна его слезливость гоголевской смѣшливости! ²⁾

„Смерть, неизбежный конецъ всего, въ первый разъ съ неотразимою силой представилась Левину. Онъ сидѣлъ на кровати въ темнотѣ, скорчившись и обнявъ свои колѣни и, сдерживая дыханіе отъ напряженія мысли, думалъ: „Да вѣдь я живъ еще. Теперь то что же дѣлать, что дѣлать?“ — воронилъ онъ съ отчаяніемъ. Онъ зажегъ свѣчу, и осторожно всталъ и по-

¹⁾ Любопытно, что письмо это писано апологету поэтической лжи.

²⁾ Зато безконечно далеки они отъ божественнаго звонкаго смѣха Пушкина, отъ ясной, мудрой серьезности Фета.

шелъ къ зеркалу и сталъ смотрѣть свое лицо и волосы. Да, въ вискахъ были сѣдые волосы. Онъ открылъ ротъ. Зубы задніе начинали портиться¹⁾.

Усилія Толстого спастись отъ страха смерти были колоссальны. Порой это ему почти удавалось. Творчество, Севастополь, семья, проповѣдь, физическій трудъ, постъ, молитва — чего-чего не пережилъ, не почувствовалъ онъ! Все, чѣмъ дышетъ человѣческая жизнь чѣмъ полнится и чѣмъ движется, — было ему знакомо и во всемъ искалъ онъ лишь одного: забвенія отъ стоявшей за плечами неизбѣжности. Послѣднимъ усиліемъ его было примириться со смертью, подчиниться ей. Смиренно и радостно твердилъ онъ всѣмъ послѣдніе два-три года жизни: „чѣмъ дольше живу, тѣмъ мнѣ радостнѣй, потому что все ближе къ смерти“. По виду спокойный, за своимъ „Кругомъ чтенія“, онъ увѣщеваетъ близкихъ не бояться. „Мнѣ не страшно“. Но смертный страхъ только притаился, выжидая, до той роковой ночи 28 Октября, когда восьмидесятидвухлѣтній поэтъ самъ прибѣжалъ на конюшню и трясущимися старческими руками помогаль кучеру запрягать лошадей.

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

Въ образѣ Толстого сошелъ въ могилу могучій талантъ, художникъ и мыслитель, оплакивать кончину котораго мы будемъ долго. Но, возвышаясь надъ нами несравненно, онъ все же плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашей, какъ Гоголь, какъ всякій человѣкъ, близкій намъ „по человѣчеству“, родной и милый своей человѣческой слабостью, неудачей своихъ исканій. Геній не знаетъ ни слабости, ни жалости; въ жизни онъ ничего не ищетъ, потому что знаетъ, что нечего искать. Таланты обречены на неслыханныя муки, какія въ слабѣйшей степени испытываемъ всѣ мы, „бѣдные жители земли“. Они снисходятъ до насъ, но ни имъ, ни намъ не возвыситься до геніевъ, которые также не могутъ спасти насъ отъ смертнаго страха, ежели бъ и хотѣли.

1911

¹⁾ Несомнѣнно, что все это впечатлѣнія самого Толстого передъ смертью Николая. (И Левина братъ — Николай). Лѣта Константина Левина совпадаютъ съ лѣтами Толстого въ 1860 году.

ОКЛЕВЕТАННЫЯ ТЪИИ.

„Александръ I“ Д. С. Мережковского едва ли не первый русскій романъ, гдѣ близкіе намъ по времени и по духу историческіе лица изображены не въ условныхъ, цензурою дозволенныхъ, положеніяхъ и позахъ, а въ частномъ и семейномъ ихъ быту, со многими тайными подробностями, недоступными до сихъ поръ печати. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, и способствовало успѣху романа среди читающей массы.

При наличіи нѣкоторыхъ достоинствъ, въ „Александрѣ I“ встрѣчаются обычные для историческихъ романовъ г. Мережковского недостатки, прочно укоренившіеся въ нихъ и давно уже всеми почти отмѣченные единодушно. Та же въ немъ несвязанность историческихъ условій съ законами художественнаго творчества, причемъ тѣ и другіе равно приносятся въ жертву извнѣ возникнувшей основной идеѣ. Романистъ и историкъ не сливаются въ одно цѣлое, а уподобляются сіамскимъ близнецамъ; на канвѣ романа явно выказываются бѣлая нитки. Упорная, почти навязчивая, какъ бредъ, идея, уже много разъ повторенная авторомъ за послѣдніе годы, вяжетъ романиста по рукамъ и ногамъ, а историка заставляетъ, можетъ быть противъ желанія, приписывать своимъ героямъ небывалые слова и поступки. Не довольствуясь теоретически изложенной въ ученіи своємъ идеей, г. Мережковскій во что бы то ни стало хочетъ оправдать теорію жизненнымъ опытомъ, облечь ее въ плоть и кровь. Современная, бѣгущая бурными потоками жизнь, никакимъ теоріямъ, конечно, не подвластна; отсюда историчность г. Мережковского: на развалинахъ прошлаго легче возвести башню теоріи; въ прошломъ всякій находитъ то, что ему близко. Но прошлое неумолимо мститъ за себя и романисту, погрѣшающему противъ исторической истины, неизбѣжно приходится поступаться и худо-

жественною правдой. Умышленный поворотъ исторической перспективы не такъ рѣзко замѣтенъ въ раннихъ произведеніяхъ г. Мережковского, пока онъ изображалъ далекія, чуждыя намъ по духу событія и лица. Не говоря объ „Юліанѣ Отступникѣ“, даже „Леонардо да Винчи“ почти исчезаетъ во глубинѣ временъ: на колеблющемся невѣрными тѣнями фонѣ старины воображенію писателя легко освѣтить и подчеркнуть излюбленные свои идеи. Но по мѣрѣ приближенія къ русской исторіи, начиная уже съ романа „Петръ и Алексѣй“, названные недостатки г. Мережковского выступили съ ужасающей яркостью.

Чѣмъ объяснить, что писатель немалого ума и обширныхъ познаній такъ безнадежно слабъ именно въ послѣднихъ, зрѣлыхъ своихъ книгахъ, которыя, казалось бы, должны быть сильнѣйшими изъ всѣхъ его произведеній? Невозможно, чтобы самъ онъ не сознавалъ своихъ недостатковъ. Въ сомнѣніяхъ по этому вопросу, перечитавъ сызнова огромный трудъ г. Мережковского, пришли мы къ выводу, что основная, ничѣмъ непоправимая бѣда заключается для нашего писателя въ одномъ роковомъ обстоятельстве, въ которомъ онъ не повиненъ. Дѣло въ томъ, что г. Мережковский — типичный иностранецъ, не по происхожденію, а по природѣ, сдѣлавшей его какъ бы помимо воли чужимъ Россіи. Какъ для всякаго природнаго иностранца, для г. Мережковского Россія въ ея основномъ и тайномъ, со всѣми ея темными кладезями и подспудными силами, не то, чтобы враждебна или не нужна, а просто недоступна и непонятна. На глубочайшія явленія русской жизни, на таинство ея духа г. Мережковский смотритъ глазами умнаго и наблюдательнаго иностранца; явленія эти живо интересуютъ его, онъ слѣдитъ за ними и просвѣщенно имъ сочувствуетъ, какъ Воюэ или Губернатисъ, но тамъ, гдѣ русскій человѣкъ заплакалъ бы отъ восторга или гнѣва и не нашелъ бы словъ, г. Мережковский достаетъ хладнокровно записную книжку и вноситъ себѣ на память фактъ. Отсюда у г. Мережковского, при отсутствіи способности къ „перевоплощенію“, склонность брать темы изъ различныхъ эпохъ и различныхъ странъ, отсюда одинаковое отношеніе, какъ къ Юліану, такъ къ Леонардо и Александру I.

Мертвой теоріей, общимъ методологическимъ приѣмомъ пытается г. Мережковский подмѣнить то, въ чемъ ему отказано отъ природы.

Идея „Александра I“ все та же, давно извѣстная: это развитіе ученія объ Антихристѣ.

Двоедушный, слабый, шатающийся безвольно, „въ лицѣ и въ жизни арлекинъ“, по выраженію Пушкина, внукъ Великой Екатерины

не удался совершенно г. Мережковскому; идея въ корнѣ погубила замысль романиста, и Александръ вышелъ неубѣдительнымъ и блѣднымъ.

Вообще, тенденція на каждомъ шагу безпощадно, въ зародышѣ, убиваетъ попытки автора художественно изображать людей людьми, природу природой. Въ Александрѣ I есть рядъ свѣжихъ образовъ, тонкихъ описаній — и это лучшія мѣста въ романѣ, но обиліе блѣдныхъ, придуманныхъ искусственно сценъ отпугиваетъ осторожнѣе шагающаго читателя. Ко внѣшнимъ недостаткамъ письма относятся: частое нагроможденіе опредѣленій (по три-четыре къ одному слову), повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, фразъ и даже событій. Мережковскій-художникъ танцуетъ всегда отъ печки. Императрицу Елисавету Алексѣевну заставляетъ онъ писать неизбѣжный дневникъ (такіе же точно дневники ведутся героями „Леонардо“ и „Петра“), по обыкновенію употребляетъ постоянныя антитезы, играетъ словами, а дѣйствующія лица всѣ говорятъ у него однимъ и тѣмъ же языкомъ, одинаково видятъ сны, сморкаются, обнимаются, плачутъ. Проникновенія въ эпоху, обаянія, духа ся, не чувствуется нисколько. Всѣ герои „Александра I“ современные, хорошо намъ всѣмъ извѣстные неврастеники и истерички. Легкая мѣстами стилизація и близость къ документальнымъ даннымъ не улучшаютъ дѣла. Развѣ тогдашніе люди такъ чувствовали и думали, такъ вѣрили и любили? Какая разница въ сравненіи съ „Войной и Миромъ“! Гр. Толстой однимъ взмахомъ художественной силы переноситъ насъ сразу въ подлинный Двѣнадцатый годъ, гдѣ видимъ мы и настоящаго Александра, и Аракчеева, и Сперанскаго, вѣримъ имъ и знаемъ, что, ежели описанное Толстымъ точно такимъ не было, то могло быть. Мережковскій же, при всѣхъ усиліяхъ соблюсти историческую точность, даетъ лишь блѣдную, разграфленную, вычерченную методически схему подъ узкимъ угломъ.

Люди, изображенные г. Мережковскимъ, мало что недостовѣрны и неубѣдительны: всѣ они сбиваются на шаржъ, на карикатуру; въ каждомъ преобладаетъ непременно одна какая-нибудь утрированная черта, придуманная къ тому-жъ не всегда удачно. Фотій — карикатура фанатизма, Аракчеевъ — жестокой скуки, Якубовичъ — лубочной романтики и т. д. Чтобы внѣшне какъ-нибудь отличить своихъ героевъ другъ отъ друга, г. Мережковскій навѣшиваетъ всѣмъ имъ еще особые памятные ярлыки: Фотій — хорекъ, Аракчеевъ — ночанка, Голицынъ — старая баба.

Не считаясь съ условіями историческими и бытовыми, г. Мережковскій строго и пристрастно судитъ знаменитыхъ нашихъ покойниковъ и, сажая ихъ подсудимыми на скамью современности, какъ бы

обвиняетъ въ томъ, что не читали они „Грядущаго Хама“. Геніальный Крыловъ изображенъ какимъ-то дурачкомъ и шуткомъ гороховымъ; Карамзину зачтено въ вину крѣпостничество; Жуковский — придворный подхалимъ и т. д. Лучшие люди Александровскаго времени, тѣ, о комъ ихъ младшіе современники вспоминали съ благоговѣніемъ и благодарными слезами (вѣдь въ обществѣ и подъ влияніемъ ихъ росъ и развивался Пушкинъ) — всѣ они, что называется, „подсалены“ г. Мережковскимъ.

А декабристы? Опротечиво-легкомысленный Рылѣевъ, пошлякъ-Бестужевъ, ограниченный Пестель, дикій Каховскій — всѣ они таковы, что заставляютъ невольно думать: конечно, декабрьскій бунтъ и не могъ кончиться удачно, ежели во главѣ его стояли такіе вожди.

Основная ошибка г. Мережковскаго при изображеніи декабристовъ заключается въ томъ, что онъ безъ критики довѣрился ихъ показаньямъ на слѣдствіи. По подлиннымъ актамъ извѣстно, что не всѣ декабристы проявили при допросѣ гражданское мужество и, поэтому, къ свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдуетъ относиться крайне осторожно. Слова, произнесенныя въ 1826 году, послѣ того какъ катастрофа уже совершилась, психологически невѣрны въ устахъ людей, вѣрившихъ въ успѣхъ заговора въ 1824 году.

Грубость (въ прямомъ смыслѣ) въ историческихъ романахъ г. Мережковскаго вообще не послѣднее занимаетъ мѣсто. Императрица Елисавета Алексѣевна и Софья Нарышкина (вряд-ли умѣвшая говорить по-русски) выражаются подчасъ болѣе чѣмъ неизящно. Нарышкина кричитъ нянькѣ: „умру, умру, подохну“... Она же употребляетъ современное вульгарное выраженіе „кормленіе звѣря“, умѣстное въ устахъ развѣ какой-нибудь чеховской акушерки, прошившей „дать ей атмосферы“. Эта грубость сообщаетъ инымъ мѣстамъ романа особенный какой-то тяжелый запахъ.

Тамъ, гдѣ дѣло касается историко-бытовыхъ подробностей, котрымъ г. Мережковскій придаетъ видимо важное значеніе, онъ громоздитъ ошибку на ошибкѣ. Начать съ того, что мелкія бытовыя подробности набраны отовсюду: изъ Грибоѣдова („эшарпъ“ и дальше, чтобы не такъ было замѣтно, „баржевый“), изъ Дениса Давыдова („да, поѣла таки сабля моя живого мяса, благородный паръ крови курился на ея лезвѣ“), изъ Тургенева (матерія „тру-тру“), изъ Некрасова („только примѣтно дыханье“) и т. д. Дабы не быть голословными, приведемъ для примѣра нѣсколько ошибокъ съ начальныхъ страницъ романа.

Описывается баснописецъ Крыловъ „въ поношенномъ фракѣ съ потускнѣвшей орденскою звѣздой“. Дѣло происходитъ въ 1824 году, а звѣзду (Станислава 2-й степени) пожаловалъ Крылову Императоръ

Николай Павловичъ только въ 1838 году при празднованіи баснописцемъ своего пятидесятилѣтняго юбилея.

Извѣстный поэтъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій никогда „княземъ“ не былъ.

М. Е. Лобанова звали Михаилъ Евстафьевичъ, а не Евграфовичъ, какъ называетъ его г. Мережковский.

Князь П. А. Вяземскій въ 1824 году приводитъ слова Пушкина: „чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ“, сказанныя Пушкинымъ на двѣнадцать лѣтъ позже, въ одномъ изъ писемъ къ женѣ.

Булгаринъ говоритъ: „я не трусь, а только двухъ вещей на свѣтѣ боюсь: синей куртки жандармской да таинной красной юбки“. Повидимому, автору неизвѣстно, что жандармовъ въ Россіи при Александрѣ I не было и что жандармскій корпусъ учрежденъ былъ Николаемъ Павловичемъ въ Декабрѣ 1826 года.

Императрица Елисавета Алексѣевна, обращаясь къ Жуковскому, называетъ его „ваше превосходительство“, тогда какъ этотъ титулъ поэтомъ былъ полученъ гораздо позже. „Словечко“ о Жуковскомъ — „славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное“ не Вяземскому принадлежитъ, а Пушкину.

Изъ чтенія „Александра I“, кромѣ вывода, что г. Мережковский не художникъ и не историкъ, выносишь еще, какъ это ни странно, убѣжденіе въ... несерьезности его работы. При всей глубокой идейности ея, слишкомъ уже чувствуется въ ней сухая книжность, и для тѣхъ, кто живетъ и подвизается подвигомъ житейскимъ, не нуженъ совсѣмъ этотъ теоретическій препаратъ. Знаменательно, что г. Мережковский въ сочиненіяхъ своихъ исходитъ всегда отъ чужихъ книжныхъ мыслей: ему нуженъ непременно эпиграфъ или какой-нибудь афоризмъ, чтобы отъ него оттолкнуться въ умствованіе, какъ отъ берега. Но книга всегда останется книгой и теоріи одной слишкомъ мало, чтобы заставить эту книгу ожить. Толстой и Достоевскій давали намъ хлѣбъ насущный и питается этимъ хлѣбомъ не одно уже поколѣніе. Мережковский же въ своихъ книгахъ даетъ только суррогатъ хлѣба, — кондитерскій, приторный пирогъ. Его можно, не безъ пріятности, ѣсть, запивая чаемъ, но питаться имъ и существовать нельзя.

НАСТОЯЩІЙ.

Знаменитый иѣкогда разсказчикъ, великій знатокъ родного быта, Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ высоко цѣнилъ оригинальный талантъ Писемскаго и знакомымъ своимъ всегда давалъ его читать, говоря:

— Почитайте, батюшка, настоящій...

Горбуновъ и самъ былъ настоящій художникъ. Наряду съ Островскимъ, Писемскимъ, Мельниковымъ и Лѣсковымъ, онъ останется въ литературѣ, какъ своеобразный большой талантъ, корнями вросшій въ глубину народнаго чернозема.

Для того, чтобы таланту стать „настоящимъ“ въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это Горбуновъ, мало въ совершенствѣ изучить литературную технику, мало постичь своеобразие народной рѣчи и научиться хорошо писать: надо умѣть воспитать и закалить себя въ условіяхъ непосредственной, свѣжей, общенародной жизни и даръ свой пронести невредимо сквозь пламенные бури, черезъ глухія дебри. Поприщемъ для такого писателя служить не библіотека и не письменный столъ, а сама жизнь. „Настоящій“ писатель совѣмъ не писатель только. И въ наши печальные дни, когда понятія литературныя и вкусы роковымъ образомъ спутались и смѣшались, когда бездушная сморщенная „стилизация“, а съ ней кустарная „беллетристика“ очаковскихъ временъ кощунственно посягаютъ быть творчествомъ, быть искусствомъ, — обязанность критики выдѣлать изъ массы суррогатовъ фабричнаго производства чистый и свѣжій, „настоящій“ хлѣбъ.

Цѣлый огромный уголь русской литературы — тотъ именно уголь, куда свалены, какъ старыя „запечатлѣнныя“ иконы, Писемскіе и Лѣсковы, куда значительной долей бытія своего отошелъ Достоевскій и куда всецѣло примыкаетъ Ремизовъ, не скоро еще дождется полнаго своего признанья. Когда возстанетъ, наконецъ,

изъ-подъ засыпавшаго ее пепла чужихъ словъ самодумная народная наша Лада, а привозное искусство будетъ сдано въ архивъ, — тогда лишь обернемся мы къ старой потемнѣлой божницѣ, будемъ учиться своему національному письму и бросимъ надоѣвшія намъ аляповатыя заграничныя фигурки „стиля модернъ“. Потому и былъ „настоящимъ“ Писемскій для Горбунова, что послѣдній, самъ величайшій знатокъ русской жизни и быта ея, во всемъ ея объемѣ, въ творествѣ Писемскаго видѣлъ огромное національное дѣло. Еще понятнѣе будетъ для насъ мнѣніе Горбунова, ежели мы вспомнимъ слова П. В. Анненкова въ воспоминаніяхъ его объ авторѣ „Плотничьей артели“:

„Все было въ немъ откровенно и просто. Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то диковинки и посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходятъ, бросивъ на нее взглядъ, а такой, которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ. Нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на память, захваченнаго со стороны въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума, и не обнаруживали никакого родства съ учениями и вѣрованіями, наиболѣе распространенными между тогдашними образованными людьми. Писемскій, напримѣръ, добродушно признавался намъ, что испытываетъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго побѣдить въ себѣ не можетъ. — Присутствіе иностранца, говорилъ Писемскій: — дѣйствуетъ на меня уничтожающимъ образомъ: я лишаюсь спокойствія духа и желанія мыслить и говорить. Пока онъ у меня на глазахъ, я подвергаюсь чему-то въ родѣ столбняка и рѣшительно теряю способность понимать его. — Порывшись немного въ наиболѣе рѣзкихъ мнѣніяхъ и идеяхъ Писемскаго, которыя мы обзывали сплошь парадоксами, — всегда отыскивались зерна и крохи какой-то давней, полунсчезнувшей культуры, сбереженной еще кой-гдѣ въ отрывкахъ простымъ нашимъ народомъ. Отъ нихъ несло особеннымъ ароматическимъ запахомъ развороченной лѣсной чащи, поднятаго на соху чернозема, всѣмъ тѣмъ, что французы называютъ *parfum de terroir* ¹⁾).

Вотъ этотъ-то *parfum de terroir*, наслѣдіе давней, своей, народной культуры, и не умѣла распознать и оцѣнить наша критика, всю тонкость обонянія своего источавшая на запахахъ чужеземныхъ цвѣтовъ, привезенныхъ къ намъ изъ-за моря, вырощенныхъ въ оранжереяхъ и пересаженныхъ потомъ на русскую почву. Ежели вспомнить, что почти вся старая литература наша, а съ ней и критика воспитались исключительно на европейскихъ образцахъ; что, не говоря уже о такихъ поэтахъ, какъ Батюшковъ или Жуковскій, самъ величайшій русскій поэтъ, наше чудо, полубогъ, Пушкинъ развилъ свои могучіе корни въ черноземѣ, удобренномъ эротикой Парни, подъ широколѣтвистой кроной Байрона; что и Лермонтовъ,

¹⁾ П. В. Анненковъ. Художникъ и простой человѣкъ. (Изъ воспоминаній о А. Ѳ. Писемскомъ). Полное собр. соч. А. Ѳ. Писемскаго. Томъ VIII. СПб. 1911.

и Тургеневъ, и Достоевскій, и Тютчевъ, и Фетъ, — всё они съ дѣтства дышали ароматомъ чужихъ полей, а истолкователь и апостолъ всёхъ ихъ, Бѣлинскій, былъ до мозга костей западникъ, гегельянецъ и фурьеристъ, ежели вспомнить все это, неудивительнымъ и понятнымъ станетъ, отчего „настоящiе“, выросавшіе прямо изъ родной земли таланты казались чужими, незаконными дѣтищами новой Петербургской культуры. Partum de ferro! черезчуръ уже билъ въ нось, заставлялъ отворачиваться, казался грубымъ. Въ „крохахъ полунисчезнувшей культуры“, о которыхъ говоритъ Анненковъ, усматривали черносотенную дикость, ту „змѣю невѣжества“, которую топчетъ на памятникѣ конемъ своимъ мѣдный Петръ; въ органическомъ отвращеніи къ иностранцамъ видѣлось челоуѣконенавистничество и китаизмъ до-Петровской Руси. Вотъ главная причина того, почему такіе огромные писатели, какъ Писемскій и Лѣсковъ, остаются въ тѣни.

Подобно имъ, особнякомъ и одиноко стоитъ Алексѣй Ремизовъ въ современной нашей литературѣ. На него у насъ смотрятъ все еще какъ на легкомысленнаго смѣшливаго балагура, какъ на поверхностнаго стилизатора-разсказчика съ примѣсю чуть не порнографіи, какъ на причудника, повѣствующаго о какихъ-то „тараканахъ“, о какихъ-то нелѣпыхъ „снахъ“. Даже въ „Прудѣ“ и „Часахъ“ отвыкиваю отъ изощренности художественнаго языка массу озадачивають прежде всего мелкія, второстепенныя подробности и детали, характерныя выраженія и словечки. Точно также была бы озадачена эта публика, ежели бы съ эстрады вмѣсто г. Сладкопѣвцева вдругъ началъ разсказывать И. Ѡ. Горбуновъ.

Время, въ которое мы живемъ, эпоха итоговъ по преимуществу, эпоха округленія и подсчета доставшагося намъ по наслѣдству отъ дѣдовъ и прадѣдовъ капитала. Въ творчествѣ Ремизова безсознательно для него самого подводится итогъ несмѣтному богатству тѣхъ писателей, къ которымъ онъ по устремленію своего таланта всего ближе подходитъ. Въ немъ, какъ лучи въ солнечномъ спектрѣ, соединяются убѣдительно-красочная изобразительность Лѣскова, кряжистость и „себѣ на умъ“ Писемскаго, житейская мудрость Островскаго, подъемъ и лиро-эпическая задумчивость Мельникова, точность и мѣткость Горбунова. Это не значитъ, разумѣется, что Ремизовъ подражаетъ кому-нибудь изъ этихъ писателей. Весь онъ самобытенъ и цѣленъ и сравнивать его хотя бы съ Лѣсковымъ также странно, какъ съ Достоевскимъ, которымъ переболѣлъ Ремизовъ въ раннихъ своихъ произведеніяхъ. Какъ стилистъ, онъ рѣшительно непереводимъ на иностранныя языки и, какъ талантъ, Европѣ чуждый и ненужный, заставляетъ вспоминать забытыя слова

Достоевскаго: „По - моему, переведите комедію Островскаго на нѣмецкій или французскій языкъ и поставьте гдѣ - нибудь на европейской сценѣ, — и я, право, не знаю, что выйдетъ. Что - нибудь, конечно, поймутъ, и, кто знаетъ, можетъ быть, даже найдутъ нѣкоторое удовольствіе, но, по крайней мѣрѣ, три четверти комедіи останутся совершенно недоступны европейскому пониманію. Все характерное, все наше національное, по преимуществу (а стало быть все истинно-художественное), по моему мнѣнію, для Европы неузнаваемо. Даже такъ, что чѣмъ крупнѣе и своеобразнѣе талантъ, тѣмъ онъ будетъ и неузнаваемѣе“¹⁾).

Ремизовъ, какъ художникъ, широкъ и многозвученъ. Даже очень сильные иногда таланты всю жизнь свою остаются на двухъ - трехъ нотахъ, не въ силахъ будучи выйти изъ круга однажды осѣнившихъ ихъ вдохновеній. Все сокровенное и явное даетъ свой отзвукъ въ душѣ Ремизова: и нестерпимый, нечеловѣчскій вопль страданія, и тихій лепетъ ребенка, и похабное ругательство, и шопоть влюбленныхъ, и кошмарный бредъ обреченнаго на муки безумія урода. Съ высоты лирическаго пафоса падаетъ онъ вмигъ въ тину ужасающей пошлости, въ низины презрѣнной „тараканьей“ жизни. Знаетъ онъ души людей, мечтающихъ о томъ, какъ „человѣческой жертвою, человѣческой мукой будетъ побѣжденъ старый міръ и настанетъ новый безсмертный міръ — рай земной“, и такъ же хорошо вѣдомы ему люди, для которыхъ высшее наслажденіе, а, пожалуй, и цѣль жизни — „чай пить“. Весь ужасъ насилія, пошлости, разврата, безстыднаго и въ безстыдствѣ неумолимаго, застылъ на ремизовскихъ страницахъ, и въ то же время никто еще, кажется, изъ русскихъ писателей не находилъ такихъ умилительныхъ чистыхъ словъ любви, милосердія и ласки. Ремизовъ заставитъ читателя трястись въ страхъ передъ неизбѣжнымъ, передъ высшей волей — и вдругъ напуганнаго, ошеломленнаго, унесетъ его въ міръ дѣтскихъ безмятежно - счастливыхъ грезъ, въ царство няининой свѣтлой сказки. Расскажетъ что - нибудь омерзительно - пакостное, чудовищное по пошлости, а потомъ заставитъ трепетать отъ восторга, когда съ благоуханныхъ страницъ „Посолони“ прольются дѣвственные дожди живой поэзіи. Поразитъ нелѣпницей и безумной чепухой „Сновъ“ и тутъ же покажетъ въявь, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, съ гоголевской настойчивостью, жизнь какого - нибудь Стратилатова, — „Неумянаго бубна“.

Къ жизни мучительный вопросъ предъявляетъ Ремизовъ: за что? Кто виновенъ въ томъ, что вершится въ мірѣ? Николай, герой

¹⁾ Э. М. Достоевскій. Дневникъ писателя, 1873 г. „По поводу выставки“ (Полн. собр. соч. Э. М. Достоевскаго, томъ X, СПб. 1883, стр. 78—9).

„Пруда“, сидя въ тюрьмѣ, задаетъ себѣ въ кошмарномъ бреду этотъ ужасный вопросъ.

И растравляя наболѣвшее и мучаясь сознаниемъ какой-то вины своей, увидѣлъ онъ собаченку Розика: Розикъ съ расшибленной лапкой служилъ передъ нимъ, а глаза его плакали. И Машку увидѣлъ онъ, Машку Пашкову: надсаживаясь и сопя, два утренныхъ отекихъ арестанта волокни ее за грязный обтрепанный подолъ, и, казалось, была она, такая хрупкая, непосильной тяжестью. Расцарапанными руками судорожно и пугливо прятала Машка истощенную худую грудь, глядѣла на него помертвѣвшими отъ боли глазами, и онъ будто плюнулъ въ ея помертвѣвшіе зрачки, плюнулъ отъ своей невыносимой боли, и ногу занесъ, чтобы, хоть какъ-нибудь, каблукѣ стереть этотъ укоръ: „Зачѣмъ такъ надругался надо мной?“ И мать свою увидѣлъ, Вареньку: шатаясь и подпрыгивая, шла Варенька, губы тряслись отъ слезъ, а онъ не протянулъ ей руку, не приласкалъ ее, рука его упала тяжелымъ ударомъ прямо ей въ спину, какъ тогда, въ тотъ день, какъ приходилъ о. Глѣбъ прудъ посмотреть. И, какъ тогда, поднялась Варенька и молча пошла, шла она, молила хоть каплю милосердія. И увидѣлъ онъ Евгения — Женю, на песокъ будто играютъ вмѣстѣ, и почувствовалъ, какъ въ сжатой горсти захрустѣлъ сухой песокъ. И какъ тогда - то, онъ прицѣпился и мѣтко пустилъ песку въ раскрытые больные глаза Жени, и видѣлъ глаза такіе грустные, беззащитные, и сыпалъ, и сыпалъ сухимъ пескомъ въ эту беззащитность и грусть. И тутъ же, опять будто Розикъ съ перешибленной лапкой служить, служить и смотреть, и плачетъ молча: „Чѣмъ же я - то виновать?“.

Себя самого виновнымъ передъ всѣми признаетъ Николай, какъ въ „Братяхъ Карамазовыхъ“ старецъ Зосима, но вотъ о томъ же спрашиваетъ монахъ - исповѣдникъ, отецъ Иларіонъ, увидавшій въ исполненіи воли Божьей предрѣшенную Богомъ злую гибель:

„Не могъ онъ понять и все спрашивалъ: какой же смыслъ человѣческихъ страданій? зачѣмъ человѣкъ обрекался на страданія? кому и для чего понадобились эти страданія? Вотъ онъ, старый, прожившій много лѣтъ въ монастырѣ, спасалъ себя и спасалъ другихъ, но онъ не помнитъ, забылъ, какъ спасалъ и какъ спасался, а забылъ потому, что прежде понималъ, а теперь не можетъ понять, какой смыслъ страданій его и тѣхъ людей, которые приходили къ нему, и зачѣмъ, и кому, и для чего страданія всѣхъ этихъ жалкихъ, плодящихся, какъ моль, ничтожныхъ жизней. Передъ нимъ проходили жизни, Боже мой, какія калѣчные! — и онъ не видѣлъ имъ оправданія, и просилъ, не умѣя отвѣтить, подать ему отвѣтъ, ну хоть бы какъ милостыню, ради Христа“.

Вопли страданія дьявольскимъ хоромъ звучать вѣчно въ ухахъ Ремизова, и не мирится онъ съ ними, и всюду ихъ слышитъ и ошущаетъ.

Визгъ раздавленной трамваемъ собаченки и кошачьи стоны не даютъ Ремизову покоя. Для оглушеннаго страданіемъ человѣка въ жизни все хаосъ, все разрушеніе, плѣнь и бредъ. За что, почему

и кто виноват? Виноват ли я передъ всѣми, какъ мнѣ казалось, или всѣ передо мной? А темная народная мудрость устами сказочницы Акумовны въ „Крестовыхъ сестрахъ“ отвѣчаетъ на это:

— Обвиноватить никого нельзя.

Таковъ отвѣтъ самого Ремизова на страшные вопросы.

Но не одно страданіе и пытку, содрогаясь, видить въ жизни Ремизовъ: еще страшнѣй у него безпросвѣтный, мутно-кошмарный ужасъ бытія, вѣчно кружащаго, возвращаясь, по однимъ и тѣмъ же, невѣдомымъ никому путямъ, безцѣльнаго и непонятнаго чело-вѣку. Въ постоянныхъ повтореніяхъ одного и того же, въ частомъ возвращеніи къ излюбленнымъ словамъ, безсознательно, быть можетъ, для самого себя возсоздаетъ Ремизовъ безостановочный, какъ тиканье часовъ, ходъ текущей куда-то непрестанно и безцѣльно жизни.

Полоумный Костя въ „Часахъ“ перевелъ соборные куранты на часъ впередъ и вмѣсто девяти пробило десять часовъ вечера.

„Городъ, жившій по Соборнымъ часамъ, встрепенулся.

На каланчѣ пожарный, закутанный въ овчину, въ своей ужасной мѣд-ной каскѣ вдругъ остановился и сталъ искать пожара, но зарево надъ коло-кольню погасло, и снова зашагалъ пожарный вокругъ черныхъ сигнальныхъ шаровъ и звенящихъ проволокъ. Отходящіе поѣзда, съ запозданіемъ на часъ, спѣша, нагоняли ходъ, свистѣли безнадежно. Подгоняли, лупили кну-томъ извозчики своихъ голодныхъ, лысыхъ клячъ, сами подъ кулакомъ отъ перепуганныхъ, торопящихся не опоздать, на часъ опоздавшихъ сѣдоковъ. Согнутый въ дугу телеграфистъ бойчѣ затанцовалъ измозолившимся паль-цемъ по клавишамъ аппарата; перевирая телеграммы, сыпалъ ерунду и не-былицу. Непроспавшіяся ба-ры-ш-ни изъ веселаго Новаго Свѣта, въ ожиданіи гостей, размазывали бѣлнла по рябоватымъ синимъ щечкамъ и не-стирасымъ язвамъ на измятой, захватанной груди. Нотариусъ, довольный часу, закрывая контору, складывалъ въ портфель груду просроченныхъ векселей къ протесту. И кладбищенскій сторожъ съ заступомъ подъ полой шелъ могилы копать для завтрашнихъ покойниковъ. Сторожева свинья под-хрюкивала хозяину. Пивникъ откупоривалъ послѣднія бутылки. И запирали казенную лавку. Бѣда и горе и всѣ ихъ сестры переступали городскую за-ставу разбрелись по городу, входили въ дома обреченныхъ. И отмѣченная душа заволновалась. Глядя безумными глазами куда-то на задывленную, хмѣльную отъ облачнаго дыма, полную луну, обрадованнѣе заголосилъ ю-ридивый Маркуша - Наполеонъ свою ночную молитву: „Господи просвѣти насъ свѣтомъ твоимъ солнечнымъ, луннымъ и звѣзднымъ“.

Тупымъ животнымъ страхомъ вѣетъ на читателя отъ этой кар-тины, повторенной въ концѣ романа. Какая-то издѣвательская, ни на что не похожая, адская дѣйствительность, впервые черезъ Ре-мизова выйдя изъ своихъ норъ и закоулковъ, вошла въ литературу нашу, въ ея плоть и кровь. Пошлость, почти добродушно осмѣянная Гоголемъ, презрительно оплеванная Салтыковымъ, у Ремизова вдругъ

встала грознымъ могучимъ апофеозомъ и двинулась на насъ. И ужъ не бороться, а бѣжать мы должны безъ оглядки отъ дьявольскаго кошмара.

„Тупо шла его жизнь. И было такъ, будто заставили его идти, и онъ шелъ по тѣсному сырому банному коридору: рѣдкія, выгорающія лампочки, спертый паръ, поплескиванье глухо сбѣгающей воды,— и онъ все шелъ, и не зналъ, когда выйдетъ, и куда войдетъ, и вдругъ останавливался; да есть ли выходъ, есть ли дверь наружу?“ („Прудъ“).

Еще умѣть Ремизовъ наводитъ на читателя мистическій необоримый ужасъ, отъ котораго дыбомъ поднимаются волосы и хочется съ головой закутаться въ одѣяло. Таковъ превосходный рассказъ „Жертва“.

Въ основѣ его лежитъ все та же постоянная мысль Ремизова о беззащитности человѣка передъ тѣмъ, отъ кого никуда и никому не уйти, передъ тѣмъ „железнымъ, кто, не спрашиваясь, никому не отдавая отчета, увѣренно совершаетъ свое вѣрное дѣло, кто безпощадный семимильными шагами изъ дальне - далека идетъ творить судъ и расправу по - своему“.

Дѣтскій міръ у Ремизова— совсѣмъ особый міръ. Въ немъ отдыхаетъ измученное наболѣвшее сердце; любитъ Ремизовъ дѣтей, нѣжно обвѣваетъ ихъ любовной лаской; рассказываетъ имъ свои чудесныя сказки и самъ, какъ дитя простодушный, съ любовью и вниманіемъ уходитъ въ ихъ дѣтскія радости и заботы. Во всѣхъ рассказахъ Ремизова, гдѣ есть дѣти, преображается жизнь: мучительные ея кошмары уплываютъ далеко куда - то, вмѣстѣ съ туманомъ; все ясно, и свѣтлые дѣтскіе глаза сіяютъ, какъ звѣзды на чистомъ небѣ.

Большая ошибка считать Ремизова только беллетристомъ, только рассказчикомъ, — онъ поэтъ большой, подлинный. Книга лирики его — это „Посолонь“ и „Къ морю - океану“ — цѣлый томъ, переполненный красотами неоцѣнимой прелести: колчанъ перламутровый полный жемчуга и самоцвѣтныхъ камней. Безъ восторженной дрожи нельзя читать его „Крѣсь“ — едва ли не лучшую у Ремизова страницу.

Ежели говорить о собственно ремизовскомъ стилѣ, то тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Свообразіе стиля вполне отвѣчаетъ таланту писателя. Стиль Ремизова — кованый окладъ съ чеканенной танко рѣзьбой по золоту, съ перлами и алмазами, сверкающими въ крупныхъ гнѣздахъ. Это старинная книга съ заставками-миніатюрами, правленными киноварью. Это хитрая рукопись полууставомъ, съ золочеными буквами, съ завитушками, усиками и росчерками, на слоновой бумагѣ. Съ перваго слова, узнается этотъ густо-насыщенный, прочный, чисто - русскій, ко н д о в ы й стиль.

„Утихаетъ вечерняя заря, всѣ предметы колеблются, какъ пьяные, и доносятъ вѣтеръ звонъ со старыхъ звонницъ и колоколенъ. Отдается, паритъ звонъ, колоколь съ колоколомъ перекликается — зазвонный, праздничный, буревой, гудъ - колоколь, и плыветъ изъ - за Волги крылатый и плавный лебедь - колоколь. И вдругъ какъ ударятъ въ чугунную доску — задрезжитъ звонило, нида въ вискахъ треснетъ, и ужъ не колоколь — Божій гласъ, это Фонять стадо съ полей — разревѣлся быкъ, ржетъ кобылица, звякаетъ глухарь, гремитъ гремокъ, звенятъ бубенцы, раззвенѣлись бубенчики и сквозь звякъ и ревъ свиститъ на ухо птица, свиститъ — пересвистываетъ экая глупая“. („Неуемный бубень“).

Форма и содержаніе у Ремизова сливаются въ строгомъ и нераздѣльномъ единствѣ, но сквозь плотныя ткани его твореній проглядываетъ то, чего не всегда увидишь простымъ глазомъ. Какъ поэтъ метафоры, понимаемой въ смыслѣ символа, Ремизовъ долженъ быть причисленъ къ писателямъ-символистамъ и въ этомъ отношеніи онъ, возсоздатель національнаго творчества, можетъ быть по праву названъ поэтомъ будущаго.

1912

О НАРОДНЫХЪ ПОЭТАХЪ.

Современныхъ поэтовъ „изъ народа“ никакъ нельзя сравнивать съ прежними, ведущими свою поэтическую родословную отъ Кольцова. Кольцовъ въ глубинѣ души былъ и оставался подлиннымъ крестьянникомъ, „мужичкомъ“, вѣнше затронутымъ городской культурой. Однако прикосновеніе этой культуры внушило ему недовольство своимъ положеніемъ. Ему захотѣлось походить на „умныхъ людей“. Къ счастью, изъ попытокъ наивнаго прасола „обучиться философіи“ ничего не выходило. Самъ онъ добродушно признавался въ одномъ письмѣ: „Я понимаю субъектъ и объектъ хорошо, но не понимаю еще, какъ въ философіи, поэзіи, исторіи они соединяются до абсолюта“, — и все же онъ старался добросовѣстно усваивать чуждые ему термины Гегелевой доктрины, пробуя перелагать основы ея въ своихъ блѣдныхъ и вялыхъ „Думахъ“. Слишкомъ ужъ рѣзко было различіе между робкимъ невѣжественнымъ поэтомъ-прасоломъ и блестяще образованными свѣтилами тогдашняго общества, въ кругу которыхъ приходилось ему вращаться. На поэзію его Станкевичъ и Боткинъ имѣли несомнѣнно вредное вліяніе, и трудно сказать, что могло бы стать съ Кольцовымъ, ежели бы преждевременная смерть не унесла его въ лучший міръ.

Позднѣйшіе поэты изъ народа продолжали взятый Кольцовымъ тонъ: они тяготѣли къ интеллигенціи, легко отрѣшались отъ своего языка и быта и старались писать обще-шаблоннымъ литературно-гладкимъ слогомъ. Подъ конецъ все они выродились въ убогую банальность, и изо всей ихъ массы трудно вспомнить и назвать какое-либо выдающееся имя. Суриковы и Дрожжины не понимали и не чувствовали „слова“, воспѣвая „страданія деревни“ съ исключительно публицистической точки зрѣнія. Содержаніе и форма ихъ пѣсенъ какъ нельзя лучше опредѣляются слѣдующими двумя стихами:

Ужъ какъ встану я,
Да пойду косить.

Талантъ С. Городецаго, по рожденію интеллигента, соприкоснувшись съ родной землей, вызвалъ къ жизни новые звуки и сблизилъ поэзію съ тайнами солнца, съ силами непочатой яри. Пренный суриковскій пріемъ сдѣлался невозможнымъ: наступила пора Клычковыхъ и Клюевыхъ, подлинныхъ сыновей деревни.

Николай Клюевъ является наиболѣе яркимъ и талантливымъ представителемъ этой полосы. Чрезвычайно любопытно, что на первыхъ его стихахъ лежала печать несомнѣннаго вліянія Блока. Это былъ Блокъ, плохо усвоенный, чуждый первобытной душѣ, но покорившій ее неодолимостью своихъ чаръ. Однако Клюевъ справился съ Блокомъ и по своему переболѣлъ городской культурой: во второй книгѣ онъ явился болѣе самостоятельнымъ поэтомъ, и, наконецъ, послѣдніе его стихи показываютъ въ Клюевѣ мастера своей школы.

Какъ поэтъ, Клюевъ избралъ тотъ вѣрный путь, по которому не сумѣлъ во время пойти его далекій предокъ Кольцовъ. Отъ интеллигентской поэзіи Клюевъ заимствовалъ одно, что ему было нужно: четкость формы и широту творчества. То, что суживало умственные просторы Сурикова и Дрожжина, рабски подчиняя пѣсню ихъ бумажной литературѣ, въ поэзію Клюева влилось смѣло и полноправно, давая ей красоту и смыслъ.

Ложный взглядъ на поэта-крестьянина, какъ на низшее существо, обреченное пѣть свои страданія и каторжный трудъ, не заглядывая въ инныя двери, долженъ отойти въ вѣчность. Это прекрасно поняли сами поэты изъ народа. Не пріобщаясь къ повседневнымъ мелочамъ нашей литературы, они остаются въ сущности сами собой.

С. Городецкій, возлагающій на народную поэзію большія надежды, во многомъ правъ. Послѣ бездушной лжепоэзіи эстетовъ изъ „Аполлона“ и наглой вакханаліи футуризма отдыхаешь душой на чистыхъ, какъ лѣсныя зори, вдохновеніяхъ народныхъ поэтовъ. Но будущее поэзіи русской, конечно, принадлежитъ не имъ, и только въ союзѣ съ наслѣдниками Пушкина и Фета возможенъ для нихъ дѣйствительный шагъ впередъ.

1915

РЫЦАРЬ ВЪ РЕСТОРАНѢ.

— Пирогы горячіе! пироги! Пощечина общественному вкусу!
Пятачекъ за пару!

— Мороженое изъ сирени!

— Битки по-маяковски!

— Вафли французскія — Бодлэръ и Верхарнъ! По рецепту Ренэ
Гиля!

— Китайскія засахаренныя крысы!

— Ананасы въ шампанскомъ! Не шантажируйте, мамзель, не
страшно-сь. Знать не знаю, чей ребенокъ и на содержаніе копѣйки
не дамъ. Зови аблоката!

— Что же вы это, право? Мы сами въ княжескомъ домѣ воспи-
таны и кузинъ нашъ родной въ шофферахъ у баронессы служить.
Угостите лимонадомъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Позвольте узнать ваше боже-
ственное имя?

— Пополія.

— А ежели по отчеству?

— Маринеттовна.

— А по фамиліи?

— Лебядкина.

— Какъ же, помнимъ:

И сіяеть звѣзда на конѣ
Въ хороводѣ другихъ амазонокъ,
Улыбается съ лошади мнѣ
Ари-сто-кра-ти-ческій ребенокъ.

— Ножки пледомъ закутайте-сь дорогимъ, ягуаровымъ.

— Дырбулщуръ!

— Давай сочинимъ рондельку?

— Нѣтъ лучше сонетецъ. Или триолеть. Можно о Богѣ, ну, о войнѣ...

— Война надоѣла... не напечатаютъ.

— Я тугъ пиррихій дохмѣемъ замѣнилъ. Шикарная штука получилась.

— Да какой же онъ новаторъ? И рѣмы у него самыя обыкновенныя. Нѣтъ, вы подумайте, то ли дѣло у меня:

Пихты стоятъ пирамидами.
Слышу я чтеше Канта.
Тамъ за окошкомъ все ми, да ми:
Скучная трель музыканта.

— Хорошо?

— Здорово пушено.

Ресторанъ шумить. Хлопаютъ рѣмы, пробки, пѣнится стихотворческая шипучка. На открытой сценѣ кувыркается полосатый шутъ, глотаетъ горящую паклю, ѣсть живыхъ голубей. Выпиваютъ, закусываютъ, дѣлятъ барыши.

Но вотъ стеклянная дверь веранды растворяется безшумно и въ залу вступаетъ рыцарь. Онъ въ шлемѣ, осяѣненномъ страусовыми перьями, въ тяжелыхъ доспѣхахъ. Рука его оперлась на мечъ.

Молча стоитъ онъ, глядя на веселящуюся толпу.

Никто не обращаетъ на него вниманья. Мало ли тутъ всякаго народу? Вонъ и сейчасъ на открытой сценѣ красуется переряженный рыцаремъ парикмахеръ, въ жестяныхъ латахъ, въ картонномъ шлемѣ и съ деревяннымъ мечомъ. Граціозно выдѣлываетъ въ воздухѣ пируэты, будто готовясь кого-то брить и постъ сладко-заливистымъ теноркомъ:

Шампанскаго! Коня! Книжалъ!

Не смущаются присутствіемъ рыцаря ни писаря, ни швейки, ни Лебядкина, ни Видоплясовъ, ни выпивающіе цирюльники и шофферы. Цирюльникъ еще утромъ сегодня причисывалъ двухъ министровъ и одного посланника, а шофферъ только что отвезъ на Елагинъ графиню Пфейфель, — такъ что имъ рыцарь? Не приставъ, не выведеть. Одинъ только Полосатый, проглотившій наскоро въ углу картофель à la бурлюкъ, попробовалъ было, пробѣгая на сцену, приподнять рыцарскій мечъ и сморщился отъ натуги.

— Ого, тяжелъ!

Но рыцаря уже нѣтъ въ ресторанѣ. Надъ смраднымъ городомъ высоко несется серебристая тѣнь. Сѣверный орелъ летитъ навстрѣчу

дымящейся зарѣ. И только высоко-высоко слышится съ неба мощный клекоть:

О, если ты пространство наперсникъ,
И выше ставишь свой престолъ,
Узнай вождя, мой древній сверстникъ
Къ инымъ поднебесьямъ, орелъ!

„Рыцарь въ ресторанъ“ — Вячеславъ Ивановъ въ современной поэзии.

1915

ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ.

Бесѣда первая.

Литераторъ. Что это вы, почтеннѣйшій, умолкли?

Поэтъ. Не о чемъ писать.

Литераторъ. До васъ то же самое говорилъ „писатель“ у Лермонтова и некрасовскій „поэтъ“, однако...

Поэтъ. Ахъ, бросьте ваши вѣчныя литературныя справки! Мнѣ совсѣмъ не любопытно знать, что говорили Лермонтовъ и Некрасовъ.

Литераторъ. Вотъ какъ. На это я отвѣчу, что кто ничѣмъ не интересуется, тотъ ничего не создастъ. Ваши интересы слишкомъ узки. Вотъ прошло пятидесятилѣтіе со дня смерти Добролюбова. Неужели вы...

Поэтъ. Боже мой! до чего все это несносно! Двадцать лѣтъ назадъ, когда я поступилъ въ гимназію, всѣ мнѣ твердили о Добролюбовѣ и Бѣлинскомъ, и я насилуялъ себя чтеніемъ ихъ статей. Неужели же я до послѣдняго вздоха обреченъ справляться съ ихъ катихизисомъ и выслушивать по случаю ихъ юбилеевъ все тѣ же ветхія ненужныя слова? Вѣдь это же только печатная бумага, вырѣзки изъ старыхъ журналовъ, чортъ возьми!

Литераторъ. Бѣлинскій и Добролюбовъ вѣчно останутся нашими учителями, замѣнить ихъ некому, и чтобы вы безъ нихъ стали дѣлать?

Поэтъ. Какъ что? Жить, прежде всего жить. За книгами мы забыли жизнь. Я серьезно совѣтую молодымъ поэтамъ читать какъ можно меньше; тогда только сохраняется свѣжесть таланта. Я чувствую, какъ книги жеванной бумагой облѣпили крылья моей Музы; въ книжныхъ катакомбахъ брожу я слѣпымъ кротомъ. И безъ того

мнѣ валятся на голову кипы толстыхъ журналовъ, а тутъ вы еще требуете, чтобы я зналъ наизусть Бѣлинскаго.

Литераторъ. Опять повторяю вамъ: что же дѣлать?

Поэтъ. Объявить литературѣ бойкотъ.

Литераторъ. Какъ? Долой литературу? Это говорите вы, литераторъ?

Поэтъ. Ошибаетесь, я не литераторъ — я поэтъ. Надо различать эти два понятія. Я требую для творчества абсолютной свободы. Вы скажете, что поэтъ долженъ быть „съ вѣкомъ наравнѣ“. Это такъ, но преступно поэту хранить обветшалыя литературныя традиціи, за которыя такъ цѣпляетесь вы всѣ.

Литераторъ. Вы значитъ возстае противъ культуры?

Поэтъ. Я ждалъ этого вопроса. Такъ буржуа возражаютъ анархистамъ. При чемъ тутъ культура? Я встаю только противъ литературщины, противъ бумаги. Вѣдь современная русская литература — источенная временемъ игрушка, идолъ, утратившій свою былую власть. Въ писателей, какъ въ вождей, давно не вѣрять никто; менѣе всѣхъ вѣрятъ они сами. Публика несравненно больше интересуется авіаціей, чѣмъ журналами, и она, по моему, права. Сейчасъ наша литература въ ея цѣломъ, во всемъ объемѣ — ветхое зданіе, подгнившее и стоящее на пескѣ, нѣтъ, не на пескѣ, а на печатной бумагѣ, на выдохшихся журналахъ, на Бѣлинскомъ. Стоитъ подуть свѣжему вѣтру — и все рухнетъ.

Литераторъ. Чѣмъ же вы замѣните эту ненужную, по вашимъ словамъ, массу книгъ? Что вы дадите взамѣнъ ея?

Поэтъ. Я ничего не могу дать взамѣнъ. Жизнь сама укажетъ, что нужно. Вотъ, вы любитель литературныхъ цитатъ — помните, слова Базарова: „надо сперва мѣсто расчистить?“

Литераторъ. Это, наконецъ, возмутительно! Что же выше, по вашему, жизнь или...

Поэтъ. Или Бѣлинскій? Жизнь, уважаемый коллега. Жизнь выше всего.

Литераторъ. Даже искусства?

Поэтъ. Даже искусства. Современное искусство переживаетъ роковой кризисъ именно потому, что ставитъ себя внѣ жизни. Литература умерла давнымъ давно, и слава Богу; вмѣсто нея сидитъ за редакціоннымъ столомъ бальзамированный трупъ. Искусство, къ несчастію, умереть не можетъ, оно бессмертно. Но оно переживаетъ иногда долгія и тяжелыя болѣзни, какъ мы видимъ это теперь.

Литераторъ. Определите, въ чемъ заключается болѣзнь искусства.

Поэтъ. Да вотъ возьмемъ для примѣра хотя бы современную поэзію, это высшій и совершеннѣйшій родъ искусства, какъ опредѣлялъ его тотъ же нашъ Бѣлинскій. Наша поэзія не живетъ на землѣ, не устремляетъ корней въ глубину, не распускается живымъ цвѣтомъ. Ее пересадили на журнальную почву, удобренную газетной трухой. Современная поэзія вся выросла изъ бумажки. Мы подражаемъ рабски великимъ образцамъ прошлаго, отражаемъ ихъ, какъ безжизненное зеркало отражаетъ живыя лица, а въ собственныхъ дерзаніяхъ не хватаемъ дальше фокусовъ въ размѣрѣ, высиженныхъ съ натугой „новыхъ“ словечекъ, удачныхъ рѣмъ. Въ то время, какъ литература тлѣетъ на прѣсловутыхъ „литераторскихъ мосткахъ“, поэзія виснетъ гдѣ-то между небомъ и землей.

Литераторъ. Хорошо, я согласенъ съ вами. Допустимъ, что литература умерла и похоронена, что поэзія стоитъ на ложномъ пути и переживаетъ тяжелый кризисъ. Укажите же, въ чемъ вы видите спасеніе, куда намъ пойти и что дѣлать? Въ началѣ нашей бесѣды вы рекомендовали жить. Но это опредѣленіе слишкомъ обще. Чтобы культура двигалась впередъ, недостаточно хотѣть жить — тогда надо вернуться къ папусамъ и лопарямъ.

Поэтъ. Поймите же, что искусство вытекаетъ изъ жизни, а не наоборотъ. Литература только одежда жизни, костюмъ данной эпохи, какъ французскій кафтанъ или современный смокингъ, а поэзія — ея дыханіе, ея бьющееся сердце. Мы разъединили жизнь и поэзію, а между тѣмъ поэзія должна отдѣляться отъ жизни, какъ морская пѣна отъ волны. Жизнь — вѣчно шумящее, вѣчно волнующееся море. Но волна такъ и останется волной, хотя будетъ мѣняться непрерывно, а изъ пѣны можно вырѣзать чудную камею. Казалось бы, что общаго между этой камеей и породившей ее волной? Только то, что не будь волны, не было бы и камен.

Литераторъ. Однако, море жизни еще не изсякло.

Поэтъ. Оно не изсякло, но тамъ, гдѣ мы стоимъ сейчасъ, по колѣно въ водѣ, пуская бумажные кораблики на ниткахъ и воображая, что мы плывемъ куда-то, — тамъ оно давно превратилось въ лужу. Вотъ почему мы, вмѣсто того, чтобы самимъ создавать произведенія искусства, умѣемъ только подражать великимъ образцамъ, лѣпя жалкое подобіе былой красоты изъ засохшей глины.

Литераторъ. По вашему выходить, мы топчемся на одномъ мѣстѣ?

Поэтъ. Именно такъ. Мы дошли до точки. Пришла пора снаряжать настоящіе корабли и пускаться въ путь.

Литераторъ. Открывать Америку?

Поэтъ. Всѣ Америки давно открыты. Только слѣпой не видить того, что ясно, какъ день. Теперь мы накануне великой борьбы

между Городомъ и Деревней. Я не знаю, особое ли это свойство русской природы, но только Городъ, принесшій въ Россію на своихъ плечахъ деликатесы европейской культуры, стянувшій къ себѣ сотни тысячъ людей — этотъ Городъ только кажется восторжествовавшимъ надъ Деревней. Уже сейчасъ онъ дочиста сожралъ всѣ запасы, которые отдала ему наша самодумная, старозавѣтная, пушкинская, толстовская Русь, а куда пойдетъ потомъ искать пропитанія этотъ нищій съ моноклемъ и въ цилиндрѣ, гдѣ онъ спасется отъ голодной смерти? Онъ придетъ въ Деревню, онъ будетъ стучаться подъ окнами, прося Христа ради.

Литераторъ. Но вы забываете, почтеннѣйшій, что теперь не прежнія блаженные времена. Ежели Коробочка и Маниловъ могли блаженствовать въ собственной деревнѣ на спинахъ крѣпостныхъ душъ, это не значитъ, что въ современной деревнѣ возможна идиллія золотого вѣка.

Поэтъ. Я и не утверждаю ничего подобнаго. Напротивъ, я хочу сказать, что новая Деревня должна преобразиться, что она уже преображается. Хаосъ, порожденный 19-мъ Февраля, проходитъ. Теперь деревня не та.

Литераторъ. Но при современныхъ экономическихъ и иныхъ условіяхъ...

Поэтъ. Объ этихъ условіяхъ мы не говоримъ. Предполагается, что вѣчно существовать они не могутъ.

Литераторъ. Да, если такъ... Ну, продолжайте же живописать вашу Аркадію.

Поэтъ. Я представляю себѣ тѣ нормальные условія жизни, при которыхъ люди работаютъ въ потѣ лица надъ клочкомъ родной нивы. Въ свободномъ единеніи исчезнетъ отчужденность одичалыхъ горожанъ. Тогда воскреснетъ живая поэзія. Она будетъ отражать подлинную жизнь, а не туманные пятна чужихъ переживаній... Изъ старыхъ корней прорастутъ тогда свѣжіе молодые побѣги.

Литераторъ. А литература?

Поэтъ. Литература тогда, пожалуй, совсѣмъ будетъ ненужна. Что общаго между Бѣлинскимъ и возрожденной поэзіей?

Литераторъ. Да это какое-то толстовство. Вспомните вы хоть Брюсова:

Огромный городъ — домъ, размѣченный по числамъ.

Поэтъ. Я помню эти стихи. Но я помню и слова Чехова о будущемъ цвѣтущемъ садѣ, въ который превратится земной шаръ. Допустимъ, что оба писателя правы, что послѣ садовъ Чехова черезъ нѣсколько тысячелѣтій возникнетъ брюсовскій Городъ. Допу-

стимъ даже, что правъ кто-нибудь одинъ. Сейчасъ для насъ вовсе не это важно. Намъ надо сжечь скорѣй вороха бумажной пыли, чтобы вернуться въ настоящую жизнь. Съ бульваровъ, съ чердаковъ, гдѣ обманываетъ сама себя отравленная Городомъ богема, я зову васъ въ просторы родныхъ полей.

Литераторъ. Да, это довольно любопытно. Надо будетъ написать объ этомъ статейку.

1911

Бесѣда вторая.

Литераторъ. Опять вы захандрили? А я думалъ, что вы давно уже поселились въ деревнѣ и своими руками воздѣлываете родную ниву. Но вотъ и лѣто прошло, а я опять нахожу васъ скучающимъ на томъ же старомъ диванѣ. Итакъ, ваши слова о Городѣ и Деревнѣ оказались только литературой. Вы не подвинулись ни на шагъ.

Поэтъ. А какъ вы подвинулись бы на моемъ мѣстѣ?

Литераторъ. Я? Слава Богу, мнѣ двигаться никуда не надо. Развѣ не слыхали вы, что на этихъ дняхъ я защитилъ диссертацию „О сравнительномъ значеніи муравьиной ножки въ сто восемьдесятъ девятой эпиграммѣ Марціала по различіямъ Лейнера и Альпенрозе“?

Поэтъ. Слышалъ и поздравляю. Впрочемъ, значеніе муравьиныхъ ножекъ мнѣ извѣстно хорошо изъ современныхъ журналовъ. Въ нихъ теперь за что ни возьмись, все муравьиныя ножки. Ежели бы еще своего сочиненія, куда ни шло, а то все плохія подражанія Марціалу.

Литераторъ. Вы какъ будто нездоровы? Что съ вами?

Поэтъ. Ужъ какое тамъ у мертвеца здоровье! Я умеръ, умеръ давно...

Литераторъ. Но позвольте. Еще весной вышелъ вашъ четвертый сборникъ стиховъ, васъ вездѣ печатаютъ въ журналахъ. Наконецъ, и критика...

Поэтъ. Какіе пустяки! — Сборники мои выходятъ неизвѣстно зачѣмъ и для кого, журналовъ все равно никто не читаетъ, а критика?.. Да развѣ значить она теперь хоть что-нибудь? Вотъ ужъ никчемное занятіе. Прежніе критики, ежели и несли вздоръ, то какъ пиѣи, и къ бормотанью своему сами прислушивались серьезно. А нынѣшній критикъ одно изъ двухъ; или авгуръ, пытающійся убѣдить безуспѣшно своихъ коллегъ, или „рыжій“ изъ цирка, орущій съ арены въ публику: „эй, вы тамъ, въ синихъ очкахъ, — у васъ чужіе часы въ карманѣ!“

Литераторъ. Но почему не читають журналовъ, объясните.

Поэтъ. Потому что не нужны они никому, какъ не нужны и стихи, и критика. „Ненужное о ненужномъ“—вотъ общій эпиграфъ всѣмъ нашимъ толстымъ журналамъ. Кто это изъ современныхъ литераторовъ вспоминаеть, какъ, бывало, Чеховъ, послушавъ умныхъ рѣчей о „матерьяхъ важныхъ“, возражалъ собесѣднику: „а знаете, у Тѣстова закуска хороша къ водкѣ“? Ей-Богу, читая наши журналы, вспоминаешь Антона Павлыча и хочется крикнуть иному умнику: „не желаешь ли водки, братецъ?“ Впрочемъ, оговорюсь. Есть у насъ одинъ журналъ, успѣхъ у него огромный и будущее принадлежитъ ему.

Литераторъ. Это?...

Поэтъ. „Синій Журналъ“. Не тотъ еженедѣльникъ въ синей обложкѣ, что вездѣ продается за пятачекъ, а то побѣдоносное и могучее теченіе, флагомъ которому онъ служить.

Литераторъ. Вотъ и опять начали вы бранить литературу.

Поэтъ. Богъ съ вами, какая же это литература? Я вамъ о „Синемъ Журналѣ“ говорю. Погодите, скоро онъ и васъ завоюетъ, господа литераторы. Да что литература! „Синій Журналъ“ по всѣмъ фронтамъ празднуетъ побѣду. Энциклопедія въ брелокъ для часовъ! Мона Лиза на конфетной коробкѣ—вотъ его идеалы! Въ поэзіи лакированныя бездѣлушки цеховыхъ ремесленниковъ, на сценѣ—кинематографъ-миниатюра, въ живописи—доморощенный кубизмъ. О, скоро ли новый Савонаролла сложить изъ всего этого новые костры?

Литераторъ. Отчего же сами вы, господа художники, не хотите спасти насъ отъ торжествующей пошлости?

Поэтъ. Ахъ, нѣтъ, поздно теперь мечтать о походахъ и новыхъ странахъ! Никому мы не нужны и никто не пойдетъ за нами. Вчера еще казалось, что красота побѣдила. „Міръ Искусства“, „Вѣсы“, новая поэзія, новыя слова... Гдѣ все это? Гдѣ ученики и преемники наши? Нѣтъ никого. И тщетно оглядываемся мы, стоя надъ болотной трясиной, и окликаемъ робко другъ друга, какъ за-поздалье журавли.

Литераторъ. Да вотъ, ваши декаденты, гдѣ они? Видно, пороку не хватило.

Поэтъ. Гдѣ тѣ весенніе дни, когда все, казалось, залито было голубымъ свѣтомъ, когда солнце по-иному восходило надъ міромъ?

Чистая,
Словно міръ,
Вся лучистая—
Золотая заря,
Міровая душа...

Или это былъ только обманъ юности, утренній разлетѣвшійся туманъ?

Литераторъ. Мы отвлеклись отъ темы. Формулирую ваши положенія. Насколько я понялъ, вы приходите къ выводу, что современное общество извѣрилось въ искусствѣ. Хорошо. Допустимъ, что поэзія и жизнь пошли по двумъ параллелямъ, но сойдутся же когда-нибудь эти двѣ линіи!

Поэтъ. Другими словами, вы спрашиваете, когда поэзія изъ бумажнаго чучела превратится въ богиню?

Литераторъ. Ну, хоть такъ.

Поэтъ. Это будетъ не прежде, какъ мы сами сожжемъ наши ветхіе корабли. Все-равно грядущая жизнь готовитъ имъ Цусиму. Мы—бюрократы въ жизни. Изучая тонкости версификаціи, мы совсѣмъ забыли, что вѣдь мы—жрецы, помазанники, цари. Признанный сегодняшней толпой ремесленникъ стихотворнаго цеха гордится своимъ успѣхомъ, какъ крымскій проводникъ гордится часами, подаренными ему купчихой.

А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

Литераторъ. Но что же, наконецъ, дѣлать ему? И какъ долженъ поступить онъ? Съ этого начался нашъ разговоръ. Вашимъ словамъ о возрожденной Деревнѣ, о свободномъ трудѣ вы врядъ ли и сами вѣрите. Можетъ быть, все это хорошо для внуковъ вашихъ, а вы... какой же вы земледѣлецъ? Вы пропитаны насквозь городскимъ ядомъ. Въ деревнѣ вамъ не отдѣлаться отъ литературныхъ кошмаровъ да и „Синій Журналъ“ придетъ за вами по почтѣ. Итакъ, сознайтесь же наконецъ, почтеннѣйшій, что виѣ литературы для васъ нѣтъ выхода и не можетъ быть.

Поэтъ. Выходъ есть.

Литераторъ. Какой?

Поэтъ. Надо уйти намъ.

Литераторъ. Какъ?

Поэтъ. Просто уйти.

Литераторъ. Куда?

Поэтъ. Не знаю. Но чѣмъ больше размышляю я о судьбѣ роднаго искусства, тѣмъ непреложнѣе встаетъ передо мной сознанье, что художнику въ наши дни надо оттолкнуться отъ литературныхъ береговъ въ жизненное море. Наше спасенье не здѣсь, а тамъ. Пора бросить навѣки кипящій червями гробъ.

Литераторъ. Вы проповѣдуете нео-народничество!

Поэтъ. Что жъ! Вспомните Александра Добролюбова, одного изъ старшихъ богатырей нашего декаденства. Съ момента его ухода новая поэзія пошла по двумъ путямъ. Вотъ они, эти параллели, о которыхъ говорите вы. Мы здѣсь, онъ — тамъ. Но еще не вернулся Добролюбовъ... Что же — стихійные гимны его, внушенные Богомъ и природой, неужели ниже они очередныхъ стишковъ изъ „Аполлона“? Не предвидѣлъ ли Добролюбовъ за много лѣтъ того, что теперь мы униженно переживаемъ? Въ расцвѣтъ „Міра Искусства“ не предчувствовалъ ли онъ, вѣщій, торжества „Синяго Журнала“? Неизбѣженъ для насъ уходъ. Это всего искусства нашего символъ, всей жизни русской! Всѣ мы отъ природы бѣгуны. Кто въ смерть бѣжитъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, кто въ Іерусалимъ, какъ Гоголь, кто въ каторгу, какъ Достоевскій, кто въ деревню, какъ Фетъ. Наконецъ, послѣдній, всколыхнувшій наше болото уходъ Толстого наканунѣ смерти — вспомните этотъ безцѣльный, ненужный, нелѣпый и оттого еще болѣе дорогой намъ подвигъ — и вы поймете меня. Это завѣщаніе Льва Толстого!

Литераторъ. Миѣ думается, все-таки, что русская поэзія можетъ ожить еще и сама по себѣ.

Поэтъ. Откуда же ждете вы ей спасенья?

Литераторъ. Отъ футуристовъ. Читали вы...

Поэтъ. Послушайте: у меня разстроены нервы. Не отложить ли намъ разговоръ до другого дня?

1912

ПАМЯТИ Ю. А. СИДОРОВА.

(Изъ личныхъ воспоминаній)

Первая моя встрѣча съ Юріемъ Сидоровымъ относится къ половинѣ Октября 1906 года. Еще за нѣсколько дней до нея я обратилъ вниманье на необычную наружность молодого студента, часто попадавшагося мнѣ на Московскихъ улицахъ: длинный, костлявый, съ вдумчивымъ, худощавымъ, слегка землистаго оттѣнка лицомъ и блестящими черными глазами, встрѣчался онъ со мной то на Тверскомъ бульварѣ, то на университетскомъ дворѣ, то въ кофейной Филиппова. Въ самый день знакомства (помнится, 12 Октября) я днемъ два встрѣтилъ его высокую фигуру въ студенческомъ пальто и мягкой черной шляпѣ, а позже, совершая вечернюю прогулку, столкнулся съ нимъ въ шумномъ потокѣ зрителей, валившихъ изъ Художественнаго театра, кажется, съ представленія „Горя отъ ума“. Уже тогда назрѣвало у меня странное предчувствіе, что всѣ эти встрѣчи не проста и должны непременно кончиться сближеніемъ. А потому, зайдя въ тотъ же вечеръ въ ресторанъ „Петергофъ“ на углу Моховой и Воздвиженки, я ни мало не удивился, увидя моего знакомаго незнакомца, сидящаго съ другимъ студентомъ за столикомъ неподалеку отъ меня. Народу было немного, но въ передней, отдѣляющей общій залъ отъ отдѣльныхъ кабинетовъ, успѣлъ завязаться легкій скандалъ, посмотрѣть на который нашлось нѣсколько любопытствующихъ посѣтителей, въ томъ числѣ и я. Подлѣ меня очутился незнакомецъ, заговорить съ которымъ, очевидно, было назначено мнѣ волею судьбы. Не помню теперь, кто изъ насъ началъ разговоръ, но краткая бесѣда между пустыхъ двухъ столовъ, у эстрады собравшихся настраивать скрипки музыкантовъ, кончилась тѣмъ, что мы всѣ трое оказались за однимъ столомъ. Я узналъ,

что имя моего новаго знакома — Юрій Ананьевичъ Сидоровъ, что онъ первый годъ въ Москвѣ и состоитъ студентомъ одного со мною факультета. Въ общемъ, разговоръ нашъ касался преимущественно литературы и былъ въ достаточной степени безсвязенъ. До чего былъ еще молодъ и неустойчивъ тогда Юрій, явствуетъ, между прочимъ, изъ того, что на неизбѣжный въ извѣстную пору жизни вопросъ „како вѣруешъ?“ онъ объявилъ себя „мистическимъ анархистомъ“, — приче́мъ товарищъ тутъ же упрекнулъ его за быстрое отступничество отъ социаль-демократической доктрины. Впослѣдствіи Юрій очень сердился, когда я въ шутку называлъ его „мистическимъ анархистомъ“. Какъ бы то ни было, мы въ тотъ вечеръ разстались дружелюбно.

Въ первый періодъ нашего сближенія, за послѣдніе мѣсяцы 1906 года, мы чаще всего сходились и бесѣдовали все въ томъ же „Петергофѣ“, слушая за бутылкой вина рьяные мотивы ресторанныхъ вальсовъ. Тутъ же обмѣнивались мы новыми стихами. Первые опыты Юрія, будучи несовершенны по формѣ, обладали, однако, качествомъ, отличающимъ истиннаго поэта: они имѣли живую, вполне своеобразную физиономію. Искренность автора сообщала этимъ ломающимся, какъ юношескій голосъ, стихамъ глубокую духовную красоту, чуждую беспочвеннаго и грубаго эстетизма. Впослѣдствіи меня не разъ поражала необычайная быстрота въ поэтическомъ развитіи Юрія, черезъ два года превратившая робкаго ученика въ строгаго и взыскательнаго художника.

Не стану перечислять смѣну разнообразныхъ чувствъ, мыслей и переживаній, осянявшихъ Юрія въ различные сроки его короткой жизни. Могу только сказать, что, видя его то аскетомъ-подвижникомъ, то гулякой празднымъ, то царепоклонникомъ, то анархистомъ, — я неизмѣнно выносилъ одно и то же впечатлѣніе: полной искренности каждаго изъ этихъ движеній, сразу и всецѣло овладѣвавшихъ его чуткой впечатлительной душой. Въ нихъ дышала правда, доступная только дѣтямъ и поэтамъ.

Въ теченіе всего 1907 года я постоянно видался съ Юріемъ, а, покидая ненадолго Москву, поддерживалъ съ нимъ дружескую переписку. Въ этомъ году хаотическое броженіе его духа достигло едва ли не высшаго напряженія. Призраки Египта и Византіи, неизмѣнно владѣя его мыслями, уже не насыщали, какъ прежде, его испытующаго ума: смутная потребность какого-то послѣдняго синтеза неясно предчувствовалась его душой. Въ тогдашнихъ его письмахъ ко мнѣ, изъ которыхъ я приведу наиболѣе значительные отрывки, можно услѣдить отраженіе упорныхъ порываній къ великому, еще не вполне осознанному итогу.

Въ письмѣ отъ 28 Мая находимъ брошенное вскользь замѣчаніе: „Враги у насъ одни и всеобщее хамство заставляетъ сплотиться всѣхъ воинновъ и солдатъ вмѣстѣ“. 13-го Іюня, высказавъ сожалѣніе, что, по слухамъ, помѣстный церковный соборъ не состоится, Юрій пишетъ: „Теперь какъ разъ время анаеаметствовать кое-кого и кое-что, и я надѣюсь, что помимо несомнѣнныхъ Аріевъ у насъ обнаружатся на этомъ соборѣ и подлинныя Николай Мурликійскіе“.

Увлеченіе идеями г. Мережковскаго, бывшаго въ то время однимъ изъ любимѣйшихъ писателей Юрія, достигло тогда въ немъ наибольшихъ предѣловъ. На личности г. Мережковскаго были сосредоточены всѣ надежды Юрія до самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни. Надеждамъ этимъ суждено было окончиться глубокимъ разочарованіемъ.

Въ Декабрѣ 1907 года тяжелая болѣзнь надолго заставила меня покинуть Москву и въ нашихъ сношеніяхъ наступилъ почти годичный перерывъ. Лишь въ Маѣ 1908 года я всего два дня видѣлся съ Юріемъ проѣздомъ черезъ Москву. Уже тогда я замѣтилъ въ немъ необычайную нервную напряженность въ соединеніи съ какою то странной переменной, къ которой не имѣлъ времени присмотрѣться. Повидимому роковой переломъ его духовной жизни уже совершался. Однако, письма его ко мнѣ за Мартъ и Апрѣль 1908 года не внушали никакихъ подозрѣній. Вотъ что писалъ онъ мнѣ 8 Марта:

„Стоять волшебные дни — предчувствіе весны близкой. Голубой прозрачный воздухъ иногда опаловымъ туманомъ бываетъ пронизанъ — испаренія весеннія. Вѣтъ душистый холодокъ и въ сердцѣ, конечно, и тоска, и сладкая грусть, и печальная радость. Читаю Фета.

12 Марта: „Видѣлъ я два раза Дунканъ. Мнѣ стыдно писать о ней, потому что всякая безсовѣстная и площадная газета говоритъ теперь о ней. Но всетаки хочется сказать два слова. Растешь — грубѣешь и многія духовныя „дѣтскія“ радости невозможны. Пушкина теперь въ первый разъ не прочитаешь. Эллладу такъ вотъ какъ прежде, по дѣтски, не почувствуешь. Ну, а когда увидѣлъ Дунканъ — то ребенкомъ на время сталъ и... и... плакать“.

22 Апрѣля: „Сейчасъ я пораженъ слѣдующимъ страннымъ совпаденіемъ. Представь себѣ, я въ своемъ дѣтствѣ прожилъ цѣлое лѣто въ томъ самомъ домѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ прожилъ мой духовный воспитатель (не „учитель“) К. Н. Леонтьевъ. Въ Оптиной пустыни въ двухъ-этажномъ „хамски бѣломъ“ (какъ его въ письмѣ характеризуетъ К. Н.) домѣ, вблизи знаменитаго скита, окруженнаго высокими, строгими „иноческими“ соснами. Потомъ, К. Н. умеръ 13 Ноября 91 г., я родился 13 Ноября 87 г. Я — не суевѣренъ, но въ этихъ совпаденіяхъ усматриваю нѣчто знаменательное. Это глупо, можетъ быть, но мнѣ мнится, что самъ воздухъ этого дома съ темноватыми, высокими и прохладными комнатами, повліялъ на меня, „опредѣлилъ“. Тамъ словно еще виталъ духъ моего „любимаго“ передъ Богомъ и людьми тайнаго постриженника Климента (мнѣ нравится такъ называть его)“.

Постояннымъ предметомъ послѣднихъ нашихъ бесѣдъ, ихъ, ежели можно такъ выразиться, стержнемъ, было взаимоотношеніе между

поэтомъ и человѣкомъ, между искусствомъ и жизнью. Я убѣждалъ Юрія въ бесполезности такъ называемыхъ „исканій“, подмѣняющихъ жизненную беспомощность подобіемъ словесной силы. Надо думать, что близкое общеніе съ проповѣдниками поэтическихъ теорій за время нашей разлуки для Юрія оказалось дѣйствительнѣе словъ. Въ этомъ приходится убѣдиться, читая три послѣднихъ его письма ко мнѣ, писанныхъ лѣтомъ 1908 года.

26 Іюня (изъ Калуги): Слѣдовало бы мнѣ, милый, попросить прощенія за мое долгое молчаніе, но вмѣсто этого предпочту разсказать тебѣ о своемъ теперешнемъ самочувствіи и тогда, я увѣренъ, ты извинишь меня. Тебѣ, ибо ни одному человѣку не сталъ бы я говорить о всей своей жизни цѣлкомъ и дѣлительно о себѣ, кромѣ тебя. Богъ вѣдастъ, чѣмъ это объясняется. Можетъ быть тѣмъ, что я полюбилъ тебя „черненькимъ“ и думаю, что также любишь и ты меня, не знаю, и сознаю только, что о всякихъ философіяхъ, мистицизмахъ и пр. я пойду толковать съ философами, мистиками и пр., а какъ мнѣ тяжело, обидно и грустно, скажу лишь тебѣ. Не подумай, что избираю тебя и считаю повѣреннымъ своимъ, передъ которымъ вываливается грузъ всякихъ личныхъ, любовныхъ и житейскихъ неудачъ... — Вотъ именно я люблю тебя, а вѣдь, теперь, признаться, попрешнему говорится и думается, что должно любить „не меня, а идею“. И это во всемъ, во всемъ. Люблю не женщину, а познаваемую черезъ нее неизреченную (непремѣнно неизреченную) любовь; не стихотвореніе, а „ключъ тайнъ“, не жизнь а переживанія. Изто доходитъ чортъ знаетъ до чего. Вмѣсто того, чтобы сказать: я вѣрю или не вѣрю въ Бога, болѣе скромные говорятъ: „я занимаюсь или интересуюсь религиозными вопросами“, а которые понахальнѣе заявляютъ: „я — богоборецъ“ или „я — неохристіанинъ“, „я ученикъ Розанова, Мережковского“ и т. д. и т. д. Здѣсь всего хуже сказывается эта любовь къ „идеѣ“. Начнется со своимъ муками, страданіями, презрѣніями, а „шелудивому ребенку голову расчесать“, хотя бы въ видѣ того, чтобы отстоять обѣдню или безъ кокетничанья пойти да покаяться въ грѣхахъ своихъ, ежели ужъ сознаешь ихъ, попу — не хватаетъ ни силъ, ни желанія. Легко отдѣлываться фразами о параличѣ церкви, и о новомъ „сознаніи“ какомъ то, да трудно что-нибудь сдѣлать и что-нибудь въ самомъ дѣлѣ „сознать“... Господи! не фарисейски говорю все это, но такая тошнота, такое омерзѣніе отъ всей этой протухшей пошлятины! Хотѣ бы „идеи“-то были, наконецъ, а то вѣдь двѣ-три мысли Ницше, Достоевскаго, Шопенгауера, Соловьева, въ лучшемъ случаѣ какого нибудь новокантіанца въ родѣ Риккерта образуютъ весь умственный багажъ. Ты лучше меня, безъ сомнѣнія, чувствуешь, что дѣлается въ литературѣ. По чистой совѣсти, не тоже ли самое? Академизмъ и классицизмъ; огражденность „Всѣсовъ“ не способствуетъ ни мало ихъ всамдѣльному достоинству: что-то ужъ очень смахиваютъ сіи самые, кажется, привлекательные, лозунги на объявленіе объ импотенціи или, хуже того, свидѣтельству о гніеніи трупъ человѣка, умершаго съ голоду. Не говорю ужъ объ остальномъ — не вакханалія тамъ и не оргія „обозной сволочи“ (о, это было бы вѣстакъ привлекательно по своей силѣ, наконецъ), а просто всѣ пьжата и надуваются сверхъ своихъ силъ, стараясь показать что-то новое и любопытное...

„Дорогой мой, вѣдь кровью пишу я. Этимъ жилъ, въ этомъ искалъ, этому молился. И вовсе я не умнѣе и не проникательнѣе остальныхъ. Но что же мнѣ дѣлать, когда ясно вижу я во всемъ только по прежнему одну восторгающуюся чернь. Мнѣ непріятно было, когда ты звалъ меня мистикомъ. Какой

я мистикъ, — я студентъ И. М. У., фил. фак. фил. отдѣленія, съ неважными способностями и наивно безъ всякихъ глубинъ вѣрующей по символу православной церкви...

„Готовъ плюнуть на все и беречь свое здоровье, но неразрывно связано „все“ со здоровьемъ и, стало быть, придѣлится либо беречь и то, и другое, либо плевать и на здоровье, т. е. просто помирать“.

4 Августа (изъ Калуги) „Живу я теперь одной фразой Достоевскаго, утѣшающей фразой: „Жизнь надо любить прежде смысла“. Чуть-чуть измѣняю: „и помимо смысла“. Тяжело мнѣ и скверно, но люблю всѣми силами, всѣми нервами трепанными своими ея, лукавую, прекрасную, лживую Красавицу, — больше или выше нѣтъ на землѣ ничего. — Объ этомъ собственно говорю тебѣ въ Р. С., который, какъ въ женскихъ письмахъ, всего важнѣе... Р. С. Поздравь меня съ принятиемъ Св. Тини“.

18 Августа (изъ Калуги) „Возлагалъ я на лѣто большія упованія, думалъ поработать, окрѣпнуть, запастись силами и здоровьемъ, да кстати ужъ подготовиться къ кое-какимъ экзаменамъ. Всѣ эти улыбающіяся мечты разлетѣлись прахомъ... Но я не жалею и не ропщу на Создателя: во 1-хъ Его благая воля, во 2-хъ кое чему научился я за послѣднее время, многое переживъ и перестрадавъ. А вѣдь житейскій-то опытъ, пожалуй, важнѣе и дорожѣ всего. Я сдѣлался убѣжденнѣйшимъ „эмпирикомъ“ поэтому. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вѣковой объективный опытъ образовалъ иѣлникомъ искусство, церковь, монастыри, — личный строитъ душу и характеръ человѣческіе. Сіе убѣжденіе, крѣпнѣтъ и растетъ во мнѣ, оттого я пересталъ бѣгать людей и завель, напримѣръ, теперь пріянные сношенія съ бывшимъ гимназическимъ товарищемъ, кончившимъ военное училище и выпущеннымъ оттуда въ конную артиллерию. Представь себѣ, — высокій, стройный, выбритый, затянутый въ шегольской мундиръ, голова маленькая, сросшія брови, рѣчь пересыпана французскими фразами, къ ручкамъ дамъ прикладывается прелестно. Хорошей фамилии, поэтому знаетъ старую французскую литературу и мы ведемъ усланительную бесѣду о Мюссе, кутежахъ, старой помѣщицѣй жизни, барышняхъ и т. д. Еще частенько встрѣчаюсь съ одной дѣвушкой, бывшей революционеркой, умирающей отъ чахотки... Увлекается Мережковскимъ, культъ страданій, глубины Достоевскаго, а нѣтъ-нѣтъ, вдругъ проскользнетъ старая „товарищественность“. Ну ея къ яду, офицеръ-то мнѣ больше по душѣ: циникомъ я сталъ, Борисъ, циникомъ, и больше вдесятеро меня интересуетъ рассказъ *** (такъ фамилія офицера), какъ ему пришлось стоять на часахъ у Царской палатки, чѣмъ ея робкія размышленія о томъ, на кого больше похожъ Алеша Карамазовъ изъ братьевъ — на Ивана или Димитрія и почему сіе важно въ пятихъ?“

Таковы были послѣднія письма Юрія. Въ отвѣтахъ моихъ я привѣтствовалъ его возвращеніе къ землѣ, къ быту, къ деревнѣ, къ Пушкину, въ поэзіи котораго справедливо чуялось ему оправданіе жизни, потому что жизнь въ глазахъ истиннаго поэта неотдѣлима отъ творчества. Изъ этихъ послѣднихъ писемъ видно, что Юрій пришелъ уже ко взгляду на поэзію, какъ на осознанную душою сущность жизни въ ея высшемъ проявленіи, какъ на квинтъ-эссенцію ея, облакаемую въ форму искусства только по необходимости.

Въ Октябрѣ 1908 года я встрѣтился съ Юріемъ въ Москвѣ. Измѣнившіяся обстоятельства моей личной жизни временно отдалили насъ

другъ отъ друга. Мы рѣже встрѣчались и бесѣдовали, но эти послѣднія наши встрѣчи въ моей памяти запечатлѣны нѣжной и выразительной теплотой. Никогда не забуду, какъ 12 Ноября, наканунѣ дня рожденія Юрія, ходили мы съ нимъ въ Даниловъ монастырь на гробницу Гоголя. Было уже порядкомъ холодно и мы съ полчаса дожидались въ монастырской пекарнѣ прихода іеромонаха, совершившаго на могилѣ Гоголя панихиду. Кромѣ насъ двоихъ, никого не было на пустынномъ и глухомъ кладбищѣ Данилова монастыря. Послѣ панихиды мы вмѣстѣ обошли могилы Хомякова, Языкова, Самарина, Волуева, М. Дмитриева, Вселина.

Въ половинѣ Декабря Юрій уѣхалъ въ Калугу, гдѣ суждено было ему остаться навѣки. Въ самый день отъѣзда зашелъ онъ ко мнѣ проститься и мы обнялись въ послѣдній разъ.

1909

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ Ю. А. СИДОРОВА.

I.

Кл ин и т ь .

Люблю я зло, люблю я грѣхъ,
Люблю я дерзость преступленья.

Д. С. Мережковскій.

О, мудрый Соблазнитель,
Злой Духъ, ужели ты
Непонятый учитель
Великой Красоты!

З. Гиппіусъ.

Я воскрешаю снова миѳы
Александрійской старины
И медленно миную рифы
Ея забытой глубины;

Пью древнихъ ересей отравы,
Погибшихъ сектъ манящій ядъ, —
Пусть вновь поетъ былыя славы
Киевары звучной стройный ладъ.

Хвала Тебѣ, освободитель —
Насъ изъ тюрьмы эдемскихъ нѣгъ;
Тебѣ, о Каинъ-прародитель —
Ты, знанья высшаго ковчегъ.

Осанна вамъ, Содомъ-Гоморра,
Хвала, — вашъ блудъ святой великъ;
Тебѣ, подъ тѣнью сикомора
. . . . предавшій ученикъ;

Кто возсылалъ богохуленья,
Какъ гимнѣ, во имя крыльевъ зла,
Всѣмъ, кто дерзнулъ на преступленье,
Да будетъ вѣчная хвала.

Порочный, дерзкій, соблазненный —
Улыбка губы мнѣ кривить —
Всей мудростью грѣха плѣненный,
Я каинить, я каинить.

(Янв. 1907 г.)

II.

Бродяга.

(Пародія на А. Бѣлаго).

Безъ паспорта бродяга я
Бреду знакомой знойной степью
И рада вся душа моя
Ея цвѣтному благолѣпью.

Вотъ вижу я, — огонь живой
Вдругъ пробѣжалъ по старымъ жиламъ, —
Тамъ по дорогѣ столбовой,
Тамъ пыль пылить и пышетъ пыломъ.

И словно нѣкій странный страхъ
Покрылъ чело мнѣ хладнымъ потомъ,
Гляжу, какъ придорожный прахъ
Клубится, вьется легкимъ летомъ.

И чрезъ пушистую ковыль
Лечу, какъ вспугнутая сойка:
По тракту тамъ, взметая пыль,
Катить исправничая тройка.

(Дек. 1908 г.)

III.

Городовой.

(Пародія на В. Брюсова).

Весь городъ въ яркомъ шумномъ блескѣ,
А стражъ культуры вѣковой
Стоишь на людномъ перекресткѣ,
Ты — монументъ городской.

И при случайномъ безпорядкѣ,
Когда Хаосъ разинетъ пасть,
Твои шаги разумно-кратки,
Являя намъ смятеннымъ власть.

Да, я тебя въ вѣкахъ замѣтилъ
И съ топоромъ въ пучкѣ вѣтвей,
Какъ ликторъ, Цезаря ты встрѣтилъ,
Казнившій Брута сыновей.

Ты воинъ и не знаешь страха,
И надъ привычностью лица
Сверкаетъ золотая бляха,
Какъ отблескъ царскаго вѣнца.

(Дек. 1908 г.)

Примѣчаніе. Посмертное собраніе стихотвореній Юрія Сидорова составлено было Московскимъ издательствомъ „Альциона“ безпорядочно и небрежно, съ произвольными пропусками иныхъ мѣстъ. Приводимъ три неизданныхъ стихотворенія покойнаго поэта, сохранившіяся въ рукописи у одного изъ друзей его. Первое замѣчательно, какъ показатель вліянія, какое имѣло на Сидорова христіанское вѣроученіе Д. С. Мережковскаго, остальные два обличаютъ въ нихъ авторѣ способность къ веселымъ и мѣткимъ шуткамъ.

II.

ВСТРѢЧА СЪ Н. Г. ГАРИНЫМЪ.

(Отрывокъ изъ дѣтскаго дневника).

17 Декабря 1895 г. Нижній-Новгородъ.

Сегодня я познакомился съ Гаринымъ, авторомъ „Дѣтства Темы“, „Гимназистовъ“ и „Студентовъ“. Благодаря Колѣ, который пріѣхалъ къ намъ въ четвергъ, я имѣлъ случай видѣть и говорить съ писателемъ. Сегодня воскресенье, — я свободенъ отъ учебной канители, а во вторникъ насъ отпускаютъ на Рождественскія каникулы. Однако, разскажу по

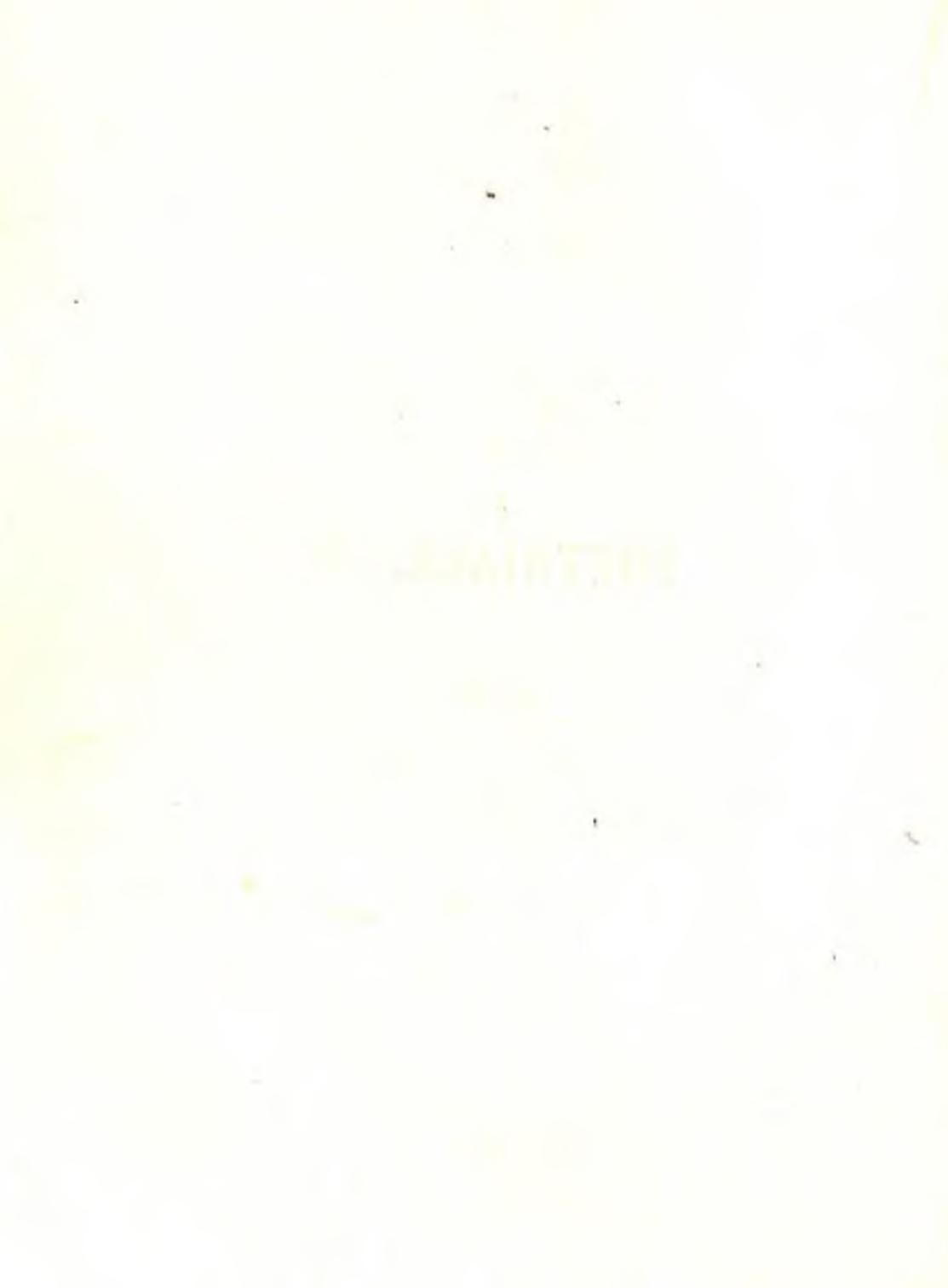
порядку все мое знакомство. Коля повезъ меня на извозчикѣ въ гостиницу Ермолаева. „Только какъ бы не застать его уѣхавшимъ“, говорилъ Коля, подъѣзжая, и вдругъ вскрикнулъ: „Онъ здѣсь, здѣсь, — вонъ его лошади стоятъ!“ Я увидаль пару роскошныхъ лошадей, пролетку съ медвѣжьей полостью и толстаго сѣдого кучера. Коля выскочилъ и вошелъ въ двери. Я едва слѣдовалъ за нимъ. — „Николай Георгіевичъ дома?“ спросилъ онъ у швейцара. „Дома, пожалуйте-съ, 5 номеръ!“ крикнулъ тотъ. Мы вошли на лѣстницу. У дверей 5 № Коля постучалъ, но никто не отзывался. Тогда Коля отворилъ дверь и вошелъ. — „Гдѣ же Николай Георгіевичъ?“ спросилъ онъ у лакея, но въ это время высокій красивый мужчина въ курткѣ съ инженерскими нашивками и въ сапогахъ до колѣнъ вошелъ въ №. — „Ну, Боря, — вотъ Гаринъ“, сказала Коля съ улыбкой. Я не зналъ, что дѣлать. Между тѣмъ хозяинъ подаль намъ руку и пригласилъ войти дальше. Я раздѣлся, вошелъ и сталъ у зеркала. Гаринъ исчезъ за перегородкой и снова появился, онъ, ласково улыбаясь, предложилъ мнѣ чаю, пригласилъ сѣсть и сѣлъ напротивъ. Я глядѣлъ на него во всѣ глаза. Мнѣ казалось, что я давно знакомъ съ нимъ, его лицо, казалось, я гдѣ-то видѣлъ. Гарину на видъ уже болѣе пятидесяти, но ему едва ли есть сорокъ пять лѣтъ. Въ молодости, вѣроятно, онъ былъ очень красивъ. Въ лицѣ его что-то соколиное. Красивые глаза смотрятъ ласково и смѣло подъ нависшими бровями. Широкий красивый лобъ окаймленъ совершенно бѣлыми волосами (онъ посѣдѣлъ 28-ми лѣтъ), небольшая борода и усы съ просѣдью придаютъ ему еще больше красоты, а большіе бѣлые зубы сверкаютъ при разговорѣ и придаютъ его лицу еще больше оживленія. Глядя на него, видишь одного человека, а читая его сочиненія — другого. Свѣжъ и бодръ онъ замѣчательно. Таковъ Николай Георгіевичъ Михайловскій или Гаринъ, какъ онъ подписывается подъ своими сочиненіями. Гаринъ (я не могу называть его иначе) попросилъ меня прочесть какое-нибудь стихотвореніе. Я прочелъ „Весну“, потомъ „Лѣсъ“, предупредивъ, что „Лѣсъ“ я писалъ 11-ти лѣтъ. Гаринъ хвалилъ эти стихи, говоря, что ему понравилось въ моихъ стихотвореніяхъ то, что вездѣ у меня есть мысль, смыслъ, и сказалъ, что ему очень нравится уподобленіе лѣсовъ памятникамъ, сравненіе прошедшихъ вѣковъ и т. д. Онъ хотѣлъ меня свозить къ В. Г. Короленко, говоря, что это знакомство необходимо. „Сейчасъ мы поѣдемъ съ Б. А. къ Вѣрѣ Александровнѣ“, говорилъ онъ, „а вы, Н. И., приѣзжайте туда попозже. Мы непременно съѣздимъ къ Владиміру Галактіонычу“. Гаринъ, когда я прочелъ ему стихи, предостерегалъ меня отъ напряженія, отъ искусственнаго вымучиванья изъ себя рیمъ, указавъ на Г. И.

Успенскаго, который, по его словамъ, никуда теперь не годенъ, ибо разстроена его нервная система необыкновенно. „Смотрите, Байронъ, Гете, Шиллеръ, Пушкинъ — они вѣдь и прославились тѣмъ, что въ ихъ сочиненіяхъ была цѣль, былъ смыслъ, а между тѣмъ нѣкоторые поэты чирикаютъ себѣ, какъ птички въ лѣсу, но умерли они — чириканье кончилось — и они забыты. Старайтесь почаще ходить, вытираться холодной водой, вообще больше движенія!“...

.....

Примѣчаніе. Въ 1895 году автору, тогда воспитанику Нижегородскаго Дворянскаго Института, было 14 лѣтъ. Коля — Н. И. Садовскій (1875 — 1915) двоюродный братъ автора, въ то время студентъ С.-Петербургскаго университета. Отрывокъ печатается въ дополненіе къ воспоминаніямъ о Ю. А. Сидоровѣ, какъ нелюбимая извѣстнаго значенія бытовая страница.

FOETHIANA.

I.

А. А. ФЕТЪ ВЪ ВЕРРО.

Дѣтскіе и юношескіе годы А. А. Фета для изслѣдователей остаются глубокой тайной. За исключеніемъ того, что разсказано въ воспоминаніяхъ имъ самимъ, не существуетъ никакихъ свѣдѣній о ранней жизни поэта. О юношескихъ годахъ Фета могъ многое сообщить университетскій товарищъ его Я. П. Полонскій; къ сожалѣнію, въ своихъ запискахъ онъ очень глухо отзывался о Фетѣ.

Въ 1913 году, благодаря любезному содѣйствію барона П. П. Унгернъ-Штернберга, намъ удалось письменно запросить Юрьевскаго профессора Эттингена, учившагося въ пансіонѣ Крюммера въ Верро въ одно время съ Фетомъ, не помнитъ ли онъ что-нибудь о своемъ школьномъ товарищѣ. вмѣсто профессора Эттингена, девяностолѣтняго больного старца, отвѣчала его супруга, письмо которой приводится здѣсь въ переводѣ В. А. Юнгера.

Дертъ 31/хп 1913.

Многоуважаемый баронъ Унгернъ,

Извините, что я только сегодня отвѣчаю на Ваше письмо, я пишу по просьбѣ моего мужа, глаза котораго слишкомъ слабы, чтобы онъ могъ писать самъ.

Къ сожалѣнію, я могу сообщить лишь очень немного, такъ какъ мужъ мой въ годы 1836 — 1838 въ пансіонѣ Крюммера въ близкія отношенія съ гораздо болѣе старшимъ А. Шеншиннымъ не вступалъ.

Однако онъ помнитъ его, благообразнаго, темноволосяго, невысокаго челоуѣка, „уютнаго“ характеромъ, и любимаго добраго товарища.

Къ нему былъ приставленъ дядька, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поваромъ, и его услугами воспользовалась бабушка Эттингенъ, по случаю прихода къ ней статской совѣтницы баронессы Ганъ. Когда надо было подавать на столъ, оказалось, что бланманже было гарнировано соленымъ бульономъ.

нымъ студнемъ, а поваръ лежалъ пьяный въ кухнѣ. — Поэта Фета младшіе ученики въ ихъ товарищѣ не угадывали.

Мнѣ жаль, что я могу дать Вамъ только эти скудныя свѣдѣнія.

Привѣтъ отъ моего мужа.

Д. фонъ-Эттингенъ.

Примѣчаніе. За дозволеніе обнародовать помѣщенный во II приложеніи „Письма А. А. Фета“ обязаны мы благодарностью Б. В. Никольскому, Э. П. Юргенсону, В. П. Каратѣеву и С. М. Соловьеву.

II.

АВТОГРАФЪ А. А. ФЕТА.

(№ 9 сентябрь).

(V)

Березы съвера мнѣ милы,
Ихъ грустный опущенный видъ,
Какъ рѣчь безмолвная могилы
Горячку сердца холодить.

Зато подъ оскудевшимъ солнцемъ,
Осенней, поздней порой
Ихъ каждый листъ блеститъ червонцемъ
Надъ серебристою корой.

Но ива длинными листьями
Упавъ на лоно ясныхъ водъ
Дружнѣй съ мучительными снами
И дольше въ памяти живетъ.

Любовникъ горя и кручины
Знать тайну грусти разгадалъ:
Дерева тѣ не безъ причины
Народъ плакучими прозвалъ.

Лія таинственныя слезы
По рошамъ и лугамъ роднымъ,
Про горе шепчутся березы
Лишь съ вѣтромъ съвера однимъ.

Всю землю — грустно-сиротлива —
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняеть ива
Вездѣ концы своихъ вѣтвей. -

(А. Фетъ)

Примѣчаніе. Приводится съ соблюденіемъ орфографіи по подлинному тексту, съ котораго „Ивы и березы“ набирались для „Современника“ (1856 г., IX). Слова въ скобкахъ проставлены краснымъ карандашомъ неизвѣстною намъ рукою. Автографъ Фета (на оборотѣ листа записано стихотвореніе *П о с л ѣ д н е е с л о в о*. „Я громомъ ихъ въ отчаяньи застигну“, съ тѣми же посторонними помѣтами и поправками въ текстъ) окончательно разъясняетъ спорныя мѣста въ стихотвореніи „Ивы и березы“, являясь третьей (второй по счету) редакціей. (См. приложение I, тетрадь А, гдѣ внесены послѣднія рѣшающія поправки для изданія 1863 г.). Рукопись перешла къ намъ изъ собранія академика А. Н. Пыпина.

III.

ТУРГЕНЕВЪ О ФЕТѢ.

Отзывы И. С. Тургенева объ А. А. Фетѣ, разбросанные въ малоизвѣстныхъ письмахъ, заслуживаютъ вниманія изслѣдователя. Приведемъ наиболѣе любопытные изъ нихъ. Первый находится въ письмѣ къ С. Т. Аксакову (Вѣстникъ Европы 1894 г., II); слѣдующіе извлечены изъ писемъ къ И. П. Борнсову (Шукинскій сборникъ 1909 г. книга VIII).

I. 5 Юня 1853. У меня на дняхъ былъ Фетъ, съ которымъ я прежде не былъ знакомъ. Онъ мнѣ читалъ превосходные переводы изъ Горация. Иныя оды необыкновенно удались — напрасно только онъ употребляетъ не только устарѣлыя слова, — каковы: „перси“ и т. д. — но даже несбывалыя слова въ родѣ: „завой“ (завитокъ), „уханіе“ (запахъ) и т. д. Я всячески старался ему доказать, что „уханіе“ также дико для слуха, какъ, напр. „получіе“ (отъ благаго получія). Собственные его стихотворенія не стоятъ его первыхъ вещей, его неопредѣленный, но душистый талантъ немного выдохся. Самъ онъ мнѣ кажется милымъ малымъ. Немного тяжеловатъ и смахиваетъ на малоросса, — ну, и нѣмецкая кровь отозвалась уваженіемъ къ разнымъ систематическимъ взглядамъ на жизнь и т. п. Но всетаки онъ мнѣ весьма понравился.

II. 21 Февраля 1862. Фету я написалъ недѣли двѣ тому назадъ письмо съ иллюстраціями, которое онъ вѣроятно вамъ показалъ. Вы совершенно вѣрно опредѣлили его характеръ — не даромъ въ немъ частица нѣмецкой крови — онъ дѣятеленъ и послѣдователенъ въ своихъ предпріятіяхъ, при всей поэтической безалаберщинѣ — и я увѣренъ, что конецъ концовъ, — его лирическое хозяйство принесетъ ему больше пользы, чѣмъ множество другихъ, прозаическихъ и практическихъ. Съ умиленіемъ воображаю, какъ я буду дразнить его, спорить съ нимъ и т. д. и т. д.

III. 5 Августа 1865. Вы, словно шутя, говорите о поѣздкѣ Фета за границу, а я серьезно думаю, что ему нужно встряхнуться, а то онъ непремѣнно окиснетъ и погрязнетъ въ какомъ то, если можно такъ выразиться, вяломъ ожесточеніи.

IV. 26 Августа 1866. Фетушкѣ я написалъ на-дняхъ только въ Степановку: ахъ зачѣмъ онъ это по временамъ помѣщаетъ такія слабосильныя стишки въ Русскомъ Вѣстникѣ — которыя только напоминаютъ прежніе соловьиные звуки? Точно человѣкъ накушался фіалокъ и испускаетъ потомъ безсильныя отрыжки.

V. 18 Ноября 1867. Что дѣлаетъ добродѣтельный, но строгій мужъ Аф. Аф. Фетъ? Не прибылъ ли онъ во Мценскъ по служебнымъ обязанностямъ? Хотѣлъ онъ мнѣ выслать какую-то свою педагогическую статью, но вѣроятно разсердившись на меня за мои отзывы объ его послѣднихъ стихотвореніяхъ — раздумалъ. Напрасно. Стиховъ я ему болѣе не совѣтую писать — но въ статьяхъ его, даже тамъ гдѣ онъ (между нами будь сказано) чужь городить, попадаются всегда прелестныя вещи.

VI. 31 Января 1870. Едва ли Фетъ прѣдетъ и въ нынѣшнемъ году въ Бадень. Скучно ему въ Степановкѣ и съ каждымъ годомъ будетъ скучнѣе: но онъ, хотя и полунѣмецъ, а внѣ Россіи жить не можетъ. Я не знаю человѣка, который могъ бы сравниться съ нимъ въ умѣнн хандрить. Вотъ кому бы слѣдовало оставаться вѣчно молодымъ!

VII. 15 Марта 1870. Пріятно мнѣ думать, что я увижусь съ Фетомъ, — постараюсь, по старой памяти, съ нимъ поспорить, что мнѣ съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе становится, — и глубже и глубже проникаюсь я истиной Тютчевскаго стиха:

„Мысль изреченная есть ложь“;

— во всякомъ случаѣ такая мысль, къ которой собесѣдникъ не хочетъ идти благодушно на встрѣчу, не хочетъ помочь вамъ самимъ понять ее: а Фетъ — не изъ такихъ собесѣдниковъ; онъ изъ удилозакусныхъ.

VIII. 1 Апрѣля 1870. Фетъ, дѣйствительно, сталъ какимъ-то страннымъ: пишеть мнѣ длиннѣйшія и, говоря по совѣсти, неудобопонятныя письма: видно только, что онъ постоянно чѣмъ-то внутренно раздраженъ. Я полагаю, что онъ никакъ не можетъ помириться съ прекращеніемъ своей литературной дѣятельности.

IX. 24 Августа 1870. Радуетъ меня то, что вы пишете о Толстомъ и о Фетѣ, жаль, только, что сей послѣдній все еще не хочетъ разстаться съ Музой.

X. 1 Октября 1870. Фетовское безобразничанье, о которомъ Вы пишете, имѣетъ то еще непріятное, что оно не наивно: въ немъ чувствуется кислое броженіе уязвленного и закупореннаго литературнаго самолюбія.

IV.

ПИСЬМО А. А. ФЕТА КЪ И. С. ТУРГЕНЕВУ.

„Милостивый Государь, Иванъ Сергѣевичъ!

Смѣло можете читать мое письмо: благовоспитаніе d'un enfant de bonne maison застраховываетъ отъ оскорбленій съ моей стороны. Вы правы. Последнее Ваше письмо окончательно меня изумило. Мы знаемъ, что Л. Толстой не поступитъ ни для кого своимъ убѣжденіемъ. Я только что отъ него и вопреки его совѣту, отвѣчаю на письмо Ваше.

До сихъ поръ я, въ нашихъ преніяхъ, только защищался отъ рѣзкихъ нападокъ. Теперь я вынужденъ говорить о Васъ.

Сошлись мы съ Вами въ слѣдствіе тождества не социальныхъ, а художественныхъ инстинктовъ. Вы знаете какъ я дорожилъ этимъ качествомъ, упрямо закрывалъ передъ другимъ глаза. Въ прошломъ году Вы написали что Вамъ надобли эстетическія тонкости и ео ipso оставили меня лицомъ къ лицу съ несимпатической стороною Вашей. На этомъ словѣ слѣдовало мнѣ прекратить съ Вами переписку и всякую солидарность. Но мнѣ было жаль прекраснаго прошлаго — въ этомъ моя вина. Я никогда ничего не говорилъ про Васъ заглаза, чего не сказалъ бы въ глаза. Я не способенъ сказать той бессмысленности, какую мнѣ приписали. Но дѣло не обо мнѣ, а объ Васъ и несимпатическомъ для меня качествѣ. На него, въ свое время, мѣтко указано нѣжно любившимъ Васъ Ник. Ник. Это — крайняя избалованность и необузданный эгоизмъ. Перехожу къ фактамъ... Вы задумались надъ брошенной въ лицо Толстого незаслуженной дерзостью и когда я въ Спасскомъ занкнулся просить Васъ о человѣческомъ окончаніи этого дѣла, — Вы зажали мнѣ ротъ дѣтски капризнымъ крикомъ, котораго я все по той же симпатіи наслушался отъ Васъ вдоволь. Вы сами знаете, насколько наши отношенія пострадали отъ невозможной катастрофы съ дядей Ник. Ник. И тутъ голосъ мой замолкъ передъ Вашимъ эгоистичнымъ капризомъ. Удивительно ли что Вы, въ послѣдній разъ въ Миусскѣ, не говорю при дамахъ, а при Петрушѣ Борисовѣ дозволили себѣ отвернуться отъ моей неоконченной рѣчи и обратиться въ сторону, что изумило мальчика, воспитаннаго въ законахъ приличія. Мальчикъ не изумился бы, еслибы зналъ, что это у Васъ въ обычаѣ, что Вы когда то простояли цѣлый вечеръ спиной къ его матери, а за тѣмъ къ Ковалевской. Съ тѣхъ поръ, какъ на мои замѣчанія о „Дымѣ“ Вы мнѣ отвѣчали дерзостью, я замолчалъ о Вашихъ писаніяхъ; это не помѣшало Вамъ продолжать бранить меня въ лицо, какъ поэта. Необходимо припомнить, что послѣ катастрофы съ Толстымъ — послѣдній энергически просилъ меня не упоминать Вашего имени при немъ. Но зная Васъ, въ сущности, за хорошаго человѣка, я не поддался Толстому: онъ отвернулся отъ меня. Я подумалъ: „отворачивайся, я ничего худого не сдѣлалъ и не

хотѣлъ тебя обидѣть!" Однажды, дѣлая сначала видъ, что не замѣчаешь меня, въ театральномъ маскарадѣ, Толстой вдругъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ — „Нѣтъ, на Васъ сердиться нельзя“, и протянулъ мнѣ руку. Съ тѣхъ поръ мы снова разговариваемъ съ нимъ о Васѣ, безъ всякаго раздраженія. Последняя выходка Ваша — *sarc d'orege*. Въмѣсто, чтобы прекратить несприятную переписку Вы вышли съ голословнымъ обвиненіемъ, кромѣ одного выраженія: страсть къ преувеличеніямъ, а затѣмъ опять „ип — рныя привычки“ (читай — позорныя). Какъ это опредѣлительно и вѣрно! Какія это привычки (позорныя)? Оказывается — ни единой! Позволяю Вамъ всѣ ихъ пропечатать на всѣхъ діалектахъ. Что касается гиперболя, то ни одинъ психологъ не призналъ Гамлета лгуномъ за его 40.000 братьевъ. Въ последнемъ письмѣ торжествуетъ Ваша метода диспутовъ. Вамъ указываютъ на разительный примѣръ Вашей невоздержности на оскорбленія, а Вы пишете объ уваженіи къ Толстому и въ доказательство позволяете себѣ инсинуацію о людяхъ, достойныхъ быть заброшенными грязью. Какъ это любезно, справедливо и главное логично. Прочитавъ Ваши два послѣднихъ письма ко мнѣ, Толстой сказалъ: „Понимаю: Шеншинъ говоритъ, что Тургеневъ говоритъ, что Полонскій говоритъ, что Маркевичъ говоритъ, будто Феть говорилъ, что Тургеневъ говорилъ. Какъ подымать такую сплетню?“ Вы подняли ее потому, что не вѣрили ей. Вы слишкомъ хорошо знаете, что я не способенъ сказать такой глупости, какъ „жажда въ Сибирь“. На такія умныя слова у меня мозгу не хватить. Но Вамъ нужно было людей посмотрѣть, себя показать, какъ это дѣлалъ всю жизнь. Вы могли бы прогнать старика дядю, не обижая его, Вы могли бы разойтись съ Толстымъ, со мною и вообще съ человѣкомъ изъ противоположнаго лагеря, не швыряя обидами, но это значило бы, что дѣйствительно боишься руки замарать. Нечего церемониться съ человѣкомъ стоящимъ, по смыслу статьи Тютчева „Россія и революція“ въ противоположномъ съ нами лагерѣ. Мы начиная съ самаго Тютчева, считаемъ ихъ заблуждающимися, они ругаютъ насъ подлецами. Таковъ духъ самаго лагеря. Не одинъ дядя Ник. Ник. призналъ въ Васѣ избалованнаго, *M-me Viardo* не разъ обзывала Васъ при мнѣ *un sauvage*. Въ ея дружеской шуткѣ скрыта глубокая правда. Я просто боюсь Васъ, ибо считаю способнымъ написать дерзость, забывъ, что мы двадцать пять лѣтъ были пріятелями, что мы оба одной ногой въ могилѣ и что браниться или по выраженію Петерб. Литерат. — зашутаться можно, въ крайнемъ случаѣ, лицомъ къ лицу, а не на 3000-верстномъ разстояніи. Какъ жаль, что Вы нагнулись подымать эту сплетню и вынудили настоящее объясненіе. Раскланиваясь навсегда, я всетаки не смѣшиваю милаго, талантливаго автора „Записокъ охотника“ съ формой *enfant terrible*, въ которую отлили послѣднія неблагоприятныя въ воспитательномъ отношеніи, условія жизни. Страсть — вещь естественная и законная, но нельзя въ искусственномъ обществѣ все соразмѣрять ея и оправдывать. Выйдутъ уходы за Инсаровыми, да Базаро-

выми, т. е. выйдет по мѣткому, хотя и не совсѣмъ деликатному, сравненію некоего критика — собачья свадьба. Кромѣ каждаго изъ нихъ есть еще чужія личности и благовоспитаніе требуетъ къ нимъ хотя отрицательной вѣжливости.

Dixi. Думайте, что хотите, но не безпокойтесь отвѣчать. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугой.

А. Шеншинъ.

(Ноябрь 1874)

Примѣчаніе. Въ 1874 году произошла ссора И. С. Тургенева съ А. А. Фетомъ, описанная послѣднимъ въ „Монхъ Воспоминаніяхъ“ (томъ II, стр. 303). Настоящее письмо Фета, опущенное имъ въ его запискахъ, сохранилось въ копіи въ бумагахъ П. В. Анненкова.

Въ 1878 году бывшіе пріатели возобновили добрыя отношенія.

V.

ПАСКВИЛЬНЫЕ АКРОСТИХИ.

(Къ исторіи литературныхъ нравовъ)

I.

Письмо къ редактору.

Милостивый государь,

г. редакторъ!

Такъ какъ никто изъ всѣхъ представителей печати такъ тепло не отнесся къ памяти покойнаго И. С. Аксакова, какъ сдѣлали это вы, и такъ какъ изъ ряда статей „Русскаго Курьера“ несомнѣнно, что вы намѣрены твердо, по мѣрѣ силъ, пойдти по слѣдамъ покойнаго „поборника русской правды“, то я думаю не безынтересенъ для вашей газеты будетъ слѣдующій фактъ изъ жизни Ивана Сергѣевича, который имѣлъ мѣсто за нѣсколько дней до его кончины.

Не безызвѣстно русской публикѣ, что покойный И. С. Аксаковъ, кромѣ того, что былъ лучшимъ отечественнымъ публицистомъ, въ то-же время былъ и остроумнѣйшимъ человѣкомъ вообще и очень талантливымъ и находчивымъ на каламбуры поэтомъ.

Въ субботу 25-го января (онъ умеръ 27-го вечеромъ) въ квартирѣ И. С. сидѣли: я, генераль Кирѣевъ и еще два человѣка, пріятелей покойнаго. Заговорили о книгѣ, только что вышедшей въ Вѣнѣ, нѣкоего Фриделя, составляющей всецѣло полемику противъ всей дѣятельности Аксакова. Въ

этой книгѣ, между прочимъ, есть такая фраза: „хотя г. Аксаковъ и правъ въ своихъ славянофильскихъ теоріяхъ и славянофильство — лучшее направленіе для русскихъ интересовъ, тѣмъ не менѣе все, что говорятъ славянофилы — в з д о р ъ, хотя они и доказываютъ свои теоріи очень умно.“

Литературный псевдонимъ этого Фриделя „Мудрецъ нашихъ дней“.

Всѣ мы смѣялись надъ этимъ Мудрецомъ, толковали о несообразности комбинаціи „в з д о р ъ и о ч е н ь у м н о“.

И. С. взявъ карандашъ и буквально въ пять минутъ изобразилъ такое стихотвореніе, которое я тутъ-же у него списалъ. Вотъ оно:

Мудрецъ нашихъ дней.

Люди смѣются надъ нимъ безконечно,
„А наплевать мнѣ на нихъ“ — онъ твердитъ.
На воротъ брань не повиснетъ, конечно,
И мудреца не она удивитъ.
Надо быть стойкимъ въ своемъ убѣжденнѣ,
Дурь — если даже одна на умѣ...
Умъ хорошо — бы имѣть, безъ сомнѣнья,
Развѣ — жъ онъ рѣпа?.. При свѣтѣ, при тѣмѣ
Ажъ-хоть ты лопни, не купишь его...
Какъ-же тутъ быть?.. Проживу безъ него.

Примите и проч.

Аф. Феть.

(Русскій Курьеръ 1886, № 50, 20 Февраля)

II.

Письмо къ издателю.

М. г. Прошу многоуважаемую редакцію вашей газеты не отказать въ помѣщеніи слѣдующей замѣтки:

На дняхъ мои знакомые съ изумленіемъ передавали мнѣ что въ Русскомъ Курьерѣ появился пасквильный акростихъ на г. Ланна за мою подписью, а Новое Время на 3 страницѣ, отъ 22 февраля, говоритъ: „Г. Аѳ. Феть въ письмѣ къ редактору Русскаго Курьера передастъ слѣдующій эпизодъ, характеризующій покойнаго Аксакова какъ остроумнаго и находчиваго на каламбуры поэта“.

Затѣмъ минное письмо мое разказываетъ какъ при мнѣ въ квартирѣ покойнаго И. С. Аксакова написано приведенное пасквильное стихотвореніе. Я могъ бы просто заявить что никогда покойный И. С. Аксаковъ не писалъ въ моемъ присутствіи ничего подобнаго и я ни къ какимъ Курьерамъ не обращаюсь; но такъ какъ подобносе злоупотребленіе моимъ именемъ является не впервые, то я разъ на всегда прошу читателей пасквильнаго стихотворенія за мою подписью быть твердо увѣренными въ грубомъ подлогѣ.

Примите и пр.

А. Феть.

(Московскія Вѣдомости 1886, № 57, Февраля 27)

III.

Объ авторѣ пасквильныхъ акrostиховъ.

Изъ „Новаго Времени“ (№ 3594) я узналъ, что Ае. Ае. Феть почель нужнымъ объяснить въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ свою неприкосновенность къ недостойной продѣлкѣ, совершенной отъ его имени надъ редакторомъ „Русскаго Курьера“, г. Ланнинымъ. При этомъ г. Феть напомнилъ, что такая продѣлка совершается подложно отъ его имени уже не въ первый разъ. Напоминаніе это безъ сомнѣнія относится къ случаю, бывшему первый разъ съ редакторомъ „Заря“, покойнымъ В. В. Кашпиревымъ.

Акrostихъ, которымъ была введена въ заблужденіе редакция „Заря“, былъ непріятенъ не одному г. Фету, но онъ былъ особенно непріятенъ и мнѣ, потому что мы съ покойнымъ Кашпиревымъ какъ разъ передъ появленіемъ акrostиха разошлись изъ-за романа „Соборяне“, и потому нѣкоторыми людьми плохой совѣсти былъ пущенъ слухъ, что акrostихъ написалъ я и подослалъ его Кашпиреву черезъ моихъ орловскихъ друзей. Находили, что для меня это было особенно удобно, такъ какъ я орловскій уроженецъ и имѣю родныхъ въ Орловской губерніи.

Все это была дрянная клевета, но мнѣ опровергать ее печатно было не чѣмъ, да и неудобно, такъ какъ она держалась только въ сферѣ кружковыхъ, литературныхъ сплетенъ. Однако, повторю, — мнѣ это было очень непріятно и я старался узнать: отъ кого выходила такая злонамѣренная гадость. Вскорѣ я и узналъ, что слухъ о сочиненіи акrostиха мною былъ особенно поддерживаемъ однимъ понынѣ здравствующимъ поэтомъ, который въ своей жизни очень много упражнялся въ издѣвательствахъ надо мною, за мое „вредное направленіе“.

Это навело меня на мысль: не самъ ли упоминаемый поэтъ и наградилъ „Зарю“ акrostихомъ, подписаннымъ именемъ Фета?

Черезъ нѣкоторое время я получилъ тому очень убѣдительное подтвержденіе отъ одного знакомаго изъ Орла, а еще немного спустя я получилъ въ этомъ устное сознаніе самого поэта, высказанное въ слѣдующей формѣ и при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Я зашелъ въ книжный магазинъ Вольфа, съ которымъ имѣлъ дѣла по изданіямъ.

Покойный М. О. Вольфъ былъ занятъ съ покупателями и просилъ меня пройти въ его „кабинетикъ“, въ заднемъ концѣ магазина. Тутъ я, неожиданно и къ неудовольствію для себя, встрѣтилъ упоминаемаго поэта, который дѣлалъ много переводныхъ работъ для Вольфа. Мы были двое съ глаза на глаза и поэтъ сказалъ мнѣ:

— Всѣ вѣрятъ, что акrostихъ „Зарѣ“ Кашпирева написали вы.

— Да, отвѣчалъ я, — я это слышалъ, но я увѣренъ, что этотъ акrostихъ написали вы.

— И что же! воскликнулъ поэтъ: — вы правы. Мы здѣсь одни, — свидѣтелей нѣтъ, и я не стану отпираться, что акростихъ Фета написалъ я.

— Зачѣмъ же вы распускаете слухъ, что это мое дѣло?

— „Потому, что я считаю долгомъ чести вредить вамъ всегда и повсюду“.

Я повернулся и ушелъ, оставивъ поэта при его понятіяхъ о долгѣ и чести, и никогда не упоминалъ объ этомъ въ печати, потому что дѣло это тогда уже позабывалось и мнѣ не хотѣлось подбавлять масла въ огонь. Но небольшому числу литературныхъ друзей моихъ я тогда же рассказалъ объ этой встрѣчѣ и имъ извѣстно имя популярнаго поэта, ловко поддѣлывающагося подъ различныя чужія манеры въ стихотворствѣ. Этотъ представитель извѣстнаго литературнаго круга и наилучшаго, будто бы, направленія, до сихъ поръ сохраняетъ всѣ отличавшія его литературныя способности, а также нравственныя убѣжденія. И, притомъ онъ, кажется, пользуется еще у нѣкоторыхъ симпатіями и уваженіемъ.

Теперь, когда о происхожденіи припоминаемаго стихотворенія появились объяснительныя строки А. А. Фета, и я считаю своевременнымъ и умѣстнымъ сказать то, что мнѣ извѣстно объ акростихѣ, который былъ написанъ въ „Зарѣ“ подъ именемъ Фета.

Такъ какъ нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы когда-нибудь явнымъ, то и имя путавшаго насъ пасквилянта безъ сомнѣнія когда-нибудь будетъ названо, а друзья и единомысленцы этого поэта вѣроятно найдутъ въ томъ для себя своего рода честь и удовольствіе.

3-го марта 1886 года.
С.-Петербургъ.

Николай Лѣсковъ.

(Новое Время 1886 г. № 3596, 4 Марта).

Примѣчаніе. „Авторъ пасквильныхъ акростиховъ“ — Д. Д. Минаевъ (1835 — 1889), знаменитый версификаторъ и „король рیمъ“, ненавидѣвшій Фета и осыпавшій его грубыми насмѣшками въ печати при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ. Минаевъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Искры“, гдѣ онъ участвовалъ, прикрываясь различными псевдонимами. Самъ Фетъ относился къ Минаеву со спокойнымъ пренебреженіемъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Н. Н. Страхову онъ говоритъ: „Какой Курочкинъ и Минаевъ мнѣ собрать, не потому ли что носить сапоги?! Всѣ эти неумытые даже не *dii minorum gentium!*“ (Письмо отъ 3 Марта 1879 г. „Русское Обозрѣніе“ 1901 г. стр. 94).

Акростихъ Минаева „Зоря Кашпирева умираетъ“ мы здѣсь не приводимъ за его общезвѣстностью (Полное собраніе стихотвореній А. А. Фета, подъ редакціей Б. В. Никольскаго, т. I, стр. VII). Что касается акростиха-пасквиля на Н. П. Ланіна въ „Русскомъ Курьерѣ“, то можно утверждать почти навѣрное, что авторомъ его былъ не Минаевъ.

VI.

ФЕТЬ О СВОИХЪ СТИХАХЪ.

По свидѣтельству Ф. Ф. Фидлера, Феть считалъ наиболѣе удачными слѣдующіе свои стихи:

„Печальная береза“, „Чудная картина“, „Не отходи отъ меня“, „Тихая звѣздная ночь“, „Шумѣла полночная вьюга“, „Фантазія“, „Какъ мошки зарею“, „Свѣжь и душистъ твой роскошный вѣнокъ“, „Пѣвницѣ“, „Другъ мой, безсильны слова, — одни поцѣлуи всесильны“, „Шопотъ, робкое дыханье“, „На стогѣ сѣна ночью южной“, „Жди яснаго на завтра дня“, „Ужъ верба вся пушистая“, „Еще весна — какъ будто неземной“, „На зарѣ ты ее не буди“, „Весенній дождь“, „Колыбельная пѣснь сердцу“, „Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“, „Люди спать, мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ“, „На Диѣпрѣ въ половодье“, „Въ долгія ночи какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты“, „Не спрашивай, надъ чѣмъ задумываюсь я“, „Только станеть смеркаться немножко“.

Заглавія этихъ стихотвореній Феть собственноручно отмѣтилъ для г. Фидлера по изданію Солдатенкова (1863 г.), находя ихъ заслуживающими перевода на нѣмецкій языкъ.

VII.

ЭПИГРАММЫ НА А. А. ФЕТА.

I

У лѣсной опушки
Аѳанасій Феть,
Прислонившись къ пушкѣ,
Воспѣвалъ лафеть.

1863.

Д. Д. Минаевъ.

II

(На перемѣну фамиліи)

Жалѣю очень я, что псевдонимъ свой Фета
Опять на Шеншина задумалъ промѣнять:
Подъ первымъ знали всѣ бездарнаго поэта,
А подъ вторымъ совсѣмъ ужъ перестанутъ знать.

1874.

С. П. Мосоловъ.

III

Пахнетъ лѣтомъ,
Пахнетъ Фетомъ,
Пахнетъ скошенной травой,
Пахнетъ всякой чепухой.

(въ 70-хъ г.г.)

(?)

IV

Шеншинъ у насъ скупцомъ прослылъ.
Есть даже про него преданье,
Что онъ, жалѣючи чернилъ,
Не ставитъ знаковъ препинанья.

(?)

V

Шлю отъ души привѣтъ землевладѣльцу - Фету,
Готовъ во все концы трубить ему хвалу,
Какъ диллетанту и кондитеру-поэту
За пастилу!

Но не въ однихъ сладостяхъ онъ выказалъ свой гений, —
Я почестъ воздаю ему, какъ Шеншину,
За лучшее изъ всехъ его произведеній,
За ветчину!

П. В. Шумахеръ.

VI

1883.

(На юбилей)

Ты ли проказникъ
Иль календарь?
Нынѣ твой праздникъ —
Мартъ, не Январь.
Солнце все выше,
Снѣгъ все рыхлѣй,
Кошки на крышѣ —
Твой юбилей.

1889.

Θ. Е. Коршъ.

VII

(На полученіе камергерства)

Подъ старость ключъ украсилъ фалды Фета;
Вполнѣ заслуженъ имъ такой почетъ.
Имѣетъ важный смыслъ награда эта:
Кто безъ ключа стихи его пойметъ?

1889.

П. А. Козловъ.

VIII

(Тоже)

Жилъ-былъ поэтъ,
Всѣмъ намъ знакомъ.
Подъ старость лѣтъ
Сталъ

1889.

Вл. С. Соловьевъ.

Примѣчаніе. Юмористы шестидесятыхъ годовъ, подвизавшіеся въ „Искрѣ“ (В. П. Буренинъ, Д. Д. Минасевъ, П. А. Ефремовъ (Вяч. Штевенъ) и др.) долго и усердно издѣвались надъ Фстомъ за его „Письма изъ деревни“. Насмѣшки эти при маломъ остроуміи отличаются поразительною грубостью. Выше, изъ замѣтки „Пасквильные акростихи“ мы видѣли, какія побужденія одушевляли участниковъ „Искры“ въ ихъ трудахъ. Въ качествѣ образца приводимъ здѣсь одну изъ эпиграммъ Минасава. Изъ семи прочихъ въ печати извѣстны IV, V и VII; остальные печатаются впервые. Эпиграммою С. П. Мосолова (акростихъ) дразнили въ Катковскомъ лицѣ племянника Фета Петрушу Борисова, обожавшаго дядю; для него же товарищами сочинено было и „Пахнетъ лѣтомъ“. Обѣ эпиграммы сообщены намъ товарищемъ П. И. Борисова по Московскому лицу Цесаревича Николая княземъ И. Д. Звенигородскимъ. Юбилейную эпиграмму Ѡ. Е. Корша любезно сообщилъ профессоръ Р. Ѡ. Брандтъ; послѣдняя (Жилъ-былъ поэтъ) находится въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ В. С. Соловьева.

VIII.

О ПОЦѢЛУѢ.

Значеніе каждой вещи обусловлено мѣстомъ, занимаемымъ ею въ цѣпи причинности, будетъ-ли послѣдняя состоять изъ умственныхъ основаній или матеріальныхъ причинъ. Не зная условій, при которыхъ дѣлается вопросъ, невозможно знать, на что отвѣтить. Что касается до насъ лично, то, не зная отвѣта, мы неспособны скрывать наше незнаніе, а тѣмъ болѣе въ видѣ искомаго предмета преднамѣренно подставлять его синонимъ; выставляя напр. въ заглавіи неразрѣшенный вопросъ: что такое жизнь — сводитъ дѣло на то, что міровая жизнь, заключая въ своей божественной непостижимости въ числѣ прочаго и насъ, не стоитъ никакого вниманія, и не есть жизнь, которая сводится въ концѣ концовъ на людское житіе, т. е. человѣческія дѣянія на поприщѣ этики.

На вопросъ о поцѣлуѣ, представляющемъ одно изъ крупныхъ явленій жизни, невозможно серьезно отвѣчать, не заговоривъ о самой жизни. Отвѣ-

чая на него, мы боимся не тѣхъ, которые, правильно понявъ наши слова, будутъ бранить насъ, а скорѣе тѣхъ, которые, не понявъ сказаннаго, способны насъ хвалить.

Прибѣгая для краткости къ сравненію, представимъ себѣ жизнь мірозданія въ видѣ цвѣтущей и доступной нашимъ чувствамъ долины съ одной стороны, и съ другой — въ видѣ недоступной взорамъ горной вершины теряющейся въ облакахъ. Не взирая на такую недоступность, мы знаемъ несомнѣнно, что съ этихъ невидимыхъ вершинъ исходитъ къ намъ живительная влага, безъ которой жизнь въ долинѣ невозможна. И насколько намъ показалось-бы нелѣпнымъ утвержденіе, что водопады безпричинно сами собою порождаются на уступахъ, съ которыхъ падаютъ, настолько-же неосновательно кажется намъ сказать про тѣ или другія явленія, что они, не истекая изъ трансцендентальнаго міра, возникаютъ сами собою. Но проникнувъ въ хранилище основныхъ причинъ, т. е. творчества міровой воли, не позволимъ себѣ безсмысленнаго вопроса: почему эта воля хочетъ въ данномъ случаѣ того, а не другаго? Если эта воля, осуществляясь всюду, даже въ мірѣ неорганическомъ, желаетъ бытія, то на самой границѣ органическаго міра она уже къ желанію бытія присоединяетъ желаніе воспроизведенія себя въ потомствѣ. Мы не только напрямикъ отказываемся отвѣчать, почему воля хочетъ того или другаго, но отказываемся даже понимать и то, что несомнѣнно происходитъ у насъ передъ глазами. Ибо сплошь да рядомъ происходитъ не только невѣроятное, но логически невозможное. Прибѣгайте къ какой угодно діалектикѣ, но — яйцо содержитъ не только будущую курицу или пѣтуха, но и безконечный рядъ ихъ потомствъ. Другими словами, тѣсно ограниченная скорлупа содержитъ въ себѣ безграничный рядъ птичьихъ поколѣній, что представляетъ логическое противорѣчіе. Какъ-бы то ни было, стремленіе къ воспроизведенію себѣ подобныхъ рѣзко отличаетъ органическій міръ отъ неорганическаго, и сближеніе половъ между собою есть путь избранный природою для своей главной цѣли. Неотразимую прелесть, какою она окружила актъ сближенія и взаимнаго проникновенія Шопенгауэръ называетъ преднамѣреннымъ обманомъ, безъ котораго никто добровольно не взвалилъ бы на себя перѣдко непосильной семейной обузы. Мужчина, въ первый разъ инстинктивно потянувшій себя за усь при видѣ незнакомой ему дѣвушки, и дѣвушка, прошедшая мимо него съ опущенными глазами, уже стали на двухъ концахъ лѣстницы сближенія; они еще сильнѣе его почувствуютъ, связанные другъ съ другомъ лентою, изображающею въ котильонѣ вожжи; еще сильнѣе будетъ сближеніе, когда отбросивши вожжи, онъ въ вальсѣ обхватитъ ея талію, хотя бы и затянутую въ корсетъ. Но болѣзненно возрастающій жаръ, не утоляясь новою степенью сближенія, требуетъ еще большаго и инстинктивно находитъ его въ поцѣлуѣ. Инстинктъ въ выборѣ своемъ непогрѣшимъ; невозможно придумать болѣе нагляднаго и осязательнаго сближенія, чѣмъ сближеніе жаждущихъ другъ друга усть.

Слизистая оболочка, выбѣгая изъ нашей внутренности и являясь на языкѣ единственной хранительницей чувства вкуса, сводитъ одновременно въ устахъ и драгоценныя звуки голоса, и сладостное дыханіе любимаго существа. Не удивительно, что соприкосновеніе двухъ влюбленныхъ устъ представляетъ предпоследнюю ступень возможнаго сближенія. Это просмотрѣнный и помѣченный банкомъ вексель для выдачи полной суммы. Таково значеніе любовнаго поцѣлуя между двумя полами. Но всѣ другого рода поцѣлуи являются слѣдствіемъ привычки, подобно тому, какъ отставныя военныя, расшаркиваясь, иногда щелкаютъ какъ бы шпорами, которыхъ давно нѣтъ. Но тамъ, гдѣ еще говоритъ безъискусственная страсть, ищущая сближенія съ любимымъ существомъ, поцѣлуй бываетъ такъ же влаженъ, какъ у истинно влюбленныхъ. Такъ иногда цѣлуетъ мать обожаемаго ребенка, котораго ей какъ бы хочется проглотить. И кажется, д-ръ Даль, въ своемъ словарѣ справедливо производя поцѣлуй и цѣловать отъ слова цѣлость, неправъ, объясняя его желаніемъ цѣлости лобзаемаго, въ смыслѣ: желаю здравствовать. Не вѣришь ли сказать, что цѣловать значитъ стремиться ко всецѣлому обладанію предметомъ страсти. Нѣжнѣйшій и прелестнѣйшій цвѣтокъ интимности — поцѣлуй, кромѣ пустой и холодной формальности, съ которою ежедневно обходитъ равнодушныя другъ другу лица, способенъ быть выраженіемъ различныхъ непритворныхъ чувствъ. Тамъ, гдѣ за страстнымъ поцѣлуемъ послѣдовала полная выдача суммы, поцѣлуй, потерявшій свое наступательное движеніе, нерѣдко принимаетъ форму живой признательности. Тогда у любимой женщины, погружая уста въ обожаемую руку, цѣлуютъ ладонь. Конечно, на такой поцѣлуй надо имѣть извѣстное право.

Каемся, во всѣхъ широкихъ міровыхъ и психологическихъ вопросахъ мы охотнѣ всего обращаемся къ поэтамъ. На что требуется великой подготовительной работы, чтобы только правильно поставить вопросъ, тому у поэта въ немногихъ стихахъ находится наилучшее его объясненіе.

Въ данномъ случаѣ идею взаимнаго сліянія и проникновенія въ поцѣлуѣ невозможно выразить съ большей яркостью, чѣмъ она высказана у Шиллера въ знаменитомъ стихотвореніи: „Das Geheimnis der Reminiscens“, — весьма удачно переведенномъ Григорьевымъ:

Вѣчно лнуть къ устамъ съ безумной страстью
Кто ненасыщаемому счастью,
Этой жадѣ пить твое дыханье,
Слить съ твоимъ свое существованье
Дастъ истолкованье?

Нельзя не замѣтить, что Шиллеръ, иллюстрируя этимъ стихотвореніемъ мысль о сліянїи, взаимномъ проникновенїи представителей двухъ половъ, по праву поэта беретъ вдохновенно раскрыть первоначальную причину, наслѣдованную изъ трансцендентальнаго міра. Сначала разгадка вопроса является только догадкою:

Или мы когда-то единились,
Иль затѣмъ сердца въ насъ страстью бились?
Не въ лучѣ ль погасшихъ звѣздъ съ тобою
Были мы единою душою,
Жизнию одною?

Но затѣмъ порывъ вдохновенія превращаетъ догадку въ несомнѣнное
событіе:

Да, мы были, внутренно была ты
Въ тѣхъ зонахъ (имъ же нѣтъ возврата)
Связана со мною... Такъ въ скрижали
Мнѣ прочесть въ той довременной дали
Вдохновенія дали.

Раздѣленное на двѣ половины существо, свободно парившее въ трансцен-
дентальномъ мірѣ, попавши въ міръ явленій, вынуждено искать своего воз-
соединенія, и силы духа, тамъ свободныя, дѣлаются здѣсь рабами.

Оттого то какъ рабы охотно,
Отдаваясь власти безотчетно,
Силы духа быстрой чередою
Черезъ жизни мость бѣгутъ, съ тобою
Жизнью жить одною.

Вотъ все, что мы нашли необходимымъ сказать объ этомъ своеобразномъ и сладостномъ явленіи.

10 Іюля 1891 г.

А. Фетъ.

Примѣчаніе. Статья написана была Фетомъ для сборника, составленнаго М. В. Шевляковымъ „Поцѣлуй. Изслѣдованія и наблюденія. Поцѣлуй съ точки зрѣнія фізіологической, гигиенической, исторической, этнографической, юридической, гипнотической, филологической и пр. С.-Петербургъ. 1892“. (Современники о поцѣлѣ. Мнѣніе А. А. Фета, стр. 183 — 189). Изданіе это разошлось совершенно и представляетъ собою библиографическую рѣдкость. Несмотря на тщательные поиски, намъ не удалось найти „Поцѣлуя“ ни въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ, ни въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Перепечатаваемъ статью съ единственнаго авторскаго экземпляра, любезно предоставленнаго въ наше распоряженіе вдовой составителя, Н. М. Шевляковой.

IX.

ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ А. А. ФЕТА.

ТЕТРАДЬ А.

Въ кожаномъ коричневомъ тисненомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, со сломаннымъ замкомъ. На передней доскѣ переплета буквы: „А. Ф.“, на корешкѣ: „4 января 1854“.

Сюда вошли стихотворенія, въ хронологическомъ указателѣ Б. В. Никольскаго находящіяся отъ № 312 („Не спится. Дай, зажгу свѣчу! Къ чему читать?“) по № 442 (Мотылекъ мальчику. „Цвѣты киваютъ мнѣ, головки наклона“).

Въ этой же тетради находится поэма „Сонъ поручика Лосева“ и примѣчанія къ ней, неизвѣстно кому принадлежащія. Примѣчанія подписаны двумя буквами, плохо поддающимися прочтенію; можно читать ихъ какъ „А. Д.“ и какъ „Л. Т.“

(къ стр. VII — VIII):

(1) Надобно бы придать явленію призраковъ болѣе картинности и фантастической жизни. Одна строфа, если ее прибавить, не будетъ лишнею.

(2) Больше, больше страсти! Прочтите въ Манфредѣ ту сцену когда передъ Манфредомъ вызываютъ тѣнь Астарты.

(къ стр. XV — XVI)

Стихи:

Твою улыбку, иѣжное созданье,
Хранить такой мое воспоминанье.

вылы и прозачны.

(къ стр. XVII — XXI; въ текстѣ прибавлено: темно и длинно).

(3) Общій тонъ ея рѣчи очень хорошъ, но есть путаница въ разсказѣ. Лучше упростить его и даже зарю изгнать. Вообще при фантастическомъ разговорѣ не надо многословія.

(къ стр. XXIII)

(4) Эта строфа хороша, но вы можете сдѣлать ее во сто разъ лучше. Уловите особенности горячешаго бреда и передайте ихъ рельефнѣе.

Общее впечатлѣніе всей вещи истинно поэтично, понятно, законно, правильно. Недостатки подробностей затемняютъ достоинства цѣлаго, и потому всякая исправленная строка подѣйствуетъ вдвойнѣ — и сама по себѣ, и по своему отношенію къ цѣлой сценѣ.

Примѣчаніе. О поэмѣ „Сонъ поручика Лосева“ въ „Дневникѣ“ Никитенки находимъ слѣдующую записъ: „Вчера вечеромъ (27 Апрѣля 1856 г.) читалъ у меня Фетъ свою фантастическую повѣсть въ стихахъ. Стихи хороши: есть картины, образы, но мысли никакой. Эти поэты думаютъ, что можно писать безъ всякой опредѣленной идеи, что отыскать или привить эту идею къ сочиненію есть дѣло читателя, а не автора. Я высказалъ послѣднему то,

что думалъ, а также и догадку, какую можно имѣть о томъ, что авторъ хотѣлъ сказать. Онъ удивился, что тутъ ищутъ мысли. Панаевъ былъ одного мнѣнія со мной". (А. В. Никитенко. „Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ“. Записки и Дневникъ. 1804 — 1877 г. т. I СПб. 1904, стр. 477).

Тетрадь Б.

Темнозеленый кожаный переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ и тисненіемъ на передней крышкѣ: „А. Ф. 1859“.

На оборотъ передъ первой страницей надпись:

Другу и брату
Иванъ Борисовъ

Москва 14 N. 59.

Въ тетради насчитывается до 14 различныхъ почерковъ. Первое стихотвореніе Зевесъ („Шумъ и гамъ. Хохочуть дѣвы“); послѣднее Луиное сіяніе, первоначальное названіе піэсы Въ лунномъ сіяніи („Выйдемъ съ тобой побродить“); по „Хронологическому указателю“ Б. В. Никольскаго №№ 444 — 662.

Тетрадь В.

Сюда вошли стихотворенія на отдѣльныхъ листахъ, перенесенныя частью рукой самого Фета, частью его секретарей.

Тетради послѣдняго періода

(рукою Е. В. Федоровой съ поправками Фета).

Г. Ученическая синяя тетрадь съ заголовкомъ „Стихотворенія А. Фета“. 1886 г. Отъ „Выйдемъ съ тобой побродить“ (дата 1885 года, Декабрь) по „Вотъ наша книжка въ толстомъ томѣ“ съ надписью рукою Фета „Душевно-уважаемому и строгому сотруднику Графу Алексѣю Вас. (Олсуфьеву)“ 14 Янв. 1887.

Д. Бѣлая тетрадь обыкновенной писчей бумаги въ четвертую долю листа „Стихотворенія А. Фета“ 1888 года. Отъ „Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно“ (27 Окт. 1888) по „Озираясь на юность тревожно“ (14 Сент. 1889).

Е. Стихотворенія А. Фета 1887 года. Эта тетрадь, какъ и всѣ послѣдующія, въ синей ученической обложкѣ. Отъ „Чуждыя огласки“ (31 Янв. 1887 года) по „Алмазъ“ (Не украшать чело Царницы. 9 Февр. 1887 г.)

Ж. Стихотворенія А. Фета 1888 года. Отъ „Графиня Наталья Михайловна Соллогубъ“. (Вамъ піснь моя. Въ степи мірской) 15 Февр. 1888 по „Тѣсиѣ и ближе сюда“ 4 Сент. 1888. Тетрадь кончается (безъ датъ) II, 43 „Къ Кандиду“ и II, 44 „къ Сенату“.

З. Стихотворенія А. Фета 1890 года. Отъ „Сердцемъ предвидя невольный отвѣтъ“ (30 Янв. 1890) по „Только мѣсяць взошелъ“ (11 Февр. 1891). На послѣдней страницѣ стихотвореніе Я. П. Полонскаго: „Истомилась въ сладостномъ покоѣ“.

И. Стихотворенія 1891 года. „Качаяся звѣзды мигали лучами“ (17 февр. 1891 г.) по „Тамъ, гдѣ на красныя ступени“ (27 Сент. 1891 г.)

І. 1891 годъ. Отъ „Елизаветѣ Дмитріевнѣ Дункеръ“ (Ихъ вмѣстѣ видя и къ тому же) 22 Окт. 1891 г. по „Когда дыханье множить муки“ 23 Окт. 1892 г. Въ заглавіи послѣдняго стихотворенія умирающій Фетъ сдѣлалъ поправки карандашемъ: Ихъ (Императорскимъ) Высочествуамъ (Великой Княгинѣ Елизаветѣ Маврикіевнѣ и Вел. Кн. Константину Константиновичу) на милостивыя строки отъ 21 Окт.

П р и м ѣ ч а н і е. Черновыя рукописи А. А. Фета составляютъ собственность редактора перваго посмертнаго изданія его стихотвореній, профессора Б. В. Никольскаго, которому мы приносимъ глубокую благодарность за дозволеніе воспользоваться ими.

Х.

ЮБИЛЕЙ А. А. ФЕТА.

28 Января 1889 года.

Сегодня, 28 Января, чествовалось пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности всѣмъ на Руси извѣстнаго, Аѳанасія Аѳанасьевича Фета.

Въ 12 часовъ дня, въ квартирѣ юбиляра былъ отслуженъ молебенъ, съ приглашеніемъ многолѣтія, послѣ чего маститый поэтъ принималъ поздравленія отъ различныхъ обществъ и частныхъ лицъ.

Небольшая пріемная, убранная живыми цвѣтами, наполнилась къ этому времени лицами, желавшими принести свои искренніе поздравленія и пожеланія глубокоуважаемому юбиляру. На каждое привѣтствіе Аѳанасій Аѳанасьевичъ отвѣчалъ простыми, но задушевными словами любви и благодарности, очаровывая всѣхъ своею любезностью, причемъ всѣмъ присутствовавшимъ раздавались печатные экземпляры стихотворенія написаннаго самимъ поэтомъ ко дню своего юбилея ¹⁾.

Въ этотъ знаменательный день почтеннаго юбиляра осчастливили своимъ вниманіемъ Ея Величества Королева Эллиновъ Ольга Константиновна и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини Александра Юсифовна, Елисавета Маврикіевна, приславшія Аѳанасію Аѳанасьевичу поздравительныя телеграммы.

¹⁾ На пятидесятилѣтіе моей Музы (На утрѣ дней все ярче и чудеснѣй).

Общество Любителей Россійской Словесности, имѣя представителемъ своего предсѣдателя Н. С. Тихонравова, поднесло юбиляру слѣдующій адресъ:

„Глубокоуважаемый сочленъ! Въ теченіе полувѣка дарили и дарите вы нашу поэзію образцовыми произведеніями. Свѣтлые и граціозные образы вашихъ лирическихъ стихотвореній знакомы у насъ каждому образованному человѣку.

Въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ вы достигаете удивительнаго совершенства въ передачѣ глубокихъ и въ то же время тонкихъ и нѣжныхъ движеній души. Смѣна настроеній связана у васъ съ переливами свѣта, съ волною звуковъ, со всѣми измѣненіями окружающей и одухотворяемой вами природы. Вамъ, какъ истинному поэту, удалось овладѣть и музыкой стиха и яркостью красокъ въ описаніяхъ природы. Въ своихъ переводныхъ произведеніяхъ вы знакомите насъ со многими изъ лучшихъ поэтовъ древняго и новаго міра. Вы неустанно искали и ищите твореній, родственныхъ вамъ по духу, и передаете ихъ родной литературѣ. Пятьдесятъ лѣтъ честнаго служенія красотѣ и гуманности составляетъ большой общественный подвигъ. Вы пробуждали и продолжаете будить среди насъ „чувства добрыя“. И Общество Любителей Россійской Словесности съ гордостью привѣтствуетъ васъ глубокоуважаемый сочленъ, въ день когда чувствуется ваша полувѣковая литературная дѣятельность“.

Предсѣдатель Психологическаго Общества Н. Гротъ отъ имени Общества прочелъ слѣдующій адресъ:

„Глубокоуважаемый Аванасій Аванасьевичъ! — Московское Психологическое Общество привѣтствуетъ васъ, въ день вашего пятидесятилѣтняго юбилея, какъ одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ-лириковъ и какъ классическаго переводчика философскихъ произведеній Шопенгауэра. Въ своихъ превосходныхъ по формѣ лирическихъ стихотвореній вы правдиво и тонко передавали мельчайшіе оттѣнки человѣческихъ чувствъ, особенно того класса нѣжныхъ волненій, которыя сопровождаютъ въ сердцѣ человѣка любовь, а также тѣхъ эстетическихъ восторговъ, которые охватываютъ човѣческую душу при близкомъ общеніи съ природой, и, безъ сомнѣнія, со временемъ, когда приемы психологическаго изслѣдованія расширятся, ваши произведенія должны дать психологу обильный и интересный матеріалъ для освѣщенія многихъ темныхъ и сложныхъ фактовъ въ области чувствованій и волненій човѣка.

Сверхъ того, вы еще и прямо послужили дѣлу развитія философіи въ Россіи, сдѣлавъ доступными для русскаго читателя, въ прекрасныхъ переводахъ, лучшія изъ произведеній германскаго мыслителя Артура Шопенгауэра. При незначительномъ числѣ существующихъ въ русской литературѣ переводовъ классическихъ философскихъ произведеній Запада, уже самый фактъ выступленія вашего на этомъ поприщѣ и удачный выборъ предметовъ переводной работы заслуживаетъ глубокой признательности со стороны ученаго Общества озабоченнаго успѣхами философіи въ Россіи. Но, кромѣ того, изысканство и точность перевода, терпѣливая и успѣшная борьба съ трудностями передачи отвлеченной терминологіи и сложныхъ, иногда изумительно глубокихъ оборотовъ мысли германскаго идеалиста, наконецъ, несомнѣнное поэтическое вдохновеніе, которымъ вы были проникнуты при изложеніи на нашемъ языкѣ лучшихъ художественныхъ страницъ знаменитаго Міра

какъ волн и представленія, еще увеличиваютъ не только для обыкновенныхъ читателей, но и въ оцѣнкѣ специалистовъ заслуги ваши, какъ переводчика Шопенгауэра. Среди существующихъ русскихъ переводовъ философскихъ сочиненій великихъ мыслителей прошлога — переводовъ отличающихся по большей части крайнею тяжеловѣсною слога, а иногда и неточностью, — ваши переводы являются рѣдкимъ и отраднымъ исключеніемъ и могутъ служить образцомъ для послѣдующихъ переводчиковъ. Въ виду этихъ заслугъ, Московское Психологическое Общество избрало васъ еще въ засѣданіи 17 Марта прошедшаго года своимъ дѣйствительнымъ членомъ и теперь желаетъ отъ души, чтобы труды ваши въ области перевода иностранныхъ философскихъ сочиненій не прекращались впредь, и чтобы вы еще долго пользовались здоровьемъ и силами, которыя вы такъ непрерывно и настойчиво расходовали въ теченіе полулѣтка на пользу и обогащеніе русской литературы“.

Директоръ Лицея Цесаревича Николая К. Н. Станішевъ, вмѣстѣ съ членомъ правленія В. А. Грингмутомъ, принесъ поздравленія отъ лица этого учебнаго заведенія, поднесли слѣдующій адресъ:

„Глубокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! — Поэтъ и мыслитель, сохранившій въ своихъ произведеніяхъ незыблемые и ясные идеалы классическаго міра — этого не старѣющаго руководителя воспитаніемъ челоувѣчества — во всей ихъ неомраченной красотѣ — для цѣлаго ряда поколѣній, выросшихъ среди растлѣвающихъ сомнѣній и тревогъ послѣдняго пятидесятилѣтія, прежде всего имѣетъ право на искреннюю дань сочувствія, благодарности и уваженія отъ такого воспитательнаго учрежденія какъ Лицей Цесаревича Николая. Мы, настоящіе его представители, истинно счастливы тѣмъ что именно намъ выпало на долю выразить вамъ эти чувства во знаменательный для всѣхъ родственныхъ вамъ по духу день полулѣтковаго вашего плодотворнаго служенія вѣчной правдѣ въ царствѣ поэзіи и мысли“¹⁾.

Юбилярномъ получена масса поздравительныхъ телеграммъ, между прочимъ, отъ Московскаго губернатора князя В. М. Голицына, С. П. и М. П. Боткиныхъ, С. М. Третьякова, отъ Елецкаго музыкальнаго литературно-драматическаго общества, отъ Буслаева, Сухомлинова, Грота, Веселовскаго, Ягича и др.

Во время приѣма депутацій пѣвческимъ хоромъ С. В. Васильева была пропѣта сочиненная Л. Д. Малашкинымъ специально ко дню юбилея, подл личнымъ управленіемъ автора, Слава, вызвавшая рукоплесканія всѣхъ присут-

¹⁾ А. А. Фетомъ получены были также адреса отъ Петербургскаго Литературнаго Общества съ виньеткой Каразина и отъ редакціи Московскихъ Вѣдомостей. Кромѣ адресовъ, юбиляру были поднесены въ изящной папкѣ, отъ „искренняго почитателя его поэтическаго таланта“ М. Офросимова, два романа написанные на слова самого А. А. Фета: „Звѣзда сіяла на востокѣ“ и „Жду я тревогой объять“; роскошный письменный приборъ отъ П. П. и Д. П. Боткиныхъ; масса живыхъ цвѣтовъ и вѣнковъ. Генералъ-лейтенантъ И. Ѳ. Офросимовъ и г.г. Александровъ и Пальминъ поднесли юбиляру свои привѣтственныя стихотворенія.

ствовавшихъ. Музыка этой С л а в ы отличается свѣжестью и соотвѣтствіемъ какъ тексту, такъ и торжеству. Затѣмъ былъ исполненъ нѣжный и прочувствованный хоръ В е ч е р ь, написанный Л. Д. Малашкинымъ на слова одного изъ стихотвореній юбиляра.

29 Января.

Сегодня 29 Января— день памяти Пушкина и день рожденія Жуковского— въ ресторанѣ „Эрмитажъ“ состоялся большой подписной обѣдъ въ честь пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Аѳанасія Аѳанасьевича Фета.

Къ 6 часамъ вечера бѣлая колонная зала Эрмитажа и прилегающія къ ней гостинныя наполнились лицами пожелавшими за хлѣбомъ - солью выразить маслитому поэту свои чувства и пожеланія. Зала была убрана лавровыми и другими деревьями, за которыми въ одномъ изъ угловъ залы скрывался бальный оркестръ.

Въ седьмомъ часу юбиляръ, при звукахъ Баховскаго Ю б и л е й н а г о М а р ш а вступилъ въ залу съ супругою своею Марією Петровной и родственниками ихъ. За столомъ противъ нихъ помѣстился попечитель Учебнаго Округа графъ П. А. Капнистъ, другія ближайшія мѣста заняли генераль-лейтенантъ графъ А. В. Олсуфьевъ, почетный опекунъ, и И. Ѳ. Офросимовъ, супруга графа Л. Н. Толстого, предсѣдатель и товарищъ предсѣдателя Психологическаго Общества. На столѣ передъ юбиляромъ и его супругой раскинуто было плато изъ живыхъ цвѣтовъ. Виньетка ш е щ и обѣда представляла Музу, которая имѣя около себя лиру, возлагаетъ лавровый вѣнокъ на вензель А. А. Фета, подъ которымъ римская цифра I и обозначеніе дня обѣда.

Во время обѣда первый тостъ за здоровье Государя Императора, возглашенный почетнымъ опекуномъ графомъ А. В. Олсуфьевымъ, сопровождался гимномъ Б о ж е, Ц а р я Х р а н и, который исполненъ былъ оркестромъ, и одушевленными кликами у р а.

Затѣмъ тостъ за юбиляра провозглашенъ былъ профессоромъ Н. А. Звѣревымъ, предпославшимъ тосту большую рѣчь. Аѳанасій Аѳанасьевичъ отвѣтилъ краткой рѣчью, въ которой высказалъ, что онъ благодаритъ судьбу, давшую ему возможность въ день пятидесятилѣтія его литературныхъ трудовъ видѣть сочувствіе къ его поэтической дѣятельности въ обширной средѣ лицъ, которыхъ онъ считаетъ своимъ долгомъ глубоко благодарить въ лицѣ тѣхъ, кто собрался на обѣдъ.

Затѣмъ сказалъ свое слово предсѣдатель Психологическаго Общества профессоръ Н. Я. Гротъ; онъ же прочелъ стихотвореніе П. А. Козлова, присутствовавшего на обѣдѣ, но не могшаго прочесть, за нездоровьемъ.

Профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Ореста Головина, прочелъ свое стихотвореніе. В. А. Грингмутъ сказалъ рѣчь.

Послѣ этого С. А. Петровскимъ прочитано было полученное имъ по телеграфу, во время самаго обѣда, четверостишіе князя Д. Н. Цертелева П о з д р а в л е н і е А. А. Ф е т у:

Пусть лучшіе давно промчались лѣта,
Надъ лирою твоей безсилны дни:
Свѣтлѣй и ярче перваго разсвѣта
Горять твои Вечерніе Огни!

Затѣмъ были выслушаны стихотворенія Н. П. Аксакова и В. В. Коншина, прочитаны самими авторами.

Въ промежуткахъ между этими стихотвореніями произнесъ рѣчь С. Ѳ. Шараповъ, а затѣмъ говорилъ В. А. Гольцевъ, сказавшій, что люди разныхъ направленій собрались на праздникъ поэзіи чистой гуманности и человѣчной красоты. Поэтому привѣтствія Фету могутъ идти и отъ людей, которые были и остаются вѣрными великимъ началамъ реформъ прошлаго царствованія. Въ произведеніяхъ Фета много красоты и гуманности, но мы, либералы, думаемъ и чувствуемъ, что ихъ еще мало воплощено въ общественной жизни. За Фета, какъ пѣвца человѣчной красоты и непобѣдимой свободы духа были заключительныя здравныя слова г. Гольцева.

Графъ А. В. Олсуфьевъ, провозглашая тостъ за супругу юбиляра, сказалъ: „Позвольте мнѣ предложить тостъ за подругу Аѳанасія Аѳанасьевича, — не подумайте что за его Музу, нѣтъ, не пугайтесь, такой тостъ не мое дѣло — я предлагаю тостъ за супругу его, уважаемую Марью Петровну“. Тостъ былъ принятъ съ общимъ одушевленіемъ, при долго неумолкавшихъ рукоплесканіяхъ.

Вчера и сегодня получены были телеграммы: отъ Петербургскаго Университета, отъ министра Народнаго Просвѣщенія, графа И. Д. Делянова, отъ попечителя Московскаго Учебнаго Округа графа П. А. Капниста, отъ улановъ лейбъ-гвардіи Его Величества полка, отъ Курской классической гимназіи, отъ начальницы женской прогимназіи въ Островѣ, отъ датскаго консула въ Москвѣ Торъ-Ланге, отъ редакціи журнала Стрелкоза и отъ г. Кулаковскаго изъ Кіева.

На имя юбиляра присланы были стихотворенія К. Р., А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго.

Кончился обѣдъ, всѣ оставили свои мѣста и окружили юбиляра, но привѣтствія продолжались: прочитано было еще присланное на имя одного изъ присутствовавшихъ стихотвореніе г. Устинова и произнесъ рѣчь М. П. Щепкинъ, привѣтствовавшій въ А. А. Фетѣ поражающаго своей плодотворностью переводчика Шопенгауэра, Горация, Овидія, Виргилія, Проперція, Гете и др.

По желанію присутствовавшихъ, А. А. Фетъ раздавалъ имъ цвѣты изъ плато, лежавшаго передъ нимъ на столѣ во время обѣда. Тѣмъ временемъ столы были убраны и начались танцы.

А. А. Феть проситъ насъ напечатать слѣдующее:

„Несказанно осчастливленный самыми дорогими и задушевными привѣтствіями, приходящими со всѣхъ сторонъ, юбиляръ, по слабости зрѣнія и упадку силъ, будучи не въ состояніи отвѣчать отдѣльно далекимъ друзьямъ, проситъ ихъ принять выраженія живѣйшей его признательности.

А. Феть“.

(Московскія Вѣдомости №№ 29, 30)

Примѣчаніе. Памятникъ А. А. Фету.

Первый въ Россіи памятникъ Фету воздвигнутъ графомъ А. В. Олсуфьевымъ въ его имѣніи въ селѣ Ершовѣ, въ трехъ верстахъ отъ Звенигорода. Это бѣлая мраморная доска въ западной сторонѣ церкви; на доскѣ золотая надпись:

Въ память великаго поэта Аѳанасія Аѳанасьевича Фета, удостоившаго своею дружбою владѣльца села Ершова. Родился 23 ноября 1820 г., скончался 21 ноября 1892 года.

„Чисто сердце въ мое словесѣхъ, разумъ же устну моею чистая уразумѣтъ“. (Книга Іова, 33 глава, 3 стихъ).

PRO DOMO SUA.

.....
Вѣдь мы играемъ не для денегъ,
А только бѣ вѣчность проводить.

Пушкинъ.

Книга моя о русской поэзии „Озимь“, вышедшая около года тому назадъ, обратила на себя вниманіе критики и читателей. Рядъ журнальныхъ и газетныхъ статей, отзывовъ и замѣтокъ сопровождался сочувственными письмами съ разныхъ концовъ Россіи. Лишній разъ пришлось убѣдиться мнѣ, что рядовой читатель не уступаетъ въ пониманіи присяжному критику. Непосредственное чутье указало ему на искренность моихъ словъ, можетъ быть не всегда сдержанныхъ и порою рѣзкихъ, но подсказанныхъ любовью къ родинѣ и къ ея искусству. Среди критическихъ замѣтокъ о моей книгѣ можно назвать три-четыре доброжелательныхъ, обнаружившихъ вниманіе ихъ авторовъ къ поставленнымъ мной вопросамъ. Это уже много. Зато изъ писемъ я могъ бы, ежели бѣ захотѣлъ, составить вторую книгу, и это было бы вполне уместно, какъ потому что частныя критики правдивѣе и искреннѣе печатныхъ, такъ и по обилію въ нихъ мыслей неожиданныхъ и глубокихъ. Однако, по чисто литературнымъ соображеніямъ, я предпочитаю перепечатать рецензію г. Ауслендера, появившуюся 22 марта 1915 г. въ газетѣ „День“¹⁾.

¹⁾ Объ „Озимѣ“ писали: Сергій Ауслендеръ — „Литературныя замѣтки (Книга злости)“ „День“, 22 марта — М. Влагинъ „Искренній голосъ“, „Лукоморье“ № 13. — А. Измайловъ „Темы и парадоксы“, (Современная накипь), „Биржевыя Вѣдомости“ 30 марта. — Димитрій Крючковъ. — „Вершины“ № 23. — Н. Лернеръ. „Замѣтки читателя“ (Глѣвъ Бориса Садовскаго). „Журналъ журналовъ“ № 2. — О. В. „Знаменіе времени“. „Новое Время“, 2 мая. —

Дѣлаю это я потому, что замѣтка г. Ауслендера оказывается наилучшимъ подтвержденіемъ отрицательныхъ сторонъ современной литературиды и высказанныхъ мною въ „Озими“ по сему случаю взглядовъ. Г. Ауслендеръ, самъ того не желая, ярко и образно выставилъ наружу вопіющія ея язвы, невольно уподобясь вору, на коемъ „шапка горитъ“.

Все это до такой степени любопытно и вмѣстѣ съ тѣмъ дико, что современемъ, я увѣренъ, многіе будутъ думать, что рецензія г. Ауслендера мною сочинена, ибо болѣе злую пародію, точно, трудно себѣ представить.

Вотъ эта изумительная „рецензія“.

Получивъ на этихъ дняхъ голубенькую, приятно, хотя нѣсколько слащаво изданныю брошюрку Бориса Садовскаго „Озимь“ (статьи о русской поэзіи), я испыталъ нѣкоторое удовольствіе. Все газеты, газеты, прибавленія, вечернія телеграммы, только это и можешь читать, только объ этомъ и можешь думать; но все же жизнь, культура, литература, поэзія — все это не можеть, не должно умереть, и потому хорошо, думалъ я, что нашелся человекъ, который смогъ даже въ это страшное время не забыть о вопросахъ литературы, написать и издать книгу о Бальмонтѣ, Блокѣ, Брюсовѣ ¹⁾.

На второй страницѣ книги я нашелъ дружескую надпись „дорогому С. А. Ауслендеру“ и т. д. ²⁾.

Я всегда относился съ симпатіей къ творчеству и личности Б. Садовскаго ³⁾. Когда-то мы почти одновременно (я нѣсколько позже) ⁴⁾ начинали нашу литературную дѣятельность въ журналѣ „Вѣсы“, руководимомъ Валеріемъ Брюсовымъ. Онъ былъ какъ-бы нашимъ крестнымъ отцомъ, его поощреніе заставляло насъ горячѣе работать; когда нужно, онъ защищалъ насъ, молодыхъ, встрѣченныхъ далеко не очень дружелюбно ⁵⁾. Каждое его завоеваніе было какъ бы и нашимъ. Приглашенный завѣдывать литературнымъ отдѣломъ въ „Русской Мысли“, Брюсовъ тогда же пригласилъ всѣхъ насъ, сотрудииковъ „Вѣсовъ“.

Ал. Ож. „Современный Міръ“ № 5. — Иванъ Чернохлѣбовъ. „Критика съ погоста“, „Голосъ Жизни“ № 19. — „Бюллетени литературы и жизни“. „Накипѣвшій протестъ“ (Борисъ Садовской о футуризмѣ) № 18. См. также замѣтки въ „Вѣстникѣ Европы“, „Нижегородскомъ Листкѣ“ и въ другихъ изданіяхъ.

¹⁾ Вотъ онъ, истинный неподдѣльный стиль г. Ауслендера и ему подобныхъ „стилизаторовъ“, такъ сказать, крикъ природы! Одинъ „смогъ“ чего стоить!

²⁾ „Дружеская надпись“ объясняется очень просто. Наканунѣ выхода моей книги получилъ я отъ г. Ауслендера романъ его „Посторонній путникъ“ съ надписью: „Милому Б. А. Садовскому и т. д.“, и счелъ долгомъ въжливости отослать ему „Озимь“.

³⁾ Merci, cher maitre!

⁴⁾ И даже очень позже, говоря „стилемъ“ г. Ауслендера. Я началъ „дѣятельность“ свою въ 1901 году и не въ „Вѣсахъ“.

⁵⁾ Ну, не очень защищалъ. Вѣриѣе, замалчивалъ.

Такимъ образомъ, я давно привыкъ считать Б. Садовского какъ бы принадлежащимъ къ одной литературной семьѣ. Поэтому-то такъ больно, такъ стыдно стало мнѣ, когда, прочитавъ „Озимь“, я увидѣлъ, что эта тоненькая брошюрка есть книга ренегата. Не только потому Садовской — ренегата, что прежде онъ любилъ Брюсова, а теперь не находитъ для него достаточно оскорбительныхъ словъ, и, забываясь, доходитъ до совершенно непристойныхъ въ литературномъ и общественномъ отношеніи выхонокъ. Вкусы и взгляды мѣняются, готовъ я согласиться. Но предательство заключается въ томъ, что на двѣнадцати маленькихъ страничкахъ, посвященныхъ Брюсову, Садовской повторилъ всѣ пошлыя, давно затрепанные обвиненія, обычно предъявляемыя этому поэту критикой Буренинскаго толка, врагами всей молодой литературы русской ¹⁾. Не забыты даже порография и „демоническое свинство“. Понося Брюсова, перенимая у враговъ всѣ доказательства и даже самый стиль, Садовской переходитъ въ лагерь враговъ, въ лагерь Буренина, Бурнакина и другихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Садовской писалъ въ „Русской Мысли“: „В. Брюсовъ долженъ быть признанъ первымъ русскимъ поэтомъ нашихъ дней“...

Вотъ что пишетъ Садовской въ „Озимь“ (стр. 38): „Въ исторіи литературы Брюсовъ современемъ займетъ мѣсто подлѣ Сумарокова, Бенедиктова, Минасва и подобныхъ имъ писателей, воплотившихъ отрицательныя стороны своихъ эпохъ. Его мѣсто именно здѣсь, никакъ не подлѣ Некрасова или Надсона, ибо они, при всѣхъ своихъ слабостяхъ и недостаткахъ, все же Божіей милостью поэты, а Брюсовъ стиходѣй. Литературная фигура его имѣетъ общее нѣчто (сказать ли) съ Императоромъ Вильгельмомъ. Та же постоянная рисовка и склонность къ игрѣ словами (бряцаніе) та же неутомимость въ ненужномъ и даже вредномъ трудѣ, та же беззкусца въ своемъ дѣлѣ. Какъ Вильгельмъ, создалъ Брюсовъ по образу и подобию своему цѣлую армію лейтенантовъ и фельдфебелей поэзіи, отъ Волошина и Лифшица, съ кронпринцемъ Гумилевымъ во главѣ. Какъ пушки у Круппа, отливаются по заказу современные стихи и даже цѣлые сборники стихотвореній“.

Валерій Брюсовъ не нуждается въ моей защитѣ. Его значеніе для поэзии русской слѣшкомъ общепризнано, чтобы злобные выпады недавняго почтателя могли что-нибудь измѣнить ²⁾. Но какъ близкій другъ Гумилева, я не могу не протестовать, не могу не крикнуть: „Стыдно, позорно то, что вы говорите, Садовской!“

Я не знаю, можетъ быть, слова „Вильгельмъ“, „кронпринцъ“ произносить Садовской только съ милой шутивостью, но для меня, для миллионныхъ людей, для Гумилева — это символы всего самаго злого, что только существуетъ.

Николай Степановичъ Гумилевъ въ качествѣ добровольца нижняго чина въ рядахъ російской арміи борется съ этимъ зломъ, угрожающимъ нашей жизни, свободѣ, культурѣ, борется со всѣмъ тѣмъ, что олицетворяется для насъ въ Вильгельмѣ и его безславномъ кронпринцѣ. И какъ разъ въ эти дни, когда появилась „Озимь“, гдѣ такъ походя ненавистнымъ сравненіемъ

¹⁾ Что такое „молодая литература“? И почему Бальмонтъ и Брюсовъ доныцѣ считаются молодыми?

²⁾ Если бы г. Ауслендеръ прежде чѣмъ излить свое благородное негодованіе на „Озимь“, удосужился просмотрѣть мою первую книгу статей „Русская Камена“, онъ бы увидѣлъ, что тамъ высказаны въ сущности тѣ же самыя мысли.

оскорбляется Гумилевъ (тоже сотрудникъ Садовского по „Вѣсамъ“), мы, друзья Гумилева, съ тревогой ждали отъ него извѣстій, зная, что онъ участвуетъ въ самыхъ жаркихъ, кровопролитныхъ сраженіяхъ, отражая враговъ у Восточно-Прусской границы.

Въ другомъ мѣстѣ, упрекая чуть ли не всѣхъ поголовно поэтовъ современныхъ (меньше десятка „настоящихъ“ поэтовъ по его счету) въ омертвеніи, Садовской пишетъ: „Пушкинъ былъ живой человѣкъ, современникъ Бородина и Парижа... Для Пушкина и его друзей живы были и Казанскій соборъ, и Адмиралтейская игла, и Мѣдный Всадникъ; для васъ, госнода, существуетъ въ Петроградѣ одна Вѣна“ (стр. 27) ¹⁾.

Да, да, надо быть совершенно мертвымъ человѣкомъ, чтобы не почувствовать, какъ безтактно, неприлично назвать Гумилева, недавно получившаго георгиевскій крестъ, кронпринцемъ, чтобы въ это время пламенной любви и надежды, которой соединены всѣ сердца Россіи, найти о литературѣ русской только слова униженія; чтобы даже въ этотъ годъ славы и страданія ничему не научиться, ничего не понять и повторять дряхлыя клеветы о нашемъ разложеніи, гніеніи, мерзости ²⁾.

Во всѣ стороны наноситъ удары Садовской, иногда, кажется, прямо-таки теряя сознание отъ ярости „Бальмонтъ—это тотъ же Пшебышевскій: его „все дозволено“ нейдетъ дальше коньяку и неврастеническаго флирта“ (стр. 23.) „Мережковский, этотъ нудный Саблеръ религіозныхъ исканій“... И такъ всѣмъ, всѣмъ попадаетъ. Доходитъ до забавнаго. „Безсильно шамкаютъ мумин-стилизаторы, видимостью словъ, какъ скорлупой, облекая пустоту выфденныхъ душъ.“ (22 стр.)

Но, позвольте, вѣдь это критики-враги обычно писали именно о вашихъ стилизованныхъ повѣстяхъ изъ старо-русской жизни. Увлеченный Садовской не пожалѣлъ самъ себя.

Стараясь унизить Брюсова, Садовской всячески отождествляетъ его съ футуристами.

„Футуристы не остались чуждыми и великой войнѣ. Въ то время, какъ В. Брюсовъ пишетъ блѣдныя корреспонденціи изъ Варшавы, любители „эротическихъ комбинацій“ мечтаютъ вытереть русскіе штыки о платья вѣнскихъ кокотокъ“. (45 стр.)

Въ чемъ тутъ упрекается Брюсовъ, въ томъ ли, что онъ исполняетъ свой долгъ литератора, оставивъ привычныя мирныя занятія поэта и ученаго, отдастъ свой мечъ—перо тому же, чему отдаетъ въ Россіи каждый, что можетъ, что долженъ отдать? Въ этомъ ли упрекаетъ Брюсова „чуждый великой войнѣ“ Садовской, сидя, какъ онъ самъ пишетъ, въ своей усадьбѣ и сочиняя злыя поношенія на родную литературу ³⁾.

¹⁾ Маленькая поправка. Въ „Озими“ у меня вездѣ стоитъ Петербургъ, а не Петроградъ. Переименованіе сѣверной столицы доставило живую радость и удовольствіе Петербургскимъ лавочникамъ, извозчикамъ и швейцарамъ. Къ числу этихъ „патриотовъ своего отечества“ отнынѣ принадлежитъ и г. Ауслендеръ. Въ трагедіи своей „Бриллиантовый жучекъ“ (временъ Павла!!!) онъ заставляетъ героевъ звать Петербургъ Петроградомъ. А еще „стилизаторъ“.

²⁾ Можно подумать, что Н. С. Гумилевъ олицетворяетъ собою всю Россію.

³⁾ На дѣйствительную службу Садовской призывался дважды и оба раза былъ освобожденъ въ виду тяжелой болѣзни (см. „Нижегородскій Ли-

Какъ русскій литераторъ, какъ русскій гражданинъ, онъ поступилъ плохо, выпустивъ въ эти дни, когда нужно такъ много любви другъ къ другу, къ Россіи, къ культурѣ къ литературѣ нашей, столько обличителей ужь имѣвшихъ, въ эти великіе дни міроваго напряженія, выпустивъ книгу мелкой, исхорошей злости.

Сергѣй Ауслендеръ.

Тутъ все великолѣпно: и „нѣкоторое удовольствіе“, полученное г. Ауслендеромъ при видѣ моей книги, и заявленіе его „симпатіи“ ко мнѣ, и услужливо медвѣжьей защита имъ Брюсова, и комическое восхваденіе воинскихъ подвиговъ г. Гумилева, и многое другое. Все это перлы. Особое вниманіе читателя я обращаю на учительскій тонъ рецензій, на благородно-маститые ея приемы. Такъ встарину сѣдовласый, въ бархатной курткѣ, Тургеневъ порицалъ на страницахъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ легкомысленнаго бюрократа Маркевича, преступившаго завѣты. Оставляя въ сторонѣ гимназически-дѣтскую безграмотность и беспомощную глуповатость статейки (пятиклассники такъ пишутъ въ классныхъ журналахъ), оставляю также и то, что „по существу“ г. Ауслендеръ ровно ничего не сказалъ. Это очевидно для всякаго, кто просмотритъ его замѣтку.

Но такъ какъ г. Ауслендеръ въ то же время повелъ себя по отношенію ко мнѣ весьма развязно и неприлично, я считаю себя вправѣ отвѣтить ему здѣсь открытымъ письмомъ, пользуясь допущенной самимъ г. Ауслендеромъ свободою выражений. Такимъ путемъ надѣюсь я навсегда выяснитъ взаимное наше положеніе въ литературѣ¹⁾.

Прежде всего объ отношеніяхъ моихъ къ Брюсову. Какъ писателю, ему обязанъ я дѣйствительно очень многимъ, и, не краснѣя, могу заявить, что любовь моя къ нему граничила съ обожаніемъ. Однако ничего стыднаго не вижу я также въ томъ, что съ теченіемъ времени, охладѣвъ къ Брюсову, какъ къ поэту, я нашелъ влияніе его на литературу вреднымъ. Стыдно было бы мнѣ, ежели бъ я скрылъ свои взгляды изъ-за личной склонности къ Брюсову. Въ своемъ за него заступничествѣ, г. Ауслендеръ, вы высказываете явное подозрѣніе, что я порицаю В. Я. Брюсова изъ-за какихъ то

стокъ“ 2 янв. 1915 г.). Любопытно, почему самъ г. Ауслендеръ не послѣдовалъ примѣру своего „близкаго друга“. и не пошелъ на войну. „Какъ русскій литераторъ и гражданинъ“, онъ „въ дни міроваго напряженія“ обязанъ былъ это сдѣлать.

¹⁾ То, что дозволительнымъ кажется въ книгѣ, вышедшей въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ для немногихъ, получаетъ совсѣмъ иной оттѣнокъ, будучи вынесено на столбы газеты, къ десяткамъ тысячъ читателей. Повидимому г. Ауслендеръ не принялъ этого обстоятельства въ расчетъ.

тамъ личныхъ счетовъ. Это ваша глубокая ошибка, подтверждающая главную черту современной журнальной критики, всецѣло основанной на авторской мести и на кумовствѣ. Вы, повидному, представить себѣ не можете, чтобы можно было хвалить или бранить писателя независимо отъ личныхъ съ нимъ отношеній. Утверждая печатно, что я ренегатъ и предатель, вы, во-первыхъ, (пользуясь вашими же словами) доходите до „совершенно непристойныхъ въ литературномъ и общественномъ отношеніи выходокъ“, а во-вторыхъ выставляете самого себя типичнымъ „обывателемъ отъ литературы“.

Не я ренегатъ, а вы, г. Ауслендеръ. Изъ чувства благодарности къ создавшему васъ Брюсову (ибо безъ него и безъ Кузмина върядъ ли бы сумѣли оказаться въ числѣ писателей) вы меня называете предателемъ только за то, что я искусство и его задачи ставлю выше знакомства съ Брюсовымъ. Знайте же, что никогда за двѣнадцать лѣтъ личныхъ встрѣчъ моихъ съ этимъ писателемъ, котораго я считалъ моимъ учителемъ и вождемъ, между имъ и мной даже намска не было на какую-либо враждебность. Счастливъ засвидѣтельствовать на этихъ страницахъ неизмѣнную ко мнѣ благожелательность В. Я. Брюсова и его душевное благородство. Но все это къ литературѣ не относится. Да, я выступилъ въ „Озими“ противъ Брюсова, но я сдѣлалъ это прямо, съ открытымъ забраломъ. Рѣшеніе отречься отъ обожаемаго нѣкогда писателя и развѣнчать его передъ всѣми стоило мнѣ долгихъ сомнѣній, тяжкихъ колебаній и мучительныхъ думъ. Совсѣмъ иначе, знаю я, поступилъ нѣкоторый „стилизаторъ“, выведя Брюсова подъ прозрачнымъ анонимомъ въ одномъ изъ своихъ романовъ.

Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?

Съ Бурнакинымъ опять-таки поставили себя на одну доску вы, а никакъ не я. Приблизительно черезъ мѣсяць послѣ появленія вашей замѣтки въ „Днѣ“, въ „Новомъ Времени“ была напечатана рецензія объ „Озими“ нѣкоего О. В. Тамъ повторены почти буквально тѣ же самыя обвиненія, только, разумѣется, еще „хлеще“. Но даже этотъ жалкій писака устыдился подмахнуть фамилію подъ своей статейкой и поставилъ всего двѣ буквы. Вы же полностью расписались подъ своей. Кто же изъ насъ ближе къ Бурнакину, вы или я? Мнѣ хорошо извѣстно также, что въ „День“ вы обратились лишь послѣ того, какъ всѣ прочія редакціи, куда вы бѣгали, бія себя въ перси, со своей замѣткой, отказались помѣстить вашъ гимназическій вопль.

Еще одна любопытная подробность. Вы не въ шутку защищаете г. Гумилева, увѣряя читателей, что онъ не кронпринцъ. Слава Богу,

въ этомъ никто и не сомнѣвается. Никто не думаетъ, что г. Гумилевъ громилъ Реймскій соборъ и грабилъ старые замки; не думаетъ прежде всего потому, что никому никакого дѣла нѣтъ до личности г. Гумилева. Вы пишете: „Николай Степановичъ Гумилевъ въ качествѣ добровольца нижняго чина въ рядахъ россійской арміи борется съ этимъ зломъ, угрожающимъ нашей жизни, свободѣ, культурѣ, борется со всѣмъ тѣмъ, что олицетворяется для насъ въ Вильгельмѣ и его безславномъ кронпринцѣ. И какъ разъ въ эти дни, когда появилась „Озимь“, гдѣ такъ походя ненавистнымъ сравненіемъ оскорбляется Гумилевъ (тоже сотрудникъ Садовскаго по „Вѣсамъ“) мы, друзья Гумилева, съ тревогой ждали отъ него извѣстій, зная, что онъ участвуетъ въ самыхъ жаркихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, отражая враговъ отъ Восточно-Прусской границы“. (Боже, какой стиль!)

Помилуй Богъ, какъ страшно! Можно подумать, что я виню г. Гумилева въ измѣнѣ отечеству. Да какое дѣло мнѣ, Иванову, Петрову, Сидорову, всякому читателю, какое намъ дѣло до Николая Степановича Гумилева? Я писалъ о стихотвореніяхъ поэта Гумилева, котораго считаю типичнымъ ученикомъ Брюсова, по духу столь же близкимъ ему, какъ близокъ кронпринцъ Вильгельму. По моему глубокому убѣжденію, ни для Брюсова, ни для Гумилева ничего оскорбительнаго тутъ нѣтъ.

Своимъ дѣтскимъ выпадамъ, г. Ауслендеръ, Вы доказали только, до чего вы и подобные вамъ писатели отделились отъ русскаго общества, отъ здороваго воспріятія окружающей свѣжей жизни. Какъ ярко сказала въ всемъ этомъ литературная кружковщина, борьба мелкихъ литераторскихъ самолюбіи, — мірокъ инфузорій, не видящихъ дальше своего носа, якшающихся только другъ съ другомъ, кипящихъ семейными интересами скуднаго домашняго муравейника. Не съ Россіей живутъ эти люди и не съ народомъ русскимъ, а съ женой, съ пріятелями, близъ лампы, самовара и карточнаго стола. Не искусство важно для нихъ, а гонораръ. Разумѣется, читателю въ высокой степени безразлично, съ кѣмъ пьетъ чай Николай Степановичъ: съ Борисъ-Александромъ или съ Сергѣи-Абрамомъ. Но вы отдѣлить этого не сумѣли и, говоря о поэтѣ Гумилевѣ, выступили въ защиту георгіевскаго кавалера Николая Степановича.

Понимаете ли вы, до чего это неумно и смѣшно?

Ежели вы сами не понимаете, за васъ это поймутъ другіе.

Теперь я подошелъ къ главному, что особенно васъ озлобило и безъ чего, мнѣ думается, не появилось бы вашей замѣтки. Вотъ это мѣсто.

„Безсильно шамкають мумін-стилизаторы, видимостью словъ, какъ скорлупой, облекая пустоту выѣденныхъ душъ“. Но позвольте, вѣдь это критики-враги обычно писали именно о вашихъ стилизованныхъ повѣстяхъ изъ старорусской жизни. Увлеченный Садовской не пожалѣлъ самъ себя“.

Въ томъ-то и дѣло, г. Ауслендеръ, что, говоря о стилизаторахъ, я нисколько не имѣлъ въ виду самого себя. Но вы не ошиблись: завопивъ объ опасности, вы вѣрно почуяли, чѣмъ тутъ пахнетъ. *Saveant consules!* Вы испугались за благополучіе „литературной семьи“. Въ самомъ дѣлѣ, все шло тихо и мирно, и такъ хорошо жилось: и слава, и гонораръ, и Брюсовъ вами доволенъ, все чинно и благородно. Вы справедливо увидѣли въ моихъ строкахъ посягательство на ваше литературно-мѣщанское счастьешко и заторопились зачислить меня въ ренегаты. Бѣдный обыватель! Мало стряпать стилизованныя трагедіи да кропать повѣстушки о маркизѣ Глупиньякѣ и герцогинѣ Фифи; пора вспомнить объ общей нашей отвѣтственности передъ судьбами великой русской литературы, о грядущихъ ея путяхъ. Какъ истый обыватель, вы, подобно вашему нововременскому коллегѣ, г. О. В., увидѣли въ книгѣ моей одни только личные мотивы: злость на Брюсова, желаніе сдѣлать шумъ и подслужаться къ кому-то. Нѣтъ, г. Ауслендеръ! Находятся еще и теперъ такіе чудачки, которымъ одного гонорара и дружбы съ Брюсовымъ маловато. Они хорошо видятъ, что современные писатели составляютъ „одну семью“, но памятуя въ то же время, что „семья — величайшая гибель для духа“.

Я предпочту совсѣмъ уйти изъ этой „семейной литературы“ и навѣки поселиться въ деревнѣ, только бы то говорить, что подсказываетъ мнѣ совѣсть.

Другой писатель, не вамъ чета, вотъ что увидѣлъ въ моей „Озимнѣ“: „Вся она — стонъ порядочнаго литератора и русскаго челоуѣка, пришедшаго въ ярость отъ той нелѣпой чертовщины, какая завелась въ низахъ литературы. Изъ дѣдовскаго имѣнія, гдѣ-то тамъ въ глубинѣ Россіи, Садовской подаетъ свой откровенный голосъ, являясь депутатомъ отъ здравомысленной, честной и ясной интеллигенціи, которая не развращена столичнымъ литературнымъ базаромъ“ ¹⁾. И тѣ, что писали мнѣ письма изъ глухихъ угловъ, оставляли безъ вниманія геройство Николая Степаныча, не возмущались, какъ смѣлъ я коснуться особы вашего благодѣтеля Брюсова, а искренно и тепло благодарили за смѣлое слово въ защиту замордованнаго искусства, поруганнаго въ наши дни военными беллетристами, футуристами, эстетамы, стилизаторами и любителями авансовъ.

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“ 30 марта.

Пользуюсь случаемъ разъ навсегда откленъ отъ себя ненавистную кличку „стилизаторъ“. Ее далъ мнѣ еще въ 1908 году г. Эллисъ. Съ той поры критика упорно валить меня въ одну кучу съ присяжными стилизаторами. Торжественно уклоняюсь отъ этой чести. Стилизаторами называются писатели, отъ природы лишенные собственного стилиа и вынужденные поддѣлываться подъ чужой. У меня же есть свой собственный стиль, которымъ худо-ли хорошо-ли я пишу, ибо писать иначе не умѣю, а стало-быть и не нуждаюсь въ чужихъ словахъ.

Думаю, теперь вы убѣдились, что у меня не было и нѣтъ въ виду никакихъ личныхъ счетовъ. Литература — святое дѣло. Ради нея мы должны забыть, кто у кого крестилъ младенца, кто съ кѣмъ пилъ чай. Въ жизни мы пусть будемъ добрыми малыми, мѣщанами, анархистами, кѣмъ угодно. Въ литературу же мы должны являться во всеоружіи, честно, по-рыцарски стоять на стражѣ писательскаго долга и не щадить не только другъ друга, но и самихъ себя.

Январь 1916.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Ю. Лермонтовъ (Трагедія Лермонтова) „Русская Мысль“, 1912 VII; перепечатано въ „Иллюстрированномъ полномъ собраніи сочиненій М. Ю. Лермонтова“, редакціи В. В. Каллаша, томъ III. М. 1914.

И. С. Тургеневъ. (Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Опытъ историко-психологическаго изслѣдованія.). Съ послѣсловіемъ П. Б(артенева) „Русскій Архивъ“ 1909, IV.

„Легенда“ и „Ива“ (Исторія двухъ стихотвореній Фета. Изъ матеріаловъ къ его біографіи.) „Рѣчь“ 22 Ноября 1910.

Любовь въ жизни и поэзіи Фета (Къ матеріаламъ для его біографіи) „Рѣчь“ 19 Іюня 1911.

Феть - прозаникъ. (Проза Фета. Очеркъ) „Современникъ“ 1912, VII.

Кончини А. А. Фета. (21 Ноября 1892 г. По неизданнымъ источникамъ.) „Историческій Вѣстникъ“, 1915, IV.

О Баратынскомъ. (Поэтъ-мыслитель. Е. А. Баратынскій.) „Нижегородскій Листокъ“ — 17 Января 1911.

Н. М. Языковъ. „Петроградскіе Вечера“, книга III, П. 1914.

Каролина Павлова. (Мертвое творчество.) „Биржевыя Вѣдомости“ 16 Октября 1915.

О романтизмѣ у Гоголя. „Вѣсы“ 1909, IV.

Оклеветанныя тѣни. (О романѣ Д. С. Мережковскаго „Александръ I“) „Сѣверныя Записки“, 1913, I.

Настоящій. (Сочиненія Алексѣя Ремизова. Семь томовъ. С.П.Б. 1911 — 1912.) „Современникъ“ 1912, V.

О народныхъ поэтахъ. (Бесѣдный наигрышь) „Биржевыя Вѣдомости“ 30 Октября 1915.

Рыцарь въ ресторанѣ. (О современной поэзіи) „Лукоморье“ 1915, 45.

Жизнь и поэзія. (I Жизнь и поэзія, II О „Синемъ Журналѣ“ и „бѣгунахъ“) „Труды и Дни“, 1912, №№ 2 и 4 — 5.

Все прочее, кромѣ III, IV, V, VIII, X въ отдѣлѣ „Foethiana“, печатается впервые.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Авдѣевъ, М. В. 21.
Аксаковъ, И. С. 44, 175, 176.
Аксаковъ, К. С. 123.
Аксаковъ, Н. П. 191.
Аксаковъ, С. Т. 107, 171.
Александра Юсифовна, В. К. 82, 187.
Александровъ, А. А. 189.
Александръ I. 131, 132, 134.
Александръ II. 98.
Александръ III. 78.
Анненковъ, П. В. 41, 136, 137, 175.
Апухтинъ, А. Н. 52.
Аракчеевъ, гр. А. А. 132.
Арсеньева, Е. А. 19.
Арсеньевъ, И. А. 29.
Ауслендеръ, С. 193—200.
Байронъ, 15, 21, 136, 166.
Бальмонтъ, К. Д. 194—196.
Баратынскій, Е. А. 107—110, 202.
Бартеневъ, П. И. 76, 202.
Батуринскій, В. П. 45.
Батюшковъ, К. Н. 136.
Бенедиктовъ, В. Г. 109, 195.
Бергъ, Н. В. 34.
Бестужевъ, А. А. (Марлинскій). 109, 133.
Бирюковъ, П. И. 19.
Блокъ, А. А. 144, 194.
Боденштедтъ, 25, 26.
Бодлэръ, 145.
Борисова, Н. А. 69, 96.
Борисовъ, И. П. 69, 96, 171, 186.
Борисовъ, П. И. 69, 73, 96, 173, 181.
Бороздна, И. П. 109.
Боткина, А. П. 73.
Боткинъ, В. П. 96, 143.
Боткинъ, Д. П. 189.
Боткинъ, М. П. 189.
Боткинъ, П. Д. 77, 83.
Боткинъ, П. П. 81, 189.
Боткинъ, С. Д. 77, 83.
Боткинъ, С. П. 189.
Бражниковъ, 94.
Брандтъ, Р. Ф. (О. Головинъ) 181, 190.
Бржеская, А. Л. 63, 64.
Бржесскій, А. Ф. 63.
Бродовскій, Р. 82.
Брюсовъ, В. Я. 151, 164, 194—200.
Булгаринъ, Ф. В. 134.
Буренинъ, В. П. 181, 195.
Бурнакинъ, А. А. 195, 198.
Буславъ, Ф. И. 189.
Бѣлинскій, В. Г. 6, 45, 107, 109, 123, 137, 148—151.
Бѣлый, А. (Б. Н. Бугаевъ) 163.
Васильевъ, С. В. 189.
Введенскій, А. И. 18.
Введенскій, И. И. 71.
Венелинъ, Ю. И. 161.
Верзилина, Н. П. 27, 30.
Верхаринъ, 145.
Веселовскій, А. Н. 189.
Віардо-Гарсія, 33, 35, 37, 53, 54, 95, 174.
Вильгельмъ II. 195, 199.
Виргилій, 191.
Висковатовъ, П. А. 18.
Влагинъ, М. 193.
Вогюэ, 131.
Волошинъ, М. А. 195.
Волуевъ, В. А. 161.
Вольфъ, М. О. 177.
Врубель, М. А. 11.
Вяземскій, кн. П. А. 36, 113, 134.
Галахова, О. В. 78, 83.
Галаховъ, Н. 83.
Гальперинъ-Каминскій, 53.
Ганъ, 169.
Гаринъ, Н. Г. (Михайловскій). 164, 165.
Гегель, 79, 143.
Гейне, 42.
Герценъ, А. И. 39, 45, 117.
Гете, 44, 166, 191.
Гиль, 145.

- Гиппиусъ, З. Н. 162.
 Глинка, Ф. Н. 109, 119.
 Говоруха-Отрокъ, Ю. Н. 80.
 Гоголь, Н. В. 31, 41, 51, 108, 133, 115—117, 122—124, 128, 129, 140, 155, 161, 202.
 Голицынъ, кн. А. Н. 132.
 Голицынъ, кн. В. М. 189.
 Головачева-Панасова, А. Я. 33, 35—39, 42, 43, 45—47, 52, 54.
 Гольцевъ, В. А. 191.
 Гончаровъ, И. А. 44, 52, 95, 123.
 Гораций, 191.
 Горбуновъ, И. Ф. 135—137.
 Горюцкий, С. М. 144.
 Грановскій, Т. Н. 116.
 Грибовскій, В. М. 38.
 Грибоѣдовъ, А. С. 133.
 Григоровичъ, Д. В. 34.
 Григорьевъ, А. А. 21, 74, 75, 95, 183.
 Грингмутъ, В. А. 189, 190.
 Гротъ, Н. Я. 81—83, 188, 190.
 Гротъ, Я. К. 82, 189.
 Губернатисъ, 131.
 Гумилевъ, Н. С. 195—200.
 Гутьяръ, Н. М. 33.
 Давыдовъ, Д. В. 114, 115, 133.
 Даль, В. И. 183.
 Дантъ, 17, 56.
 Дельвингъ, бар. А. А. 108.
 Деляновъ, гр. И. Д. 191.
 Демосѣенъ, 10.
 Диккенсъ, 71.
 Дмитріевъ, М. А. 161.
 Добролюбовъ, А. М. 155.
 Добролюбовъ, Н. А. 38, 148.
 Додэ, 34, 37.
 Достоевскій, Ф. М. 16, 21, 31, 34, 44, 45, 56, 134, 135, 137, 138, 155, 159, 160.
 Достъкинъ, Н. В. 80.
 Дрожжинъ, С. Д. 143, 144.
 Дружининъ, А. В. 52.
 Дунканъ, 158.
 Дункеръ, Е. Д. 83, 187.
 Дункеръ, К. 83.
 Дюма, 21.
 Екатерина II. 131.
 Елисавета Алексѣевна, Имн. 132—134.
 Елисавета Маврикіевна, В. К. 83, 187.
 Ефремовъ, П. А. 181.
 Жуковскій, В. А. 15, 115, 116, 124, 133, 134, 136, 190.
 Звенигородскій, кн. И. Д. 181.
 Звѣревъ, Н. А. 83, 190.
 Кость, А. И. 73, 99—101.
 Юсть, Т. И. 101.
 Ивановъ, В. И. 147.
 Ивановъ, Г. А. 83.
 Измайловъ, А. А. 193.
 Иноземцевъ, Ф. И. 115.
 Истоминъ, В. К. 82.
 Саллашъ, В. В. 202.
 Кантъ, 146.
 Капнистъ, гр. П. А. 82, 190, 191.
 Каразинъ, Н. Н. 189.
 Карамзинъ, Н. М. 118, 133.
 Каратѣевъ, В. П. 170.
 Каратѣевъ, П. Н. 97—101.
 Каховскій, П. Г. 133.
 Кашпиревъ, В. В. 177.
 Кессенихъ, 21.
 Кирѣевскіе, 116.
 Кирѣевъ, А. А. 175.
 Клычковъ, С. 144.
 Ключевъ, Н. 144.
 Ковалевскій, Е. П. 38.
 Колбасинъ, Е. Я. 46.
 Козловъ, А. А. 82.
 Козловъ, П. А. 180, 190.
 Кольцовъ, А. В. 143, 144.
 Коши, Ф. А. 67.
 Константиновскій, М. А. 122, 128.
 Константинъ Константиновичъ, В. К. (К. Р.) 76, 82, 83, 95, 187, 191.
 Коншинъ, В. В. 191.
 Короленко, В. Г. 165.
 Коринъ, Ф. Е. 77, 180, 181.
 Костенецкій, Я. И. 28.
 Краевскій, А. А. 37.
 Круппъ, 195.
 Крыловъ, И. А. 133.
 Крюкмеръ, 169.
 Крючковъ, Д. 193.
 Кузминъ, М. А. 198.
 Кукольникъ, Н. В. 109.
 Кулаковскій, 191.
 Кулибинъ, А. 112.
 Курочкинъ, Н. С. 178.
 Казурскій, В. 79.
 Ланинъ, Н. П. 176—178.
 Ларина, Е. (Петковичъ) 63, 66, 67.
 Леонтьевъ, К. Н. 158.
 Лермонтовъ, М. Ю. 9—31, 51, 52, 61, 71, 119, 136, 148, 155, 202.

- Лернеръ, Н. 193.
 Листъ, 67.
 Лифшицъ, Б. 195.
 Лобановъ, М. Е. 134.
 Логвиновы, 98, 101.
 Лопатинъ, М. Н. 81.
 Лопухина, В. А. 14, 17.
 Лѣсковъ, Н. С. 135, 137, 178.
 Мѣшковъ, А. Н. 40, 52, 90, 120, 191.
 Максимоичъ, М. А. 116.
 Малашкинъ, Л. Д. 189, 190.
 Мандельштамъ, I. 124.
 Марія Павловна, В. К. 26.
 Маркевичъ, Б. М. 174, 197.
 Мартыновъ, Н. С. 10, 26—30.
 Марицалъ, 152.
 Мей, Л. А. 59.
 Мельниковъ, П. И. (А. Печерскій)
 135, 137.
 Мережковский, Д. С. 122, 130—134,
 158—160, 162, 202.
 Миллеръ, В. О. 83.
 Милютинна, М. А. 96.
 Милютинъ, Н. А. 96.
 Миннаевъ, Д. Д. 178—180, 195.
 Мицкевичъ, 121.
 Михайловскій, Н. К. 74.
 Монтэнъ, 77.
 Мосоловъ, С. П. 179, 181.
 Мюссэ, 160.
 Надсонъ, С. Я. 195.
 Наполсонъ I, 24, 61, 62.
 Нарцовъ, А. Н. 29.
 Нарышкина, С. Д. 133.
 Нарѣжный, В. Т. 123.
 Некрасовъ, Н. А. 20, 38—40, 42, 44,
 46, 119, 133, 148, 195.
 Нелединскій-Мелецкій, Ю. А. 134.
 Никитенко, А. В. 123, 185, 186.
 Николай I, 26, 72, 134.
 Никольскій, Б. В. 170, 178, 185—187.
 Ницше, 159.
 Новацкий, И. Н. 81.
 Овидій, 76, 191.
 Огаревъ, Н. П. 46.
 Олсуфьевъ, гр. А. В. 82, 186, 190—
 192.
 Ольга Константиновна, Королева Элли-
 новъ, 82, 187.
 Островскій, А. Н. 135, 137, 138.
 Остроумовъ, А. А. 80.
 Остроуховъ, И. С. 51.
 Офросимовъ, И. О. 189, 190.
 Офросимовъ, М. 189.
 Павлова, К. К. 119—121, 202.
 Пальминъ, Л. И. 189.
 Папаевъ, И. И. 34, 37, 45, 52, 116,
 186.
 Парни, 136.
 Персій, 76.
 Пестель, П. И. 133.
 Петровскій, С. А. 190.
 Петръ I, 137.
 Писаревъ, Д. И. 52.
 Писемскій, А. О. 135—137.
 Плетневъ, П. А. 124.
 Погодинъ, М. П. 59, 71, 95, 116.
 Подолнискій, А. И. 108, 119.
 Покровскій, Д. М. 82.
 Полежаевъ, А. И. 113.
 Поливановъ, Л. И. 79.
 Полонская, Ж. А. 80.
 Полонскій, Я. П. 34—36, 40—42, 46,
 48, 50—55, 78, 80, 82, 86, 95, 169,
 174, 187, 191.
 По, 15.
 Проперцій, 191.
 Пушкинъ, А. С. 9, 26, 31, 40, 50—53,
 56, 76, 107—110, 113, 114, 118, 123,
 124, 127, 128, 131, 133, 134, 136, 144,
 155, 166, 190, 193, 196.
 Пшебышевскій, 196.
 Пыпинъ, А. Н. 171.
 Ремизовъ, А. М. 135, 137—142, 202.
 Риккертъ, 159.
 Розановъ, В. В. 159.
 Розенгеймъ, М. П. 123.
 Ростопчина, гр. Е. П. 119.
 Руссо, 70.
 Рылѣвъ, К. О. 133.
 Рѣпинъ, И. Е. 80.
 Рѣшетниковъ, О. М. 123.
 Саблеръ, В. К. 196.
 Савонаролла, 153.
 Садовскій, Н. И. 165, 166.
 Садовской, Б. А. 193—196, 199, 200.
 Садъ, 51.
 Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ) 40—43,
 123, 124, 140.
 Самаринъ, Ю. О. 161.
 Свифтъ, 41.
 Семеновичъ, В. Н. 34, 47, 83.
 Сидоровъ, Ю. А. 156—164, 166.
 Сладкопѣвцевъ, В. 137.

- Смирнова, А. О. 17.
 Смирновъ, А. А. 82.
 Соколовъ, А. И. 82.
 Солдатенковъ, К. Т. 103, 179.
 Соллогубъ, гр. В. А. 117.
 Соллогубъ, гр. Н. М. 186.
 Соловьева, О. М. 101—104.
 Соловьевъ, В. С. 78, 79, 82, 99, 101.
 Соловьевъ, М. С. 101—103.
 Соловьевъ, С. М. 170.
 Сперанскій, гр. М. М. 132.
 Станшневъ, К. Н. 189.
 Станкевичъ, Н. В. 143.
 Стасюлевичъ, М. М. 41, 42.
 Стороженко, Н. И. 79, 83.
 Страховъ, Н. Н. 44, 65, 75—79, 95, 99, 101, 178.
 Сумароковъ, А. П. 105.
 Суриковъ, И. З. 143, 144.
 Сухомлиновъ, М. И. 189.
 Сушкова, Е. А. 14, 17.
 Тепляковъ, В. Г. 108.
 Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава) 99.
 Тихонравовъ, Н. С. 82, 83, 124, 188.
 Толстая, гр. С. А. 80, 190.
 Толстой, гр. А. К. 34, 35, 40—42, 44, 52, 58, 59.
 Толстой, гр. Л. Н. 19, 25, 31, 35, 43, 45, 52, 53, 71, 72, 75—77, 79, 86, 95, 122, 125—129, 132, 134, 155, 172, 173.
 Толстой, гр. Н. Н. 125, 127—129.
 Торъ-Ланге, 191.
 Третьяковъ, П. М. 102.
 Третьяковъ, С. М. 189.
 Трилунный, 108.
 Тургенева, В. П. 55.
 Тургеневъ, И. С. 31—56, 68, 71, 75, 79, 95, 107, 109, 123, 133, 137, 171, 173—175, 197, 202.
 Тургеневъ, Н. Н. 35, 55, 173, 174.
 Тургеневъ, С. Н. 55.
 Тютчевъ, О. И. 31, 36, 44, 52, 53, 61, 79, 119, 137, 174.
 Унгернъ-Штернбергъ, бар. П. П. 169.
 Успенскій, Г. И. 123, 166.
 Успенскій, Н. В. 34, 39.
 Устиновъ, 191.
 Фетъ, А. А. (Шеншинъ) 19, 30, 31, 33, 35, 38—40, 42, 43, 45, 47, 48, 51—104, 109, 128, 137, 144, 155, 158, 167—192, 202.
 Фидлеръ, Ф. Ф. 179.
 Флоберъ, 80.
 Фотій, 132.
 Фудрасть, 21.
 Хитровъ, М. И. 99, 101.
 Хомякова, Е. М. 116.
 Хомяковъ, А. С. 116, 117, 161.
 Цертелевъ, кн. Д. Н. 190.
 Чаадаевъ, П. Я. 116.
 Чайковский, П. И. 77.
 Чернохлѣбовъ, И. 194.
 Чертковъ, В. Г. 128.
 Чеховъ, А. П. 151, 152.
 Шамеро, 54.
 Шараповъ, С. О. 191.
 Шевлякова, Н. М. 184.
 Шевляковъ, М. В. 184.
 Шевыревъ, С. П. 59, 116, 119.
 Шенрокъ, В. И. 114, 116, 124.
 Шеншина, Л. Н. 70.
 Шеншина, М. П. 74, 80, 82, 83, 97, 99, 103, 190, 191.
 Шеншинъ, А. Н. 76.
 Шеншинъ, В. А. 83.
 Шиллеръ, 123, 166, 183.
 Шопенгауэръ, 69, 159, 182, 188, 191.
 Шумахеръ, П. В. 180.
 Щепкинъ, М. П. 191.
 Щербатова, кн. М. А. 17.
 Эдстремъ, 83.
 Эллисъ, 201.
 Эттингенъ, 169, 170.
 Фовеналь, 103.
 Юнгерь, В. А. 169.
 Юргенсонъ, Э. П. 170.
 Ягичъ, И. В. 189.
 Языковъ, А. М. 112.
 Языковъ, Н. М. 111—118, 121, 124, 161, 202.
 Языковъ, П. М. 112.
 Якубовичъ, А. И. 132.
 Федорова, Е. В. 77, 80, 81, 186.
 Федоровъ, Н. О. 77.
 Федотовъ, П. А. 16.

КНИГИ БОРИСА САДОВСКОГО.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ.

Полдень. Собрание стиховъ. 1905 — 1914.

(Природа — Любовь — Смерть — Тайные знаки — Минуты злыя —
Въ городѣ — Отголоски исторіи — Она — Самоваръ — Посланія).
П. 1915.

Адмиралтейская игла. Разказы. 1909 — 1914.

(Стрѣльченокъ — Гробъ Мазепы — Сержантъ Богодууровъ — Подъ
Павловымъ щитомъ — Измайловскій часовой — Великодушный же-
нихъ — Три встрѣчи съ Пушкинымъ — Бурбонъ — Яблочный царекъ).
П. 1915.

Лебединые клики. Двѣ повѣсти.

(Лебединые Кликки — Двуглавый Орелъ). П. 1915.

Русская Камена. Статьи.

(Г. Р. Державинъ — Д. В. Давыдовъ — Д. В. Веневитиновъ — А. И.
Полежаевъ — В. Г. Бенедиктовъ — Л. А. Мей — Я. П. Полонскій — А. А.
Фетъ — Примѣчанія). Съ восемью портретами. М. 1910.

Озимь. Статьи о русской поэзи.

(Предисловіе — О сальеризмѣ — Футуризмъ и Русь — Юбилей
безвременья). П. 1915.

Ледоходъ. Статьи и замѣтки. П. 1916.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я .

Узоръ чугуный. Разказы.

(Черты изъ жизни моеи — Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ —
Петербургская вожожа — Въ двадцать пятомъ году — Праздничный
день поручика Матрадурова — Графъ Хвостовъ — Погибшій пловецъ —
Сынъ Бѣлокаменной Москвы — Н. Н. Пушкина и почтмейстеръ — Изъ
бумагъ князя Г.). Изданіе второе съ дополненіемъ.

Побѣги жизни: Романъ въ трехъ частяхъ съ эпилогомъ.

А. А. Фетъ. Жизнь и творенія. Хронологическая канва.

Г О Т О В Я Т С Я .

Гробовый мастеръ. Разказы.

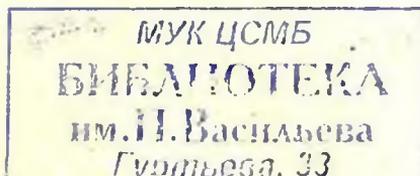
(Гробовый мастеръ — Старикъ — Муха — Рыбочка — Анисимъ Бо-
чарниковъ — Страхи — Случай съ литераторомъ — Игоревъ сокольникъ).

Цвѣтной занавѣсъ. Піэсы и монологи.

(Мальтійскій рыцарь — Камеристка — Пушкинъ въ Москвѣ — Репе-
тиловъ въ Петербургѣ — Репетилловъ въ Москвѣ — Послѣдній роман-
тикъ.).

Императоръ Николай Павловичъ. Анекдоты о немъ.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 22 апрѣля 1916 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

СТР.

СТАТЬИ.

М. Ю. Лермонтовъ	9
И. С. Тургеневъ	31
А. А. Фетъ	57
I. „Легенда“ и „Ива“	57
II. Любовь въ жизни и поэзиі Фета	62
III. Фетъ—прозаикъ	68
IV. Кончина А. А. Фета	75

Приложенія.

I. Рукописи А. А. Фета. (Важѣйшія различія)	84
II. Письма А. А. Фета. (М. П. Погодину, М. А. Милютиной, П. Н. Каратѣеву, О. М. Соловьевой)	95

ЗАМѢТКИ.

О Баратынскомъ	107
Н. М. Языковъ	111
Каролина Павлова	119
О романтизмѣ у Гоголя	122
Толстой и смерть	125
Оклеветанныя тѣни	130
Настоящій	135
О народныхъ поэтахъ	143
Рыцарь въ ресторанѣ	145
Жизнь и поэзія	148
Памяти Ю. А. Сидорова	156

Дополненія.

I. Незданные стихи Ю. А. Сидорова	162
II. Встрѣча съ Н. Г. Гарнинымъ	164

ФОЕТИАНА.

I. А. А. Фетъ въ Верро	169
II. Автографъ А. А. Фета	170
III. Тургеневъ о Фетѣ	171
IV. Письмо А. А. Фета къ И. С. Тургеневу	173
V. Пасквильные акростихи	175
VI. Фетъ о своихъ стихахъ	179
VII. Эпиграммы на А. А. Фета	179
VIII. А. Фетъ. О пощлугѣ	181
IX. Описание рукописей А. А. Фета	185
X. Юбилей А. А. Фета	187

PRO DOMO SUA.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

РОСХИМ СССР
Заводской комитетъ.

Завода № 2252

194 г.

№ 2252 986

ИЗДАТЕЛЬСТВО
1915
С. ПЕТРОГРАДЪ

ОМСК КОГИЗ
Магазин № 1
Томов 14
руб. 15 коп.
Кварт. 195

ЦѢНА ДВА РУБЛЯ СЪ ПОЛТИНОЮ

Складъ въ книгоиздательствѣ - СИРИУСЪ -
Петроградъ. Рыночная, 10.